

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 3 (40) 2020

IPL INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH • 1988

**Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук**

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*ПИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Екатеринбург – 2020

**«ДИСКУРС-ПИ»
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
3 (40) 2020
Сентябрь 2020**

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 26.09.2020 г.

Формат 70x100^{1/16}

Усл. печ. л. 15,76

Тираж 300 экз.

Заказ № 2011765

Отпечатано в типографии «Малахит»

620014, г. Екатеринбург,

ул. Шейнкмана, 7

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**Все выпуски журнала
размещаются на сайте**

www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
придерживаться стилистики
научного дискурса**

**Подписной индекс 71227
в Объединенном каталоге «Пресса России»**

Цена свободная

Статьи распространяются на основе
публичной лицензии Creative Commons

ДИСКУРС-ПИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Николаевич Руденко – Институт философии и права УрО РАН, академик РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Сагади Булекбаев – Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, Алма-Аты, Казахстан

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Андрей Королев – Российское Философское Общество, Москва, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Ольга Малинова – Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

Михаил Малышев – Автономный университета штата Мехико, Толука, Мексика

Виктор Мартьянов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежской филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Сянмэй Сюй – Институт по изучению партийной истории и литературы при ЦК КПК, Пекин, КНР

Лидия Тимофеева – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Лариса Хопёрская – Киргизско-Российский славянский университет, Бишкек, Киргизия

Александр Чумаков – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 23.00.00 Политология, 09.00.00 Философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

**«DISCOURSE-P»
SCIENTIFIC JOURNAL
3 (40) 2020
September 2020**

Published four times a year

Founded by
Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
Malyshev street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-54425 from June 10, 2013
given by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

Passed for printing on September 26, 2020
Format 70x100^{1/16}
Reference sheet area 15,76
Issues – 300
Order # 2011765

Printed by typography «Malahit»
Scheinkman street 7
Ekaterinburg, 620014, Russia

Manuscripts are reviewed
The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
Sofia Kovalevskaya street 16
Ekaterinburg, 620990, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**All issues of the journal
are available on the website**
www.madipi.ru

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors
to adhere to the style
of scientific discourse**

**Subscription index
in the United Catalog «Russian Press» 71227**

Free price

The articles are distributed under
a Creative Commons public license

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Nikolaevich Rudenko – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of RAS, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Commissioning Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Qinian An – University of China, Beijing, China

Sagadi Bulekbaev – Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Alexander Chumakov – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Larisa Khoperskaya – Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Andrew Korolev – Russian Philosophical Society, Moscow, Russia

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Olga Malinova – Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail Malyshev – Autonomous University of Mexico, Toluca, Mexico

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasiliy Rusakov – Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Lydia Timofeeva – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Xiangmei Xu – Institute for the Study of Party History and Literature at the CPC Central Committee, Beijing, China

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

**June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following groups of scientific specialties:
23.00.00 Political science, 09.00.00 Philosophical Sciences**

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

The journal is included into the «CyberLeninka» database

№ 3 (40)

Дискурс политики памяти

Кокоулин В.Г.

Технологии трансформации исторической памяти
о Великой Отечественной войне в постсоветской России 10

Головашина О.В.

Репрезентация Великой Отечественной войны в сетевых сообществах 26

Гапоненко Л.Б.

Конструирование национальной идентичности
в контексте политики памяти 40

Франц В.А.

Потенциал мягкой силы исторической памяти во взаимном сближении
жителей государств Центральной Азии и россиян 54

Фурсов К.К.

Современные массмедиа о событиях Второй мировой войны:
структурный анализ дискурса вражды 74

Шуб М.Л.

Основные стратегии российской государственной политики памяти
в контексте современного кинематографа 88

Луньков А.С.

Концепция «христолюбивого воинства»
в российском богословском и философском дискурсах XIX в.
как феномен политики памяти..... 101

Конференц-зал

О III-их Субботних политологических чтениях,
проводимых Школой политических исследований
Института общественных наук РАНХиГС совместно с РАПН
и Академией политической науки 19.09.2020 112

Парадигмы и процессы

Ковба Д.М.

«Animal diplomacy» как направление полимодальной дипломатии 122

Попцов Д.А.

Новые медиа в контексте формирования общественного мнения 140

Кисс Э.

Некоторые главы из теории о неожиданной мировой истории.

Часть II 153

Современная логика и интеллектуальные технологии

Лобовиков В.О.

Бытие Бога во всем как формально-аксиологический закон,
обоснованный вычислением ценностных функций в двузначной
алгебре метафизики как формальной аксиологии .....

171

3 (40)

Memory Policy Discourse

Kokoulin V.G.

Technologies for Transforming the Historical Memory
of the Great Patriotic War in Post-Soviet Russia 10

Golovashina O.V.

Representation of the Great Patriotic War in Online Communities 26

Gaponenko L.B.

The Construction of National Identity
in the Context of the Politics of Memory 40

Frants V.A.

The Potential of Soft Power of Historical Memory in the Mutual Rapprochement
of Residents of the Central Asian Countries and Russians 54

Fursov K.K.

Modern Mass-Media on the Second World War Events:
Structural Analysis of the Discourse of Enmity 74

Shub M.L.

The Main Strategies of the Russian State Policy of Memory
in the Context of Modern Cinema 88

Lunkov A.S.

The Concept of the "Christ-Loving Host"
in Russian Theological and Philosophical Discourses of the 19th Century
as a Phenomenon of Politics of Memory 101

Conference Chamber

About the III Saturday Political Science Readings
held by the School of Political Studies
of the Institute for Social Sciences of RANEPA in Cooperation with the RPSA
and the Academy of Political Science on September 19, 2020 112

Paradigms and Processes

Kovba D.M.
 “Animal Diplomacy” as a Direction of Multimodal Diplomacy 122

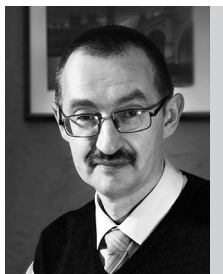
Poptsov D.A.
 New Media in the Context of Public Opinion Formation 140

Kiss E.
 Some Chapters from a Theory about an Unexpected World History.
 Part II 153

Modern Logic and Intellectual Technologies

Lobovikov V.O.
 Omnipresence of God Proved As a Formal-Axiological Law
 by Computing Evaluation-Functions in Two-Valued
 Algebra of Metaphysics as Formal Axiology 171

ТЕХНОЛОГИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Кокоулин Владислав Геннадьевич,

Новосибирское высшее военное командное училище,
Сибирский университет потребительской кооперации,
Главный редактор научно-исторического журнала
«Сибирский Архив»,
доктор исторических наук, профессор,
Новосибирск, Россия,
ORCID: 0000-0001-6375-0173,
E-mail: kwladislaw@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 06.06.2020, принята к публикации 10.08.2020

Для цитирования: Кокоулин В.Г. Технологии трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне в постсоветской России // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3(40). С. 10–25. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10301

Аннотация

В статье на основе анализа содержания кинокартин, вышедших на экраны в годы Перестройки и в постсоветской России, характеризуются основные технологии трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне. За основу взята классификация приёмов и методов, которые применяются при фальсификации истории. Автор отмечает, что в отличие от фальсификаторов истории, которые оперируют историческими фактами и их интерпретациями, политика исторической памяти оперирует мифами, символами, клише и идеологемами.

В отличие от имеющихся исследований, которые преимущественное внимание обращают либо на способы фальсификации исторических событий, либо на содержательную сторону политики исторической памяти, автор данной статьи показывает, как применяются различные технологические приёмы трансформации исторической памяти на примере Великой Отечественной войны.

Выделяются следующие технологии трансформации исторической памяти: стирание исторической памяти, переписывание смысла, лишение исторических со-

© Кокоулин В.Г., 2020

бытий реального содержания, развенчание и дискредитация героев, «чёрный» миф, генерирование «фобий» по отношению к событиям прошлого и разрыв единого исторического пространства.

Автор приходит к выводу, что основным мифом, который лежит в основе трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне в годы Перестройки и в постсоветской России, стал миф о «страдающем советском народе», который заменил советский миф о «процветающем советском народе».

Ключевые слова:

технологии трансформации исторической памяти, политика исторической памяти, массовое сознание, Великая Отечественная война, мифологизация, идеология, Перестройка, постсоветская Россия.

UDC 321.022

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10301

TECHNOLOGIES FOR TRANSFORMING THE HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN POST-SOVIET RUSSIA

Kokoulin Vladislav Gennadyevich,

Novosibirsk higher military command school,
Siberian University of consumer cooperation,
Scientific and historical journal «Siberian Archive», Editor-in-chief,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Novosibirsk, Russia,
ORCID: 0000-0001-6375-0173,
E-mail: kwladislaw@yandex.ru

Article received on June 6, 2020, accepted on August 10, 2020

To cite this article: Kokoulin V.G. (2020). Tekhnologii transformacii istoricheskoy pamyati o Velikoj Otechestvennoj vojne v postsovetskoj Rossii [Technologies for Transforming the historical memory of the Great Patriotic War in Post-Soviet Russia]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(40), 10-25. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10301

Abstract

Based on the analysis of the content of films released during Perestroika and in post-Soviet Russia, the article describes the main technologies for transforming the historical memory of the Great Patriotic war. It is based on the classification of techniques and methods that are used for falsification of history. The author notes that unlike falsifiers of history,

who operate with historical facts and their interpretations, the policy of historical memory operates with myths, symbols, cliches and ideologems.

In contrast to the existing research, which focuses primarily on the methods of falsification of historical events, or on the content of the policy of historical memory, the author of this article shows how various technological methods of transforming the historical memory are used on the example of the Great Patriotic war.

The following technologies of transforming the historical memory are distinguished: the destruction of historical memory, rewriting the meaning, depriving historical events of real content, debunking and discrediting heroes, “black” myth, generating “phobias” in relation to events of the past, and breaking a single historical space.

The author concludes that the main myth that underlies the transformation of the historical memory of the Great Patriotic war in the years of Perestroika and in post-Soviet Russia was the myth of the “suffering Soviet people”, which replaced the Soviet myth of the “prosperous Soviet people”.

Keywords:

technologies of transforming the historical memory, politics of historical memory, mass consciousness, Great Patriotic war, mythologization, ideology, Perestroika, post-Soviet Russia.

Введение

Согласно социологическим опросам, которые проводились в России в разные годы, среди значимых событий XX в. самым главным остаётся Победа в Великой Отечественной войне. Об этом, например, свидетельствуют данные Центра социально-политического мониторинга РАНХиГС (Покида, 2015). Однако в политике исторической памяти тема Победы занимает незначительное место. За последние 30 лет было снято несколько сот фильмов и сериалов, посвящённых Великой Отечественной войне, и среди них нет ни одного фильма, посвящённого Победе. Даже выпущенный в прокат в 2006 г. фильм «День Победы» был посвящён тому, как воевал «штрафбат». Это не удивительно. Победа в Великой Отечественной войне не вписывается в фундаментальный миф, который лежит в основе политики исторической памяти в постсоветской России. Этот миф сформировался в годы Перестройки и состоял в замене прежнего советского мифа о «процветающем советском народе» на миф о «пострадавшем советском народе».

Политика исторической памяти о Великой Отечественной войне активно изучается в современной российской и зарубежной историографии (Кегель, 2006; Кокоулин, 2020). Большой вклад в её изучение внесла Уральская школа политической дискурсологии. Так, в публикациях К. С. Романовой рассмотрены общие проблемы изучения исторической памяти (Романова, 2016, 2017), в статье Е. Д. Кочневой – использование исторических событий Великой Отечественной войны в практике политики исторической памяти (Кочнева, 2015), в статьях О. Ф. Русаковой и В. М. Русакова проанализировано происхождение и содержание мифа о равной ответственности гитлеровской Германии

и СССР за развязывание Второй мировой войны, а также показано место этого мифа в политике исторической памяти в современной России и причины того, почему в этой политике отрицается связь между Октябрьской революцией и Великой Отечественной войной (Русакова, Русаков, 2016а, 2016б).

Следует отметить, что подавляющее большинство исследователей анализируют преимущественно содержание политики исторической памяти и массового исторического сознания, оставляя за рамками исследования те технологии, которые используются для трансформации исторической памяти не только о войне, но и о советском периоде российской истории в целом. Между тем, эти технологии из учебной литературы, публицистики и кинематографии постепенно проникают в научную литературу, которая вместо изучения исторических событий и пропаганды научных знаний включается в процесс формирования мифологических пластов массового исторического сознания современной России.

В настоящей статье на основе анализа вышедших на экран в постсоветской России кинофильмов и сериалов разных жанров анализируются основные технологии трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Технологии трансформации исторической памяти имеют много общего с приёмами фальсификации истории (Балабушевич, 2012; Золотарёв, 2010). Разница между фальсификациями и политикой исторической памяти состоит в том, что в первом случае операции производятся над фактами и их интерпретациями, а во втором – преимущественно над мифами, символами, клише и идеологемами.

Результаты исследования

Рассмотрим основные технологии трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне на конкретных примерах их применения.

Стирание исторической памяти

Особенностью данной технологии является сознательное замалчивание определённых событий или возможных интерпретаций неоднозначных событий. Применительно к освещению событий Великой Отечественной войны эта технология либо замалчивает события, связанные с достижениями и с тем, чем российское общество может по праву гордиться, либо выводит на первый план негативные моменты, которые имеются в истории любого общества, не исключая и российское.

Следует отметить, что данная технология по отношению к исторической памяти о Великой Отечественной войне не является изобретением Запада в период «холодной войны», периода Перестройки или постсоветской России. Стирание исторической памяти началось сразу же после окончания Великой Отечественной войны. Политика исторической памяти первых послевоенных лет была направлена на вытеснение из массового сознания трагических и неоднозначных сторон прошедшей войны, особенно её начального периода, и замену их эпико-героическими страницами (Добренко, 2020, с. 59). Это хорошо видно

при сравнении фильмов периода самой войны и первых послевоенных лет. Так, первые акцентировали внимание на мобилизации всех ресурсов страны (как материальных, так и «духовных») на борьбу с фашистскими захватчиками, а вторые посвящались исключительно победе как символу торжества советского строя, сталинского руководства и преимуществ социализма.

Этот ракурс освещения событий прошедшей войны в политике исторической памяти сохранялся до периода Перестройки. Так, практически не показывался начальный период войны с горькими поражениями, а если и показывался, то исключительно в ракурсе «вероломного нападения фашистской Германии на мирно спящую страну Советов». Зато всё больше и больше внимания уделялось победоносным сражениям – битве под Москвой, Сталинградом, Курском и триумфальному наступлению на Берлин. А те сражения, в которых Красная Армия или не достигла значительных успехов или потерпела поражение (например, Ржевская битва), сознательно вытеснялись из исторической памяти и, соответственно, из массового сознания. Стирание памяти продолжалось после XX съезда КПСС и в годы правления Л. И. Брежнева. Переписывались мемуары, возвеличивались одни герои в ущерб другим. Место Сталина как руководителя страны в годы Великой Отечественной войны в политике исторической памяти прочно заняла коммунистическая партия.

Технологию стирания памяти применял не только СССР, но и все прочие страны, как участвовавшие в войне, так и нейтральные. Так, Австрия долгое время позиционировала себя как «первую жертву Гитлера» и лишь потом признала, что была «участником войны». Переформатированием исторической памяти о войне занималась даже нейтральная Швейцария (Ormes, 2011).

Основным различием в разных странах и в разные исторические периоды было то, что подвергалось стиранию.

В период Перестройки произошло кардинальное переформатирование фундаментального мифа, который лежал в основе политики исторической памяти в советский период. Миф о «процветающем советском народе» был заменён мифом о «пострадавшем советском народе». Отметим, что оба этих мифа являются акцентами истории советского общества, в котором были как безусловные достижения (полёт в космос, бесплатные медицина и образование и т. д.), так и трагические страницы (репрессии, поражения в начальный период Великой Отечественной войны и т. д.).

Политика исторической памяти в период Перестройки характеризовалась двумя особенностями. Во-первых, критикуя Сталина, политика апеллировала к возврату к ленинским истокам социализма. Во-вторых, в научном сообществе господствовали представления о том, что достаточно заполнить «белые пятна» в истории советского периода, и мы сразу же получим цельную картину исторического прошлого.

С начала 1991 г. политика исторической памяти из «антисталинской» превратилась в «антисоветскую». А вместо заполнения «белых пятен» истории на вооружение была взята концепция «двух тоталитаризмов»: сталинского и гитлеровского, якобы идентичных друг другу. Более того, концепт «тоталитаризма» распространили на всю эпоху существования советского общества, начиная с 1917 г. и до 1991 г. В учебной литературе ярчайшим воплощением такого подхода стал учебник двух профессоров Новосибирского университета, в котором

вся советская история была спешно переписана для обоснования «тоталитарного» характера советского общества. Чтобы сгустить краски, авторы объявили сталинский «тоталитаризм» более «зловещим», чем гитлеровский, аргументируя это тем, что он победил в войне и продержался более 70 лет. Поразительно, но даже страдания ленинградцев во время блокады эти авторы объяснили не военными планами Гитлера и нападением фашистской Германии, а «просчётами» сталинского руководства (Кузнецов, Исупов, 1996). Как показали исследователи О. Ф. Русакова и В. М. Русаков, этот концепт использовался фальсификаторами для обоснования, например, «равной ответственности» СССР и фашистской Германии за развязывание Второй мировой войны (Русакова, Русаков, 2016а).

В итоге, в фильмах, начиная с 1990-х гг., совершенно исчезают такие знаковые для советского времени фигуры, как коммунисты, комсомольцы, деятели партийных организаций, как собственно и само понятие «советский народ». Ярчайшим примером стал фильм «28 панфиловцев» (2016), который активно рекламировался как «снятый на народные деньги». Авторы фильма через диалоги героев заменили понятие «СССР» на понятие «Россия», «коммунистов» – на «русских офицеров и солдат», «советский народ» – на «русских и немного казахов», которые, как разъясняется в фильме, тоже «русские», поскольку сражаются в России и за Россию.

Переписывание смысла

В случае стирания исторической памяти целиком «удаляются» события, герои, символы и т. д. Если же событие или символ сохраняются, но в них вкладывается иной смысл, то это значит, что мы имеем дело с другой технологией – переписыванием смысла.

Ярким примером применения данной технологии стал фильм «Брестская крепость» (2010). Брестская крепость в советские времена была символом мужества и несгибаемой воли к сопротивлению врагу. В фильме о Брестской крепости мы видим оборону самой крепости, ожесточённые сражения, защитников крепости, и, наконец, смерть одних героев и сдачу в плен других. Как отмечали внимательные зрители на различных интернет-форумах, в данном фильме исторические события и факты были существенно переформатированы. Но не исторические ошибки и искажения – главное в нём. Идея фильма, если попытаться кратко её сформулировать, состоит в следующем: фашисты напали на мирную крепость, гарнизон которой не был готов к нападению, хотя все знали, что война может начаться в любой момент, и эту крепость фашисты разрушили. Завершается всё повторяющимся закадровым текстом: «такой-то репрессирован тогда-то». Фильм показывает все «ужасы» тоталитарного общества, в котором априори ничего не может быть хорошего. Армия не оснащена и вооружена примитивным оружием, стратегические участки не оборудованы для боя, совершенно нет медикаментов, офицеры почти сплошь безграмотные с шапкозакладательскими настроениями. Молодому поколению навязывают мысль о том, что люди погибли напрасно, этого можно было бы избежать, если бы руководство страны готовило войска к обороне и само было бы готово к войне.

Если старшее поколение хорошо знает, почему Брестская крепость оказалась в глубоком тылу, то для молодого поколения авторы фильма даже не пред-

принимают попытки объяснить этот факт. Точнее, есть намёк на то, что все думали, что «будем сражаться малой кровью на чужой территории» и не более того. В фильме нет ответа и на вопрос «Почему?». Но главное в фильме даже не это. В советское время Брестская крепость была символом первой победы. В фильме же смысл меняется – показано поражение. И не понятно, ради чего эти люди умирали, а не сдались в плен. В фильме падение Брестской крепости – это конец истории. В реальности же защитники крепости после неудачной попытки прорыва поняли, что не выберутся, но приняли решение стоять до конца, перейдя ту невидимую грань, которая отделяет подвиг от собственной жизни и смерти. В этом была победа духа и воли.

Лишение исторических событий реального содержания

В случае переписывания смысла берётся реальное событие, но его смысл заменяется другим. Ещё одним приёмом переформатирования исторической памяти является тот случай, когда остаётся форма, название, но реальное содержание выхолащивается.

Данная технология также широко применяется в современных фильмах о войне. Так, в случае с упоминавшимся выше фильмом «28 панфиловцев» (2016), героическая оборона Москвы (а в данном фильме речь идёт об одном из эпизодов этой обороны) выглядит следующим образом. Оживлённые упитанные мужчины средних лет с шутками-прибаутками обсуждают фашистские танки (какая у них броня, сколько у них катков и т. д.). Нет никакого намёка на то, что это будет, возможно, их последний бой. Затем на марше они опять же оживлённо обсуждают 300 спартанцев и 7 самураев (последнее, кстати, характеризует уровень исторических знаний создателей фильма – после Халхин-Гола восхищаться японцами это всё равно, что восхищаться храбростью и доблестью эсесовцев после битвы под Москвой). В окопах они опять что-то оживлённо обсуждают. Атака врага – снова балагурят. Создается впечатление, что автор фильма «про войну» читал только «Похождения бравого солдата Швейка». В фильме нет ни врага – «тупые» танки и «тупые» немцы толпой идут на «русские» окопы и дружно погибают. Героев тоже нет – балагурящие или равнодушно стреляют, или просто падают «от вражеской пули». Подвига тоже нет, поскольку герои ничего не боятся, и вообще плохо представляют, куда и зачем они пришли. Пиротехника и спецэффекты – вот что привлекло внимание молодёжи к фильму. Но под красивой обёрткой зрители не заметили, что им предлагается «пустышка».

Разумеется, данная технология не ограничивается этим фильмом. Она активно применялась ещё с периода Перестройки. Так, в киноэпопее «Сталинград» (1989) авторы напрочь лишают смысла битву за Сталинград. После просмотра фильма остаётся впечатление, что действуют два безумца – Гитлер и Сталин. Первый старается занять город, который носит имя его врага, а второй – отправляет на заклание дивизию за дивизией, лишь бы не допустить фашистов в город своего имени. И ни малейшего намёка на то, что Волга была не только последним крупным естественным препятствием для гитлеровцев, рвущихся к кавказской нефти, но и важнейшей транспортной артерией, по которой шли баржи и танкеры.

Кстати, более современный фильм «Сталинград» (2013) ещё более лишён реального содержания. Его смысл сводится не к битве за Сталинград или Родину, а к «междусобойчику» между ярым фашистом за одну женщину и несколькими «русскими» парнями – за другую. Никакого подвига не показано, напротив, солдаты безразличны и к Родине, и к Сталину. Причём создатели фильма «уравнили» Гитлера и Сталина. Так, в доме, где пирует главный фашист, на стене висит портрет Сталина. Фашистские солдаты строятся, а на заднем плане – барельеф Сталина. С точки зрения нашей истории Сталинград был одним из труднейших и кровопролитнейших сражений против рвущейся к Волге гитлеровской армии с неисчислимым количеством подвигов. С точки зрения немецких мемуаристов, Сталинград был адской бойней, закончившейся разгромным поражением. Но ни один из этих аспектов не показан создателями фильма. С их точки зрения, Сталинград – это всего лишь место для свиданий. Любовь показывалась как близость двух душ, которые оказались в огненном аду.

Ещё одним примером можно считать фильм под названием «Битва за Севастополь» (2015). По сюжету – это любовный блокбастер женщины-снайпера, лишь случайно оказавшейся на поле боя. Фильм с равным успехом можно было назвать как угодно – «Битва за Одессу», «Битва за...» и ничего не изменится. К реальной битве за Севастополь или хотя бы к одному из эпизодов этой битвы фильм отношения не имеет.

И, наконец, последний пример – фильм «Ржев» (2019). Это «Ржев» без Ржева, герои без героизма и Победа без победителей. Практически каждый советский фильм прославлял мужество и героизм советского солдата, давал понять, какой ценой досталась в итоге Победа. В «Ржеве» солдаты весь фильм «поливают помоями» государство, за которое их «заставили» воевать. Разумеется, что никакого отношения к тяжелейшим боям под Ржевом фильм не имеет.

Развенчание и дискредитация героев

Следующая технология трансформации исторической памяти не отрицает событий, не отрицает фактов, но подаёт их, применяя метод дегероизации. При этом прибегают к двум приёмам – либо поступки героя анализируются и показываются без учёта исторического контекста, либо основное внимание акцентируется на отрицательных сторонах жизни героя.

Стараниями кинематографистов из исторической памяти о Великой Отечественной войне уже стёрты понятия «советский солдат» и «коммунист», исчез и Сталин как руководитель советского государства; многим событиям придан иной смысл (Брестская крепость из символа победы стала символом поражения); из таких событий, как битва за Сталинград, Севастополь или Ржев удалено реальное содержание. Но остаются символы, которые по-прежнему напоминают нам о войне и Победе. Например, полководцы Победы. И главный из них – маршал Г.К. Жуков. В отношении него в полной мере применяется технология развенчания и дискредитации.

В период Перестройки Жукова противопоставляли Сталину, изображая первого как единственного творца Победы. Так, в фильме «Сталинград» (1989) Сталин показан недалёким самодуром, который с лёгкостью, граничащей с идиотизмом, отбрасывает все данные агентуры и измывается над генералами-

подлизами. Из мудрого и немногословного, каким он изображался в советских фильмах, он превращается в злобно-подозрительного. Жуков в этом фильме показан дерзким и ни с чем не согласным, постоянно спорящим со Сталиным, причём иной раз не по- существу. В этой же киноэпопее появляется сюжет про Берию, который доносит Сталину про амбиции Жукова.

В начале 1990-х гг. после дискредитации Сталина кинематографисты взялись и за Жукова. В фильме «Генерал» (1992), посвящённом генералу А.В. Горбатову, основной сюжет повествует о том, как непокорный генерал Горбатов спорит с «шапкозакидательскими планами Ставки», чтобы сохранить живыми как можно больше солдат. Ставку представляет Г.К. Жуков, который постоянно перебивает Горбатова и регулярно впадает в истерику, а также проливает реки русской крови.

Вскоре в 1995 г. на экраны вышел фильм Юрия Озерова, автора позднесоветских эпико-героических кинокартин о войне. Он собрал из своих прежних фильмов отдельные фрагменты и смонтировал из них кинокартину «Великий полководец Георгий Жуков». Образ Жукова в этом фильме, в отличие от позднесоветских фильмов того же режиссёра, оказался несколько утрированным – зрителям великий полководец был показан эдаким солдафоном в галифе.

Спустя 16 лет кинематографисты окончательно «расправились» с народным героем и маршалом Победы Г.К. Жуковым, выпустив на экраны сериал «Жуков» (2011). Из серии в серию рассказывается о запутанных отношениях Жукова с женой и любовницами, интригах И.В. Сталина с использованием Абакумова и Берии против «метившего в Бонапарты» Жукова, кознях против него хрущёвского и брежневского аппарата. Продюсер А. Пиманов не скрывал своего замысла. В интервью «Российской газете» он разъяснял: «Мы показали человека, в которого были влюблены и страна, и женщины, которые до конца жизни не могли от него оторваться. Нам кажется, что мы поняли Жукова. Мы встали над этой женской дракой, потому что его делят до сих пор...» (Пиманов, 2012). В итоге вся деятельность Г.К. Жукова была сведена к тому, что он безжалостно реками лил кровь «русских» солдат, да к тому же ещё оказался «моральным разложением».

Подобная технология применяется и к героям меньшего масштаба. В качестве примера можно привести фильм о подводнике Александре Маринеско «Первый после бога» (2005). Технологию дискредитации героя в этом фильме показала журналистка Л. Маслова. Конечно, реальный Александр Маринеско не был идеальным: случалось, что и устраивал дебоши, и карточную игру любил. Но поскольку это никак не отменяло его героизм и мужество, то кинематографисты придумали линию с дворянским происхождением героя, добавив образ особиста, который разыскивает служившего у Колчака брата Александра Маринина (так в фильме зовут главного героя). Быт подводников создатели фильма также показали не в лучшем виде – то они постоянно развлекаются со шведскими проститутками, то изрядно выпивший комбриг сокрушается, что не может пойти с другими офицерами в бордель. А на вопрос о том, как ему удаётся уходить от вражеских судов, Александр Маринин отвечает просто: «Везёт!». Героизм, таким образом, сведён к простому бесшабашному поведению и везению, ни страха, ни профессионализма, ни трезвого расчёта, ни офицер-

ской чести. Какой же это герой-подводник? Стараниями кинематографистов он превращён в простого картёжника, пьяницу и бабника (Маслова, 2005, с. 22).

«Чёрный» миф

Если у кинематографистов не находится подходящих событий, символов, сюжетов или героев для пропаганды определённой позиции, то их просто придумывают и затем показывают в нужном (как правило отрицательном) ракурсе, либо заведомо отрицательных персонажей показывают в положительном ключе. Так появляются «чёрные» мифы.

Самым ярким примером подобного мифа в постсоветской России является фильм «Сволочи» (2006). В этом фильме Великую Отечественную войну просто оболгали. Фильм снят о том, чего никогда не было в Советском Союзе – об использовании подростков в качестве «пушечного мяса». Да, подростки воевали в партизанских отрядах, в подполье, трудились в тылу, но того, что показано в «Сволочах», просто не могло быть.

Другим воплощением «чёрного» мифа в постсоветском российском кинематографе можно назвать тему штрафных рот и штрафбатов. В российском кинематографе эта тема появилась в эпоху Перестройки. В фильме «Гу-га» (1989) штрафную роту попадает за серьёзный проступок курсант лётного училища. Режиссёр попытался убедить зрителей, что в штрафники попадали «ни за что», выходом из штрафной роты были либо смерть, либо, в крайнем случае, освобождение после тяжёлого ранения. Именно штрафники, по мнению создателей фильма, вынесли всю тяжесть войны, в то время как остальные солдаты отсиживались в блиндажах, а потом незаслуженно получали награды.

Расцвет данной темы пришёлся на начало 2000-х гг., когда вышел в свет сериал «Штрафбат» (2004). Основная цель сериала – создать у зрителя впечатление о том, что воры, убийцы и прочие уголовники – это не просто «такие же люди», но ещё и герои, которые совершают подвиги, выполняя безумные приказы злобных советских командиров. Основные «враги» в этом сериале – не фашисты, а особисты, которые в фильме расстреливали штрафников направо и налево. Итог подвёл фашистский генерал, сказавший следующее: «Если бы у Германии было так много солдат – разве стала бы она их так бесщётно разбазаривать? Подобное поведение России вызывает гордость... или страх».

С исторической точки зрения ко многому тому, что показано в «Штрафбате», необходимо относится критически. Дело в том, что в частях Красной Армии штрафные батальоны укомплектовывались из офицеров и политработников, совершивших какие-либо профессиональные проступки. Рядовых и младший командный состав направляли в отдельные штрафные роты. Командовали и теми, и другими кадровые офицеры. Политических и уголовников в такие подразделения не направляли. Тех, кто бежал из плена, не отправляли в штрафбаты и штрафроты. Их проверяли в особых отделах и снова отправляли на фронт. Известно, что за период войны через штрафные части прошли чуть больше 420 тыс. человек, что составляет менее 1,5% от всех, кто воевал в Красной Армии. Поэтому такой сериал можно с полным правом отнести к числу «чёрных» мифов. Следует также отметить, что образ штрафников, идущих плотной

массой по минным полям, к сожалению, стал расхожим клише в постсоветском кинематографе.

Генерирование «фобий» по отношению к событиям прошлого

Предыдущие технологии трансформации исторической памяти проявляются, так сказать, «на поверхности». Их используют по большей части сознательно. Но есть приёмы и методы, которые «скрыты» не только от потребителя идеологической продукции, но и, зачастую, от самих производителей этой продукции. Речь идёт о генерировании различных «фобий» по отношению к событиям прошлого, которые должны вызывать страх и ненависть по отношению к прошлому и формировать неуверенность по отношению к настоящему и будущему.

За последние десять с небольшим лет сняты десятки сериалов про диверсантов. Тема, конечно, не новая для российского кинематографа. Однако именно в настоящий период она переживает небывалый расцвет. Причины же этого расцвета вовсе не очевидны. Но их можно выявить, исходя из исторических аналогий.

Так, если обратиться к истории Французской революции, то можно увидеть, что конспирологические теории играли важную роль в объяснении многих сторон этой революции в массовом сознании: политических оппонентов проще представить в роли заговорщиков и террористов. Теории заговора достаточно убедительно объясняют неожиданное фиаско казавшегося незыблемым режима. Этот феномен обстоятельно проанализирован в относительно недавно вышедшей коллективной монографии «Заговор во Французской революции». Особенно детально это явление разобрано в очерке Томаса Кайзера, вошедшем в данную коллективную монографию (Kaiser, 2010).

Применительно к политике исторической памяти о Великой Отечественной войне следует отметить, что после того, как были произведены колоссальные изменения в ландшафте «героев» и «врагов» в этой войне, потребовались «новые» враги и герои. Здесь как нельзя кстати оказались востребованы фигуры «разведчиков» в роли «героев» и «диверсантов Абвера» в роли «врагов». Причём «диверсанты Абвера» – это не только немецкие фашисты, но и разного рода «кроты», действовавшие в наших военных и специальных органах. Вот лишь некоторые из сериалов, которые развивают эту тему: «Смерть шпионам» (2007), «Смерть шпионам. Крым» (2008), «Военная разведка. Западный фронт» (2010), «Смерть шпионам. Скрытый враг» (2012), «Военная разведка. Первый удар» (2012), «По законам военного времени» (2015), «Смерш» (2019) и др.

Формируемый «конспирологический взгляд» на прошедшие события призван генерировать разного рода «фобии», связанные с непредсказуемостью и «загадочностью» военной жизни, в которой всё организовано агентами и контрагентами. «Агентурный» взгляд на исторические события усиливает неуверенность и в понимании настоящего: ведь всё видимое представляется в качестве ширмы для «происков враждебных сил», а политическая борьба, идущая в российском обществе, редуцируется к «тайным замыслам элит». Единственный позитивный вывод, который может извлечь зритель из данного подхода, – это упование на разум и благородство в деятельности собственных спецслужб. И этот вывод уже находит своё отражение в очередном повороте политики исторической памяти о Великой Отечественной войне. Три десятка лет россиянам показывали

на экране «зверства кровавых чекистов» и омерзительные фигуры особистов и энкавэдэшников как воплощение «зловещего» сталинского режима. Но в последние годы в российском кинематографе стали появляться сперва неоднозначно плохие/хорошие чекисты (например, капитан Шмелёв в сериале «По законам военного времени» (2015)), а затем и вообще доброжелательные и вежливые «НКВДисты» (сериал «Подлежит уничтожению» (2019)).

Разрыв единого исторического пространства

Ещё одной технологией трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне, которая не столь очевидна на первый взгляд, является отрыв показываемых военных событий от сформировавших их суть и смысл крупных и значимых событий прошлого.

Так, во всех фильмах, посвящённых Великой Отечественной войне, вышедших на экраны в постсоветский период, данная война вполне намеренно «отрывается» от Октябрьской революции. Если в фильмах раскрываются биографии героев, то всегда показывается, что они вышли «не из Октября», а из раскулачивания и репрессий 1930-х гг., из белоэмигрантского движения и других социальных и прочих групп, которые пострадали от сталинского режима. Данный феномен был обстоятельно проанализирован в работах О. Ф. Русаковой и В. М. Русакова (Русакова, Русаков, 2016b, с. 11), О. Ф. Русаковой и Е. Д. Кочневой (Русакова, Кочнева, 2017, с. 17–30). В них показано, что идейно-политический разрыв с Октябрем нацелен на то, чтобы стереть из массовой памяти представление о грандиозной роли Великой Октябрьской социалистической революции, кардинально изменившей последующую траекторию развития России и всего мира. Тот факт, что Победа в Великой Отечественной войне просто не могла бы состояться, если бы советская власть не сформировала систему ценностей человека социалистической ориентации, не провела бы культурную революцию, ускоренную модернизацию и индустриализацию страны, многие современные действующие политики предпочитают замалчивать. Отсюда – и «стыдливая» драпировка здания мавзолея В. И. Ленина, и трансформация даты 7 Ноября в день военного парада 1941 года, и проведение в нашей стране «тихого» 100-летнего юбилея Октябрьской революции. Такой сознательный уход от собственного исторического прошлого, хотя и сделанный под предлогом примирения политических сил для обеспечения единства нации, рано или поздно может отозваться новыми конфликтами, о чём не следует забывать.

Заключение

Кинофильмы и сериалы о Великой Отечественной войне – наиболее массовый идеологический продукт политики исторической памяти в постсоветской России. Однако он не является единственным способом воздействия на массовое историческое сознание. Что касается школьного и студенческого возраста – то для формирования их исторического сознания предназначены учебники истории и научно-популярная литература, а также многочисленные Интернет-сайты и ресурсы военной тематики. На думающее среднее и старшее поколение россиян направлена публицистика и документальные фильмы.

Символическое пространство также активно используется для формирования нужных представлений о прошедшей войне. Конструирование новых смыслов войны и деконструкция исторической памяти происходит в исторических музеях и музейных экспозициях, посвящённых войне. Причём это происходит не только в современной России, но и в других странах, и порой принимает достаточно странные формы (см., напр., Ven-Zeev, 2020).

Однако массированное воздействие на прошлое, как показывает исторический опыт, вовсе небезопасно для самого общества, поскольку трансформирование памяти о прошлых событиях имеет не только идеологический аспект, но и прикладной. Например, формирование представлений о том, кто является агрессором, а кто является жертвой в войнах и вооружённых конфликтах, может служить основой для взимания контрибуций и получения репараций. В качестве примера можно привести деятельность исследовательской группы «Historical Memory Group» в Колумбии, которая в 2007–2013 гг. готовила доклад о причинах вооружённого конфликта в стране (Alcalá & Uribe, 2016). Инструментализация памяти о Холокосте служила для обоснования агрессивной внешней политики в Израиле (Musolff, 2016). Манипуляции и трансформации исторической памяти запустили деструктивные процессы на современной Украине (Shevel, 2016). Можно привести и другие примеры. Поэтому вполне правомерной будет постановка такой проблемы, как «Трансформация исторической памяти о Великой Отечественной войне и национальная безопасность России». Связь между ними достаточно очевидна, но необходим детальный анализ политических, социальных, ментальных и информационных последствий той трансформации памяти о войне, которая происходит в постсоветской России.

Список литературы

1. Балабушевич, В.Ю. (2012). Фальсификация истории (опыт философского осмысления). *Мир науки, культуры, образования. Научный журнал*, 3(34), 289–292.
2. Балабушевич, В.Ю., Гурский, А.И., Кокоулин, В.Г. (2015). Историческая память о Великой Отечественной войне: символическое измерение. *Гуманитарные проблемы военного дела*, 1(2), 75–79.
3. Добренко, Е.А. (2020). *Поздний сталинизм: эстетика политики* (Т. 1). М.: Новое литературное обозрение.
4. Золотарев, В. (2010). Понять и разгадать. Национальная идея, военно-историческая наука и фальсификация минувшего. *Военно-промышленный курьер*, 3.
5. Кегель, Изабель де (2006). Необычные перспективы: Великая Отечественная война в новейших российских фильмах. *Память о войне 60 лет спустя* (с. 757–759). М.: Новое литературное обозрение.
6. Кокоулин, В.Г. (2020). Мифотворчество о Великой Отечественной войне в советских и постсоветских учебниках истории. «И помнит мир спасённый»: Система образования, как залог победы советского народа в Великой Отечественной войне. *Сборник докладов конференции* (с. 278–286). Уфа: БГПУ.

7. Кочнева, Е.Д. (2015). Политика памяти в России как систематическая работа с прошлым. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 3–4(20–21), 50–56.
8. Кузнецов, И.С., Исупов, В.А. (1996). *История России с 1917 года до наших дней: Учеб.кн.* Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та.
9. Маслова, Л. (2005, 3 ноября). Божье судно в фильме «Первый после бога». *Коммерсант*, 208, 22.
10. Пиманов, А. (2012, 26 января). Интервью. *Российская газета*.
11. Покида, А., Зыбуновская, Н. (2015). *Историческая память россиян о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.* Взято с <http://credo-new.ru/archives/658>
12. Романова, К.С. (2016). Дискурсы исторической памяти. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 3–4(24–25), 31–36.
13. Романова, К.С. (2017). Дискурсы исторической памяти (продолжение). *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 1(26), 36–42.
14. Русакова О.Ф., Кочнева Е.Д. (2017). Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 3–4(28–29), 17–30.
15. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. (2016a). Великая Отечественная война и политика исторической памяти. Ч. 1. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 1(22), 10–17.
16. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. (2016b). Великая Отечественная война и политика исторической памяти. Ч. 2. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(23), 8–17.
17. Alcalá, P.R., & Uribe, M.V. (2016). Constructing Memory amidst War: The Historical Memory Group of Colombia. *International Journal of Transitional Justice*, 10(1), 6–24.
18. Ben-Ze'ev, E., & Lomsky-Feder, E. (2020, April). Remaking generational memory: practices of decanonisation at historical museums. *International Journal of Heritage Studies*, 1–15.
19. Kaiser, Thomas E. (2010). Catilina's Revenge: Conspiracy and Historical Consciousness in the French Revolution. In Peter R. Campbell, Thomas E. Kaiser, & Maria Linton (Eds.), *Conspiracy in the French Revolution. (Chapter 9)*. Manchester University Press.
20. Musolff, A. (2016). Instrumentalization of Holocaust Memory and False Historical Analogies. *The Holocaust in the Twenty-First Century: Contesting/Contested Memory (Routledge Studies in Cultural History). Book 40, Chapter 3*.
21. Ormes, S. (2011). A masterable Past? Swiss historical memory of World War II. *Senior Honors Theses. Paper 4*, 5–8.
22. Shevel, O. (2016). The Battle for Historical Memory in Postrevolutionary Ukraine. *Current History. A Journal of Contemporary World Affairs*, 115(783), 258–263.

References

1. Alcalá, P.R., & Uribe, M.V. (2016). Constructing Memory amidst War: The Historical Memory Group of Colombia. *International Journal of Transitional*

Justice, 10(1), 6–24.

2. Balabushevich, V. Yu. (2012). Fal'sifikaciya istorii (opyt filosofskogo osmysleniya) [Falsification of history (experience of philosophical understanding)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. Nauchnyj zhurnal*, 3(34), 289–292.

3. Balabushevich, V. Yu., Gurskij, A. I., & Kokoulin, V. G. (2015). Istoricheskaya pa-myat' o Velikoj Otechestvennoj vojne: simvolicheskoe izmerenie [Historical memory of the Great Patriotic war: symbolic dimension]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, 1(2), 75–79.

4. Ben-Ze'ev, E., & Lomsky-Feder, E. (2020, April). Remaking generational memory: practices of decanonisation at historical museums. *International Journal of Heritage Studies*, 1–15.

5. Dobrenko, E. A. (2020). *Pozdnij stalinizm: estetika politiki* (T. 1). [Late Stalinism: the aesthetics of politics (Vol. 1)]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

6. Kaiser, Thomas E. (2010). Catilina's Revenge: Conspiracy and Historical Consciousness in the French Revolution. In Peter R. Campbell, Thomas E. Kaiser, & Maria Linton (Eds.), *Conspiracy in the French Revolution. (Chapter 9)*. Manchester University Press.

7. Kegel', Izabel' de (2006). Neobychnye perspektivy: Velikaya Otechestvennaya vojna v novejsih rossijskih fil'mah [Unusual perspectives: the Great Patriotic war in the latest Russian films]. *Pamyat' o vojne 60 let spustya* (pp. 757–759). M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

8. Kochneva, E. D. (2015). Politika pamyati v Rossii kak sistematicheskaya rabota s proshlym [Memory policy in Russia as a systematic work with the past]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3–4(20–21), 50–56.

9. Kokoulin, V. G. (2020). Mifotvorchestvo o Velikoj Otechestvennoj vojne v sovetskih i postsovetskih uchebnikah istorii [Myth-making about the Great Patriotic war in Soviet and post-Soviet history textbooks]. *"I pomnit mir spasyonnyj": Sistema obrazovaniya, kak zalog pobedy sovetskogo naroda v Velikoj Otechestvennoj vojne. Sbornik dokladov konferencii* (pp. 278–286). Ufa: BGPU.

10. Kuznecov, I. S., & Isupov, V. A. (1996). *Istoriya Rossii s 1917 goda do nashih dnei. Ucheb. kn.* [History of Russia from 1917 to the present day. Study book]. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta.

11. Maslova, L. (2005, November 13). Bozh'e sudno v fil'me "Pervyj posle boga" [God's ship in the movie "First after God"]. *Kommersant*, 208, 22.

12. Musolff, A. (2016). Instrumentalization of Holocaust Memory and False Historical Analogies. *The Holocaust in the Twenty-First Century: Contesting/Contested Memory (Routledge Studies in Cultural History). Book 40, Chapter 3*.

13. Ormes, S. (2011). A masterable Past? Swiss historical memory of World War II. *Senior Honors Theses. Paper 4*, 5–8.

14. Pimanov, A. (2012, January 26). Interv'yu [Interview]. *Rossijskaya gazeta*.

15. Pokida, A., & Zybunovskaya, N. (2015). *Istoricheskaya pamyat' rossiyan o Veli-koj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.* [Historical memory of Russians about the Great Patriotic war of 1941–1945]. Retrieved from <http://credo-new.ru/archives/658>

16. Romanova, K. S. (2016). Diskursy istoricheskoy pamyati [Discourses of historical memory]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3–4(24–25), 31–36.

17. Romanova, K. S. (2017). Diskursy istoricheskoy pamyati (prodolzhenie) [Discourses of historical memory (continue)]. *Scientific*

Journal "Discourse-P", 1(26), 36–42.

18. Rusakova, O.F., & Kochneva, E.D. (2017). Ocenki Oktyabr'skoj revolyucii v oficial'nom diskurse politiki pamyati [Assessments of the October revolution in the official discourse of memory politics]. *Scientific Journal "Discourse-P", 3–5(28–29), 17–30.*

19. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2016a). Velikaya Otechestvennaya vojna i po-litika istoricheskoy pamyati. Ch. 1 [The Great Patriotic war and the politics of historical memory. Part 1]. *Scientific Journal "Discourse-P", 1(22), 10–17.*

20. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2016b). Velikaya Otechestvennaya vojna i po-litika istoricheskoy pamyati. Ch. 2 [The Great Patriotic war and the politics of historical memory. Part 2]. *Scientific Journal "Discourse-P", 2(23), 8–17.*

21. Shevel, O. (2016). The Battle for Historical Memory in Postrevolutionary Ukraine. *Current History. A Journal of Contemporary World Affairs, 115(783), 258–263.*

22. Zolotarev, V. (2010). Ponyat' i razgadat'. Nacional'naya ideya, voenno-istoricheskaya nauka i fal'sifikaciya minuvshego [Understand and unravel. National idea, military-historical science and falsification of the past]. *Voенно-promyshlennyj kur'er, 3.*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВАХ*

Головашина Оксана Владимировна,

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
доцент кафедры философии и методологии науки,
кандидат исторических наук,
Тамбов, Россия,
ORCID: 0000-0002-9911-175X,
E-mail: ovgolovashina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.04.2020, принята к публикации 11.08.2020

Для цитирования: Головашина О.В. Репрезентация Великой Отечественной войны в сетевых сообществах // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3 (40). С. 26–39. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10302

Аннотация

Статья посвящена особенностям образа Великой Отечественной войны в интернет-сообществах. На первом этапе работы автор предлагает дефиницию сетевых сообществ, рассматривает их характерные признаки и отличия от социальных сетей, затем, на основе полученных выводов, анализирует, как особенности сетевой коммуникации определяют репрезентацию Великой Отечественной войны. Этот анализ позволяет автору сделать некоторые выводы о перспективах появления новых версий прошлого, способных конкурировать с государственной политикой памяти, а также о динамике коммуникативной и культурной памяти и возможности digital network memory в России. При анализе высказываний в сетевых сообществах использовались теория речевых актов Дж. Остина и концепция различения текстов по линии «информативность–предсказуемость» Ю.М. Лотмана в трактовке Ю. Меламед. Источниками для статьи послужили сайты движений «Бессмертный

* Статья выполнена в рамках проекта № 18-011-00658 Российского фонда фундаментальных исследований.

© Головашина О.В., 2020

полк» и «Бессмертный полк России», а также интернет-страницы четырех региональных отделений этих движений. Анализ источников с опорой на полученные ранее теоретические выводы позволил прийти к следующим результатам: 1. Интернет-сообщества часто вместо образа Великой Отечественной войны используют образ Победы, что соответствует содержанию официальной политики памяти. 2. Для большинства современных россиян основным языком описания событий Великой Отечественной войны продолжает оставаться дискурс советской пропаганды, транслирующий ранее сложившийся образ Победы. 3. Переход к дискурсу культурной памяти применительно к образу Великой Отечественной войны осложняется распространением официального дискурса даже в личных воспоминаниях и отсутствием экспертов, которых сообщество признает носителями культурной памяти. 4. Автор считает, что применение технологий digital network memory может в итоге породить альтернативные версии официальной политике памяти (в качестве контрпамяти по Фуко). Однако в исследуемых сетевых сообществах они, скорее всего, будут использоваться официальными акторами в своих целях.

Ключевые слова:

День Победы, Великая Отечественная война, коммуникативная память, культурная память, digital network memory, сетевые сообщества.

UDC 130.12

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10302

REPRESENTATION OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN ONLINE COMMUNITIES

Golovashina Oksana Vladimirovna,

Derzhavin Tambov State University,
Associate Professor of Philosophy and Methodology of Science,
Candidate of Historical Sciences,
Tambov, Russia,
ORCID: 0000-0002-9911-175X,
E-mail: ovgolovashina@mail.ru

Article received on April 27, 2020, accepted on August 11, 2020

To cite this article: Golovashina O.V. (2020). Reprzentacija Velikoj Otechestvennoj vojny v setevyh soobshhestvah [Representation of the Great Patriotic War in online communities]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(40), 26–39. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10302

Abstract

The article is devoted to the peculiarities of the image of the great Patriotic war in Internet communities. At the first stage of the work, the author offers a definition of network communities and considers their characteristic features and differences from social networks. Then, based on the obtained conclusions, the author analyzes how the features of network communication determine the representation of the Great Patriotic war. This analysis allows the author to draw some conclusions about the prospects for the emergence of new versions of the past that can compete with the state policy of memory, as well as about the dynamics of communicative and cultural memory, and about the possibility of digital network memory in Russia. In the analysis of statements in online communities, they used the theory of speech acts by D. Austin and the conception of the texts distinction according to the line “informationality – predictability”, taken from Y.M. Lotman in the interpretation of Y. Melamed. The sources for this article are the websites of the «Immortal regiment» and «Immortal regiment of Russia» movements, and also the pages of four regional branches of these movements. Analysis of sources based on previously obtained theoretical conclusions allowed us to come to the following results: 1. In Internet-communities often instead of the image of the Great Patriotic war the image of Victory is used that corresponds to the content of the official memory policy. 2. For most modern Russians, the main language for describing the events of the great Patriotic war continues to be the discourse of Soviet propaganda, which translates the previously formed image of Victory. 3. the Transition to the discourse of cultural memory in relation to the image of the great Patriotic war is complicated by the spread of official discourse, even in personal memories, and the absence of experts who are recognized by the community as carriers of cultural memory. 4. The author believes that the use of digital network memory`s technologies may eventually give rise to alternative versions of the official memory policy (as a counter-memory by Foucault). However in the network communities studied they are more likely to be used by official actors for their own purposes.

Keywords:

Victory day, the Great Patriotic war, communicative memory, cultural memory, digital network memory, network communities.

Введение

Память о Великой Отечественной войне оказывается наиболее значительной составляющей поля культурной памяти современного россиянина. Это произошло не только из-за особого места событий 1941–1945 гг. в семейной истории россиян («Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой...»), но и вследствие государственной политики памяти, построенной, во многом, вокруг образа народа-победителя. Однако распространение различных медиа, не подконтрольных государству, может привести к появлению новых версий прошлого, способных конкурировать и/или противостоять официальным трактовкам. В предлагаемой статье мы рассмотрим дефиницию сетевых сообществ и отличительные особенности сетевой коммуникации. Затем, на основе получен-

ных выводов, проанализируем, как сложившийся дискурс и коммуникативные практики определяют образ Великой Отечественной войны в некоторых сетевых сообществах, а также, что нам может сказать этот образ о культурной памяти, ее возможной динамике и последствиях.

Источниками для работы послужили сайты «Бессмертный полк» (<https://www.moypolk.ru>) и «Бессмертный полк России» (<https://www.polkrf.ru>), соответствующие сообщества в социальной сети «ВКонтакте» (<https://vk.com/moypolk>; <https://vk.com/polkrussia>). Данные сообщества были выбраны, так как: 1) соответствуют нашей дефиниции сетевого сообщества; 2) тематика сообществ, посвященная Великой Отечественной войне, позволяет внести вклад в исследование корреляции государственной политики памяти и семейной памяти. Также были проанализированы сообщества региональных отделений движений «Бессмертный полк» и «Бессмертный полк России» в гг. Тамбов, Саратов, Казань, Уфа. Региональные отделения представляли оба движения («Бессмертный полк» и «Бессмертный полк России»). Выбор региональных сообществ был обусловлен необходимостью узнать, существует ли региональная специфика, связанная с этническими и географическими особенностями. При цитате комментариев или постов сохраняется авторская автография и пунктуация.

Проблемы дефиниции сетевого сообщества

Дефиниция сетевого сообщества предполагает проведение различия социальных сетей и сетевых сообществ. Как правило, под социальными сетями имеются в виду определенные сообщества людей, связанных чем-то общим (интересы, работа, семья и т. д.), что выступает в качестве фундамента для различных форм коммуникации между ними. То есть социальные сети представляют собой социальные объекты, между которыми существуют какие-либо отношения. Если опираться на это определение, то необходимо признать, что социальные сети в определенной их форме существовали всегда. Каждый человек является частью сети родственников, коллег, друзей, соседей и т. д. Такая трактовка социальных сетей опирается на работы Г. Зиммеля (Зиммель, 1996), К. Леви-Стросса (Леви-Стросс, 2001), Дж. Морено (Морено, 2004), Н. Лумана (Луман, 2007) и др. По мнению различных современных теоретиков, социальные сети трактуются как надстройки над объективной реальностью (Зейналов, Макеев, 2015), как агент социализации (Селезнев, Скрипак, 2013), поскольку современный человек интегрируется преимущественно через сетевые структуры, ресурсы для карьерного и социального роста (Верченков и др., 2013) и др. В большинстве работ социальные сети отождествляются с существующими сообществами в сети Интернет, что нам представляется не очень корректным. Современные исследователи говорят о сетевой культуре как культуре общения, а также акцентируют внимание на специфике трансляции информации и коммуникации в сети Интернет. Мы считаем, что сетевые сообщества являются одним из видов социальных сетей и представляют собой перенос в онлайн-среду, а также визуализацию существующих офлайн взаимоотношений. Однако если офлайн социальные сети предполагают пространственную близость своих членов, то сетевые сообщества могут объединять людей, которые принадлежат к разным социальным группам, находятся на значительном расстоянии друг от друга (или никогда друг друга

не видят), но при этом между ними присутствует какая-либо связь (например, по интересам, участие в каком-либо проекте и т.д.). Наиболее близким к нашей трактовке сетевых сообществ можно назвать построенное на теоретико-методологических основаниях идей М. Кастельса определение А. Назарчука, который обозначил интернет-сообщества как «сети межличностных связей, обеспечивающие социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе, а также социальную идентичность» (Назарчук, 2008, с. 62). Обозначенную Назарчуком связь идентичности и коммуникации позволяет прояснить теория речевых актов Джона Остина. Автор, рассматривая типы высказываний, выделяет, помимо констатирующих, которые только описывают мир («Эта роза – красная»), перформативные высказывания, создающие его (Остин, 1999, с. 17). Мы предполагаем, что высказывания внутри сообщества могут быть связаны не только с передачей информации, но и быть направлены на формирование и, в дальнейшем (для новых членов, особенно), поддержание сетевой идентичности, например: «Мы – правнуки Победы». Такими высказываниями могут оказаться и довольно нейтральные в другом контексте сообщения: «Помним!», «Вечная память героям», которые в виде комментария к посту выступают в качестве перформативного. Соответствующим образом мы можем трактовать не только предложение, текст, но и любое коммуникативное действие: пойти с портретом родственника в колонне «Бессмертного полка», сфотографироваться в форме военных лет и разместить эту фотографию на странице сообщества, повязать георгиевскую ленточку и т.д. Для авторов перформативных сообщений «сказать» оказывается важнее, чем быть услышанным, так как в качестве важного выступает само высказывание, а не процесс общения и/или обмена информацией.

В отличие от социальных сетей вообще, сетевые сообщества предоставляют больше возможностей именно для коммуникации. В отличие от общения, коммуникация не имеет каких-либо целей, кроме самой коммуникации, то есть значение имеет не содержание, обмен информации и т.д., а сам контакт (Аронсон, 2007). Коммуникация, таким образом, выступает в качестве одной из основных целей функционирования сетевого сообщества и обеспечивает его устойчивость. Однако существует определенная специфика коммуникации, которая, на наш взгляд, связана с сетевым устройством исследуемых сообществ. Для ее прояснения Ю. Меламед обратилась к теории Ю.М. Лотмана, утверждавшего, что содержание любого текста можно различить по линии «информативность-предсказуемость» (Меламед, 2012). Предсказуемые тексты содержат много клише, автоматизмов, поэтому их содержание легко предсказать. Информативные тексты направлены на то, чтобы сообщить читателю какую-либо новую информацию. Чем более предсказуем текст, тем менее он информативен, однако, как заметил Лотман, «только элементы, поставленные в определенные предсказываемые последовательности, могут выполнять роль коммуникативных систем» (Меламед, 2012, с. 16). Исходя из этого различения, Ю. Меламед проанализировала посты в социальной сети «Фейсбук» и показала, что тексты «Фейсбука» стремятся в большинстве своем к абсолютной предсказуемости, потому что они направлены не на то, чтобы познакомить подписчиков с какой-либо информацией, а, прежде всего, для коммуникации, предсказуемость сообщений в процессе которой оказывается более ценной, чем информационная

составляющая. То есть сетевую коммуникацию нельзя отождествлять с «живым» общением, для такой коммуникации основное значение имеет сам акт коммуникации, контакта, а не информация, которая может передаваться в процессе этой коммуникации. К такой коммуникации мы будем относить не только обмен текстовыми комментариями, но и позитивные отметки («лайки»), использование стикеров, тематических картинок в виде комментариев и так далее. Какой-либо ресурс в сети Интернет может быть информационным (информативным), но о сетевом сообществе можно говорить только при наличии коммуникации. Именно через стремление человека к коммуникации сетевые сообщества удерживают человека максимально продолжительное время, предоставляя ему весь спектр возможностей внутри сети.

Построенные по такому принципу сетевые сообщества выступают в качестве одной из причин появления понятия «digital network memory». Это – введенная Эндрю Хоскинсом категория, при помощи которой британский исследователь обращает внимание на особенности проявления частной памяти в условиях роста цифровизации (Hoskins, 2009). В отличие от ситуации печатного капитализма, или СМИ XX века, в ситуации «digital network memory» любой контент оказывается под воздействием огромного количества разнообразных акторов, среди которых, как правило, отсутствует выраженная иерархия. Поэтому невозможно говорить о каком-либо коллективном образе прошлого вообще, а только о мозаике практик, моделей, результаты которых меняются в зависимости от участия различных акторов. То есть «digital network memory» может противостоять государственной политике памяти, но также и использоваться официальными акторами в своих целях.

Особенности коммуникативных практик в сетевых сообществах

«Бессмертный полк» – это «летопись поколения Победителей», заявляют организаторы движения на своем сайте, позиционируя сообщество как возможность собрать личные истории, которые хранит семейная память россиян. «Из миллионов индивидуальных воспоминаний рождается объективная историческая коллективная память, носителем которой является Бессмертный полк России» (Бессмертный полк России. О движении, без даты). Но эта цель оказывается не полностью достижима. Проблема не в количестве опубликованных на сайте историй, а в том, что у людей, присылающих «истории солдат», практически нет другого языка описания, чем созданный советской пропагандой официальный дискурс о войне. Поэтому довольно распространенными оказываются такие фразы, как «прошел всю войну, дошел до Берлина и расписался на стене поверженного Рейхстага», «в неравном бою с численно превосходящими силами» и т. д. Конечно, этот дискурс характерен не для всех опубликованных историй. Большинство из них содержит краткое описание биографии: родился, учился, служил в таких-то годах, вернулся, работал. Но такие описания больше напоминают запись из хроники, чем воспоминания о родственнике.

Однако несмотря на то, что истории, опубликованные на сайте, в социальных сетях, как правило, лишены эмоций, именно вокруг эмоциональной составляющей строятся коммуникации внутри сетевых сообществ. Краткое содержание биографии ветерана важно не столько в информационном плане,

сколько в качестве способа объявить о своей принадлежности к сообществу через «лайк», разного рода комментарии («Вечная Память! Вечная Слава!», «Низкий поклон до земли за победу, за счастливую жизнь»), а также через стихи на тему войны, картинки с изображением георгиевской ленты, свечей памяти, гвоздик и т. д.). Основное взаимодействие внутри сообщества строится вокруг памяти о подвиге поколения победителей и стремления показать сопричастность данной общей памяти, представление о которой культивируется сообществом. Типичным высказыванием к посту об освобождении Крыма является «Мой дед тоже сражался за Крым». Если в сообщении речь идёт о солдате, который пропал без вести, то обычно оно комментируется высказыванием типа «Мой прадед тоже пропал без вести». Сообщество в социальной сети «ВКонтакте» движения «Бессмертный полк России» разделяет рубрики «герои подписчиков» и сообщения, опубликованные от имени сообщества. Как правило, наибольшее количество «лайков» и комментариев вызывают посты, в которых люди описывают семейные истории, сопровождаемые какими-либо личными комментариями. Комментаторы обычно не касаются содержания поста, но эмоциональный заряд, заложенный в сообщении, вызывает отклик и приводит к продолжению коммуникации.

Основные переживания – это призыв к гордости за подвиги предков. В историях, опубликованных школьниками, как правило, констатируется гордость (кроме распространенного «Я помню, я горжусь» или «Я горжусь моими прадедушками!» встречаются и более развернутые высказывания, например: «Я горжусь подвигами моих прадедушек. Спасибо им за Победу! Мы будем вечно благодарны за то, что вы подарили мне, моим братьям, родным и друзьям возможность радоваться счастливой и мирной жизни» (Гинатуллин Ибниамин Гинатуллоевич, 2014), «Я бесконечно благодарна ему за мирное небо над головой и наше будущее. Вся моя семья очень гордится нашим героем. Вечная память всем героям Великой Отечественной войны!» (Просолов Михаил Михайлович, 2018)). В постах, созданных от имени детей и внуков победителей, обычно меньше эмоций, чем в сообщениях, сделанных на общих сайтах сообщества. Причем гордость за предков оказывается более конституирующей, чем сам факт принадлежности к Победе через родственника, потомком которого ты являешься. При этом гордиться можно (и нужно!) не только ветераном-героем, но и бабушкой, отцом, работавшими на заводе в тылу, дедом, попавшим в концлагерь. На все сообщения с вопросом, а можно ли понести портрет человека, который не был на фронте, но относился бы к «поколению победителей» (портрет труженика тыла, узника концлагеря, блокадника, ребенка войны), организаторы отвечают одинаково: «Конечно, можно! Не только можно, но и нужно... Берите фотографию или транспарант и приходите на построение» (Бессмертный полк. Вопросы, без даты). Гордость становится перформативной, так как спланирует не только сетевое сообщество «Бессмертный полк», но и формирует сообщество потомков Победителей, которые помнят о подвигах своих предков и гордятся ими. Между «помнить» и «гордиться» в исследуемых сетевых сообществах выстраивается тождество: если «я помню», то «я горжусь». Следствием этой культивируемой гордости оказывается стремление соответствовать памяти предков.

Соответствовать подвигу поколения победителей означает вести поиск пропавших родственников, хранить память о них, сообщать об этом (уже упоминае-

мая нами перформативность), бороться с альтернативными трактовками истории Великой Отечественной войны, показать готовность пройти с портретом, несмотря на официальный перенос шествия. Вот характерные интернет-высказывания, подчеркивающие принципиальную важность открытого проявления своей коммеморативно-ценностной ориентации, несмотря на неблагоприятные для этого условия: «В сакральном деле нельзя идти на уступки. Сколько тех, кто возмутился, когда на Украине георгиевские ленточки срывали? Почему? А можно было нацепить красный мак и отметить 8 мая, как европейцы. Больные пусть сидят дома, а здоровым сдаваться нельзя!»; «Я уверен, что это Американцы специально пустили вирус, чтобы, мы, патриоты своей страны, не смогли провести парад победы и пройти по всей стране в Бессмертном полку. И пусть запад знает, что если надо, то повторим» (Бессмертный полк России, 2020); «Нельзя не идти 9 Мая. Иначе это – капитуляция» (Бессмертный полк, 2020).

Отношение к подвигу поколения победителей, постоянно транслируемому участниками сообществ через коммуникативные практики, выступает в качестве идентификационного маркера, позволяющего провести различие «своих» и «чужих».

Война и Победа

Описываемая М. Фуко борьба между библейской и римской версией прошлого как историей сообществ и политической историей (Фуко, 2005) развивается не только на страницах академических журналов и университетских кафедр, но и в сообщениях на городских форумах, выступлениях на митингах, демонстрациях. Как бы парадоксально это ни прозвучало, учитывая многочисленные «Никто не забыт, ничто не забыто», приходится констатировать: чем больше памятников, тем меньше остается памяти.

Изначально посыл, лежащий в основе гражданской инициативы «Бессмертный полк», был довольно критическим. Противопоставление личных историй и личных воспоминаний государственной стратегии коммеморации, в которой не было место отдельному человеку, можно рассматривать как одну из причин популярности движения. Но в современном воплощении личные истории все чаще теряются за образом народа-победителя. По мнению уже упоминавшегося нами Э. Хоскинса, особенность деинституционализированных архивов (вариант которых представляют исследуемые сетевые сообщества) состоит в том, что они одновременно выступают проявлением личного, приватного и публичного.

Сетевые сообщества могли бы выступить в качестве образца контрпамяти, допускающего возможность альтернативных интерпретаций. Описывая цели движения, организаторы отмечают, что суть «Бессмертного полка» в том, чтобы ветераны оставались центром семейной истории, то есть внимание акцентировалось именно на личных (неофициальных) трактовках. Народная война, по мнению организаторов гражданской инициативы, нуждается в народной летописи. Авторы сообщений в сетевых сообществах действительно стараются опираться на семейную память, но дискурс большинства сообщений (о чем мы писали выше) заставляет усомниться в том, что поставленные цели вполне достижимы. Участники противопоставляют личные свидетельства («бабушка рассказывала»)

официальной истории (той, которая «была написана в 90-е по заказу Сороса»), но в большинстве случаев сами их посты с отсылками к воспоминанию деда, бабушки и т. д. представляют собой не контрпамять, а иллюстрацию официальной истории.

Эта особенность сетевых сообществ придает определенную специфику процессу перехода от коммуникативной памяти к культурной применительно к образу Великой Отечественной войны. Я. Ассман обратила внимание на то, что коммуникативная и культурная память отличаются агентами: если о коммуникативной памяти говорить могут все («в этой неформальной традиции не существует специалистов и экспертов, хотя отдельные люди могут помнить больше и лучше, чем остальные» (Ассман, 2004, с. 56)), то агентом культурной памяти оказывается экспертное сообщество профессионалов, которое транслирует относительно стабильные образы и смыслы. Ассман отмечает, что коммуникативная память, то есть «воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками» (Ассман, 2004, с. 54), переходит в культурную приблизительно через 70 лет, когда носителей коммуникативной памяти не остается.

О формировании относительно стабильного образа Великой Отечественной войны можно было говорить, начиная с 1970-х гг. XX века, когда распространяется государственная трактовка Победы, транслируемая не только через официальные каналы (СМИ, образование), но и через рассказы ветеранов в школах, сочинения и рисунки детей и т. д. Носители личной памяти о событиях 1941–1945 гг., как замечают члены их семей, в том числе в публикуемых на сайтах движения историях, обычно не рассказывали о войне даже за семейным столом, поэтому личная память стала теряться еще тогда. Поиски родственников через социальные сообщества и интернет-ресурсы («Подвиг народа», «Память народа», «Мемориал») во многом способствуют решению идентификационных задач, однако скорее выступают показателем потери прочной коммуникативной памяти.

Анализ дискурса участников сетевых сообществ свидетельствует о частом использовании языковых конструкций, характерных для официальной историографии Великой Отечественной войны. Причем подобный дискурс перешел в посты внуков и правнуков из рассказов ветеранов в школах, которые слышали их родители, «воспоминаний», которые транслировали СМИ и т. д. Таким образом, наличие живых свидетелей и носителей памяти еще не является показателем сохранения коммуникативной памяти, так как носители оказываются трансляторами и агентами определенных идеологических конструкций, а не собственных воспоминаний.

Однако говорить о том, что коммуникативной памяти о Великой Отечественной войне не осталось, будет большим преувеличением. Применительно к образу Великой Отечественной войны, порой, сложно найти экспертов, которые должны выступать носителями культурной памяти. В то же время официальный образ Великой Отечественной войны транслирует государство, причем не только транслирует, но и защищает его от возможных альтернативных прочтений при помощи коммеморативных законов.

Анализ материалов сетевых сообществ, связанных с реализацией проекта «Бессмертный полк», показывает, что их авторы относятся весьма критично как к позиции профессиональных экспертов (историков), так и к официальному нарративу о Великой Отечественной войне. Как отметил один из авторов проекта

«Бессмертный полк» Сергей Колотовкин, чаще всего в регионах деятельность подразделений курируют журналисты и школьные учителя (Бессмертный полк, 2020). Они же довольно часто становятся авторами публикаций о ветеранах на сайтах. Однако было бы неверным утверждать, что именно журналисты и школьные учителя (не обязательно историки) оказываются основными носителями знаний о Великой Отечественной войне.

Казалось бы, что само сетевое устройство и акцент на личную (семейную) память участников сообщества должны показывать, что в отношении исторической памяти официальное экспертное знание – не главное. Представления его участников, их образы прошлого, построенные на памяти деда, бабушки, прадеда, вполне могли бы трактоваться как более объективные, чем официальная история. Однако на деле оказывается, что образ Великой Отечественной войны в сетевых сообществах во многом повторяет официальную версию.

Отметим, что предлагаемое организаторами движения обращение «однополчане» не прижилось среди участников сообщества, скорее всего из-за того, что предлагаемые коннотации, связанные с войной, не устраивают его участников. Возможно, государство старается максимально экспансировать идею «Бессмертного полка» именно потому, что сформированные движением смыслы вполне соответствуют официальной версии прошлого. Эту задачу приходится признать практически решенной. Мы предполагали, что «Бессмертный полк России» будет более ориентирован на трансляцию официальной точки зрения, однако, кроме наличия некоторых политических новостей, образ Победы, формируемый этим сообществом, не отличается от предлагаемого «Бессмертным полком». Региональные отделения предлагают ссылки на оба движения (Саратов), используя слоган одного для продвижения другого, поскольку не всегда понимают разницу между ними.

Анализ контента страниц региональных отделений сообществ «Бессмертный полк» и «Бессмертный полк России» практически не позволяет говорить о какой-либо локальной специфике, связанной с этническими или географическими особенностями. В основном посты в региональных сообществах представляют собой перепосты с основного ресурса, а также с ряда других тематических ресурсов: «Великая Отечественная война» (https://vk.com/father_war), «Вежливые Люди. Армия» (<https://vk.com/vegchelru>), «Советская История» (<https://vk.com/soviet.history>) и др., а материалы, посвященные местным героям, участникам войны или событиям, не вызывают более активной реакции, чем эти перепосты. Участники готовы активно включаться в решение организационных вопросов (маршрут следования шествия, места, где можно сделать транспаранты), но не готовы работать над производством местного контента. В комментариях к сообщениям на страницах региональных отделений часто ещё больше политики, чем в федеральных сообществах, но это, скорее всего, связано с особенностями модерации.

Война и травма

Если память о войне является для нас травмой, то можно ли рассматривать сетевые сообщества как одну из стратегий детравматизации? Если да, то какие предлагаются данной стратегией модели?

Представление о культурной травме многими теоретиками признается в качестве метафоры, а не реального психологического/психического феномена (Сыров, 2019). Поэтому при ответе на поставленный вопрос мы должны исходить не столько из способа передачи травмы, сколько обращать внимание на трансляцию практик, вызывающих травматизацию. В этой связи акцент на Победу вместо памяти о войне самой по себе можно трактовать как способ переключить внимание с травмы войны на Победу как возможность детравматизации. Культивируемая участниками сообществ, вслед за государственной интерпретацией образа Победы, гордость за подвиги дедов и прадедов также способствует замещению травмы Победой. «Бессмертный полк» как сетевое сообщество и общественное движение оказывается способом воспроизведения позитивного опыта, способствующего вытеснению травматических воспоминаний. Повторение как ритуал, в соответствии с представлениями психоаналитиков, становится частью бессознательного, которое не ощущает влияния новых событий (Юнг, 1998).

Второй момент связан с коммуникацией в рамках сетевых сообществ. Вербализация горя и утраты способствует преодолению травматических воспоминаний. В этой связи интересно, что с подобными сообщениями выступают, как правило, представители «детей» ветеранов, а не внуки и правнуки. Проблемой оказывается то, что Великая Отечественная война не признается в России в качестве травмы, соответственно, существующие практики не могут быть напрямую направлены на детравматизацию. Перечисление событий биографии деда, как и описание его подвигов в дискурсе советской публицистики, не способствуют детравматизации, а другого языка описания для этих событий еще не было выработано.

Заключение

Анализ сайтов и страниц в социальных сетях с опорой на выбранную методологию позволил прийти к следующим выводам:

1. Вместо образа Великой Отечественной войны в исследуемых сообществах используется образ Победы. Это соответствует стратегиям государственной политики памяти, однако в условиях сетевого сообщества может трактоваться как один из способов детравматизации.

2. Несмотря на попытку создания деинституционализированных архивов, дискурс, при помощи которого авторы сообщений рассказывают семейные истории, повторяет дискурс советской пропаганды, поэтому вместо семейной памяти транслируется сложившийся образ Победы.

3. Этот фактор, а также отсутствие в рамках сообществ признанных экспертов как носителей принимаемой большинством версии прошлого, делает довольно специфичным переход от коммуникативной памяти к культурной приуроченности к образу Великой Отечественной войны. Возможно, само сетевое устройство исследуемых сообществ препятствует данному переходу.

4. Анализ содержания страниц региональных отделений движений «Бессмертный полк» и «Бессмертный полк России» показал отсутствие локальной специфики трансляции памяти о событиях 1941–1945 гг.

Итак, вместо «летописи поколения Победителей», мы, в большинстве случаев, имеем дело с иллюстрацией официальной версии образа Великой Отечественной войны. Государство стремится распространить свою экспансию на изначальную народную инициативу, потому что транслируемые в рамках «Бессмертного полка» образы вполне соответствуют его официальной версии прошлого.

Список литературы

1. Аронсон, О.В. (2007). *Коммуникативный образ (Кино. Литература. Философия)*. М.: Новое литературное обозрение.
2. Ассман, Я. (2004). *Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры.
3. *Бессмертный полк* (2020, 8 апреля). Взято 25 апреля 2020, с https://vk.com/moypolk?w=wall-46663479_51338
4. *Бессмертный полк. Вопросы* (без даты). Взято 20 апреля 2020, с https://vk.com/topic-46663479_34934906
5. *Бессмертный полк России* (2020, 16 апреля). Взято 23 апреля с https://vk.com/polk_russia?w=wall-99626804_207320
6. *Бессмертный полк России. О движении* (без даты). Взято 25 апреля 2020, с <https://www.polkrf.ru/about/>
7. Верченков, Л.Н., Ефременко, Д.В., Тищенко, В.И. (Ред.). (2013). *Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества*. М.: ИНИОН РАН.
8. *Гинатуллин Ибниамин Гинатулович* (2014, 23 апреля). Взято 25 апреля 2020, с <https://www.moypolk.ru/soldier/ginatullin-ibniamin-ginatullovlvich-1>
9. Зиммель, Г. (1996). *Избранное: в 2 т. Т. 2. Созерцание жизни*. М.: Юристъ.
10. Леви-Стросс, К. (2001). *Структурная антропология*. М.: ЭКСМО-Пресс.
11. Луман, Н. (2007). *Социальные системы. Очерк общей теории*. СПб.: Наука.
12. Макеев, С.Н., Зейналов, Г.Г., Макеев, А.Н. (2015). Общение в социальных сетях как философская проблема. *Russian Journal of Education and Psychology*, 8(52), 108–112. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-8-8>
13. Меламед, Ю. (2012). Перепостили – следовательно, существую. Что такое текст в Фейсбуке. *Логос*, 2, 10–18.
14. Морено, Я.Л. (2004). *Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе*. М.: Академический Проект.
15. Назарчук, А.В. (2008). Сетевое общество и его философское осмысление. *Вопросы философии*, 7, 61–75.
16. Остин, Д. (1999). *Избранное: как производить действие при помощи слов*. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги.
17. *Просолов Михаил Михайлович* (2018, 29 марта). Взято 23 апреля 2020, с <https://www.moypolk.ru/klin/soldiers/prosolov-mihail-mihaylovich>

18. Селезнев, Р.С., Скрипак, Е.И. (2013). Социальные сети как феномен информационного общества и специфика социальных связей в их среде. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 2(54), 125–131.

19. Сыров, В.Н. (2019). Культурная травма и сетевое сообщество: методологические соображения. *Вестник Томского государственного университета*, 446, 76–82. doi: 10.17223/15617793/446/10

20. Фуко, М. (2005). «Нужно защищать общество». *Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году*. СПб.: Наука.

21. Юнг, К.Г. (1998). *Тэвистокские лекции. Исследование процесса индивидуации*. М.: «Рефл-бук», Киев: «Ваклер».

22. Hoskins, A. (2009). *Digital network memory. Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory* (pp. 91–108). Berlin; New York: Walter de Gruyter.

References

1. Aronson, O. V. (2007). *Kommunikativnyj obraz (Kino. Literatura. Filosofija)* [Communicative image (Cinema. Literature. Philosophy)]. М.: Novoe literaturnoe obozrenie.

2. Assman, Ja. (2004). *Kul'turnaja pamjat': pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural memory: writing, memory of the past, and political identity in high ancient cultures]. М.: Jazyki slavjanskoj kul'tury.

3. *Bessmertnyj polk* [Immortal regiment]. (2020, April 8). Retrieved April 25, 2020, from https://vk.com/moypolk?w=wall-46663479_51338

4. *Bessmertnyj polk Rossii* [Immortal regiment of Russia]. (2020, April 16). Retrieved April 23, 2020, from https://vk.com/polk_russia?w=wall-99626804_207320

5. *Bessmertnyj polk Rossii. O dvizhenii* [Immortal regiment of Russia. About]. (n. d.). Retrieved April 25, 2020, from <https://www.polkrf.ru/about/>

6. *Bessmertnyj polk. Voprosy* [Immortal regiment. Questions]. (n. d.). Retrieved April 20, 2020, from https://vk.com/topic-46663479_34934906

7. Фуко, М. (2005). «Нужно зашишать общество». *Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году* [“We need to protect society”]. СПб.: Наука.

8. *Ginatullin Ibniamin Ginatullovič* (2014, April 23). Retrieved April 25, 2020, from <https://www.moypolk.ru/soldier/ginatullin-ibniamin-ginatullovič-1>

9. Hoskins, A. (2009). *Digital network memory. Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory* (pp. 91–108). Berlin; New York: Walter de Gruyter.

10. Jung, K. G. (1998). *Tjevistokskie lekci. Issledovanie processa individuacii* [The Tavistock lectures. Study of the process of individuation]. М.: «Refl-buk», Киев: «Vakler».

11. Levi-Stross, K. (2001). *Strukturnaja antropologija* [Structural anthropology]. М.: JeKSMO-Press.

12. Luman, N. (2007). *Social'nye sistemy. Oчерk obshej teorii* [Social system. Outline of the General theory]. СПб.: Наука.

13. Makeev, S.N., Zejnalov, G.G., & Makeev, A.N. (2015). Obshhenie v social'nyh setjah kak filosofskaja problema [Social media communication as a philosophical problem]. *Russian Journal of Education and Psychology*, 8(52), 108–112. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-8-8>
14. Melamed, Y. (2012). Perepostili – sledovatel'no, sushhestvuju. Chto takoe tekst v Fejsbuke [Reposted-therefore, I exist. What is the text on Facebook]. *Logos*, 2, 10–18.
15. Moreno, Ja.L. (2004). *Sociometrija: Jeksperimental'nyj metod i nauka ob obshhestve* [Sociometry: an Experimental method and the science of society]. M.: Akademicheskij Proekt.
16. Nazarchuk, A. V. (2008). Setevoe obshhestvo i ego filosofskoe osmyslenie [Network society and its philosophical understanding]. *Voprosy filosofii*, 7, 61–75.
17. Ostin, D. (1999). *Izbrannoe: kak proizvodit' dejstvie pri pomoshhi slov* [Favorites: how to perform actions using words]. M.: Ideja-Press; Dom intellektual'noj knigi.
18. *Prosolov Mihail Mihajlovich* (2018, March 29). Retrieved April 23, 2020, from <https://www.moypolk.ru/klin/soldiers/prosolov-mihail-mihajlovich>
19. Seleznev, R.S., & Skripak, E.I. (2013). Social'nye seti kak fenomen informacionnogo obshhestva i specifika social'nyh svjazej v ih srede [Social networks as a phenomenon of the information society and the specifics of social relations in their environment]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2(54), 125–131.
20. Syrov, V.N. (2019). Kul'turnaja travma i setevoe soobshhestvo: metodologicheskie soobrazhenija [Cultural trauma and the network community: methodological considerations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 446, 76–82. doi: 10.17223/15617793/446/10
21. Verchenov, L.N., Efremenko, D.V., & Tishhenko, V.I. (Eds.). (2013). *Social'nye seti i virtual'nye setevye soobshhestva* [Social networks and virtual network communities]. M.: INION RAN.
22. Zimmel', G. (1996). *Izbrannoe: v 2 t. T. 2. Sozercanie zhizni* [Contemplation of life]. M.: Jurist.

КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Гапоненко Лидия Борисовна,

ФГБОУ ВО Уральский институт ГПС МЧС России,
старший научный сотрудник,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-3841-8061,
E-mail: lidagaponenko@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.05.2020, принята к публикации 11.08.2020

Для цитирования: Гапоненко Л.Б. Конструирование национальной идентичности в контексте политики памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3 (40). С. 40–53. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10303

Аннотация

Целью статьи является исследование феномена национальной идентичности и факторов, влияющих на конструирование национальной идентичности. Данная проблематика при наличии кризисных явлений в обществе, таких как социальное расслоение, правовой нигилизм, отчуждение власти от общества, утрата ценности духовно-нравственной культуры, проявление этнического сепаратизма, обретает все большую актуальность.

В решении проблем консолидации общества важным фактором является конструкт национальной идентичности. Формирование национально-культурной идентичности становится приоритетным направлением деятельности современного государства и гражданского общества. Процесс этот должен носить системный и научно-обоснованный характер, что актуализирует обращение к теоретическим наработкам научного познания по проблемам идентичности. Исследование конструкта национальной идентичности как механизма развития современного общества предпринято на основе изучения таких компонентов, как национальное самосознание, национальный характер и менталитет, историческая память, представлений

© Гапоненко Л.Б., 2020

о культурно-цивилизационной принадлежности в зарубежной и отечественной литературе. Историческое прошлое во многом определяет миссию и стремления народа. Осознание национальной, культурной, гражданской идентичности достигается только через проникновение в историческое прошлое и является важным фактором консолидации общества. Исторические нарративы национального единства призваны выполнять интегративную функцию, позволяя членам нации отождествлять себя как часть коллектива и нивелировать существующие различия. Политическое использование прошлого характерно при конструировании всех типов коллективной идентичности. При этом особая роль в формировании гражданской национальной идентичности принадлежит политическим элитам как обладающим всеми рычагами воздействия на экономику, политику, науку, образование, госаппарат и средства массовой информации. Предлагается идея взаимообогащения достижений культуры западных обществ культурно-историческими ценностями «незападных» социумов для дальнейшей интеграции мирового сообщества. Цивилизационный принцип определения идентичности дополняется идеей национально-гражданской идентичности.

Ключевые слова:

национальная идентичность, гражданская нация, культурно-историческая идентификация, конструирование национальной идентичности, коллективная память, историческая память, политика памяти.

UDC 323.2

DOI 10.24411/1817-9568-2020-10303

THE CONSTRUCTION OF NATIONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF THE POLITICS OF MEMORY

Gaponenko Lidiya Borisovna,

UISFS of EMERCOM of Russia,
Senior Researcher,
Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-3841-8061,
E-mail: lidagaponenko@mail.ru

Article received on May 11, 2020, accepted on August 11, 2020

To cite this article: Gaponenko, L. B. (2020). Konstruirovaniye nacional'noj identichnosti v kontekste politiki pamyati [The construction of national identity in the context of the politics of memory]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(40), 40–53. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10303

Abstract

The purpose of the article is to study the phenomenon of national identity and factors influencing the construction of national identity. This problem in the presence of crisis phenomena in society, such as social stratification, legal nihilism, the alienation of power from society, the loss of the value of spiritual and moral culture, the manifestation of ethnic separatism, is becoming increasingly relevant.

An important factor in solving the problems of society consolidation is the construct of national identity. The formation of national-cultural identity is becoming a priority for the modern state and civil society. This process should be systemic and scientifically based in nature, which actualizes the appeal to the theoretical developments of scientific knowledge on problems of identity. The study of the construct of national identity as a mechanism for the development of modern society has been undertaken on the basis of the study of such components as national identity, national character and mentality, historical memory, and ideas about cultural and civilizational affiliation in foreign and domestic literature. The historical past largely determines the mission and aspirations of the people. Awareness of national, cultural, civic identity is achieved only through penetration into the historical past and is an important factor in the consolidation of society. The historical narratives of national unity are called upon to fulfill an integrative function, allowing members of the nation to identify themselves as part of a collective and level existing differences. The political use of the past is characteristic in the construction of all types of collective identity. At the same time, a special role in the formation of a civic national identity belongs to political elites, as having all levers of influence on the economy, politics, science, education, the state apparatus and the media. The idea of mutual enrichment of cultural achievements of Western societies with the cultural and historical values of "non-Western" societies for further integration of the world community is proposed. The civilization principle of determining identity is complemented by the idea of national civic identity.

Keywords:

national identity, civic nation, cultural and historical identification, construction of national identity, collective memory, historical memory, politics of memory.

Социокультурные изменения в современном мире характеризуются кризисом социокультурных моделей периода неоглобализма, отказом от мультикультурализма, возвратом интереса к национальным культурам, выражающимся зачастую в стремлении к локальному обществу, организованному на национально-этнической или религиозно-фундаменталистской идеологии. Человек в условиях глобального оцифрованного общества ищет опору в обыденности, реальности, исторических традициях. Принцип реальности становится доминирующим в формировании ценностей, целей и норм, которыми живут общества. Специфика становления социальной идентичности заключается в двухуровневом ее характере. Ю. Хабермас (1995, с. 7) отмечает два взаимосвязанных аспекта идентичности: личностный, обеспечивающий индивидуальную линию жизни человека, и социальный, формирующий ролевые установки, в которых существует человек. Таким образом, неустойчивость или слом социальной идентичности неизбежно

влечет за собой кризис личностный. В процессе формирования социальной идентичности у индивида вырабатывается система целей, идеалов, норм, образцов, принятых в группе, с которой он себя отождествляет. Усвоенные таким образом ценности призваны встроить человека в общественную сущность, укоренить в социальном бытии. Но в ситуации социальной неопределенности формируется идентичность, не обеспечивающая чувство причастности к общему культурно-историческому процессу. Формируется общество, состоящее из асоциальных индивидов, не имеющих актуального опыта социальной деятельности.

Искусственное конструирование искаженных социальных идентичностей, неспособных интегрировать субъекта в реальную систему общественных взаимоотношений, дестабилизирует общество. Реакцией человека становится поиск надежных точек опоры, в частности, возникновение разного рода низовых, местных объединений, локальных сообществ.

Наиболее опасная ситуация возникает, когда индивид утрачивает свою микроидентичность, но не принимает гражданскую идентичность, разделяемую титульной нацией. Именно так происходит со многими представителями арабского и афро-азиатского населения во Франции, с курдами в Турции, с иммигрантами из Средней Азии в России. Африканцы, приезжающие из мусульманских стран или регионов, везут с собой и исламские традиции. Например, нигерийцы-мусульмане, не теряющие связь с исторической родиной, и в Великобритании влияют на расширение практики шариатского права (Карпов, 2018, с. 11). Количество шариатских судов в Великобритании постоянно увеличивается в течение уже многих лет (The Nigerian Muslim Community in England ..., p. 34). Эмигранты образуют замкнутые этнические сообщества внутри мультикультурного и поликонфессионального государства, что отрицательно сказывается на процессе включения их в общую гражданскую культуру и негативно – на самоидентификации населения всей страны. Кризис идентичностей принимает форму «конфликта цивилизаций», по мнению А. Турена, становится «разрывом, который образуется в итоге распада жизненного опыта, институционального порядка и самого мира» (Турен, 1997, с. 416). Национальные меньшинства, которые во многих странах начинают превалировать над коренным населением, не стремятся ассимилироваться, овладеть культурой принимающей нации, а требуют признания гражданских прав и предоставления социальных гарантий как полноправным гражданам. Если этого не происходит, то именно тогда «национальные меньшинства» начинают активные действия, приводящие к столкновениям с представителями правопорядка и другими сообществами.

В общественно-политической литературе существуют различные подходы в определении идентичности, которые отличаются в психологической, социологической и в других социально-гуманитарных науках. Идентичность рассматривается как устойчивое самосознание, в основе которого заложено чувство принадлежности людей к «своей» общности, понимание интересов данной общности. В политологии под «идентичностью» понимаются специфические, культурные, лингвистические и прочие особенности, которые характерны для различных общностей, отличают их от других групп и связывают между собой в такой мере, чтобы обеспечить солидарность. Как наиболее важные отмечают: гражданская, национальная, государственная, культурная, религиозная,

коллективная, цивилизационная и др. разновидности идентичности (Борбодоев, 2016, с. 22).

С нашей точки зрения, национальная идентичность – это осознанная принадлежность к определенному сообществу, некое качество, в результате становления которого происходит отождествление человеком себя с определенным языком, религией, традициями, историей, культурными особенностями.

Рассматривая специфику и особенности национальной идентичности, необходимо обратиться к набору функций, которые она выполняет. В качестве основной функции для нашего исследования выступает свойство национальной идентичности обеспечить социальное согласие, достичь однородности в многонациональной стране, единства государства и народа, сформировать единство интересов, целей и задач.

Особое значение для понимания национальной идентичности имеют традиционные культурные ценности, которые столетиями составляли духовную, нравственную, мировоззренческую основу существования общности. Патрик Д. Бьюкенен в работе «Смерть Запада» пишет: «Уничтожьте записи о прошлом народа, оставьте его жить в невежестве относительно деяний предков – и опустевшие сосуды душ легко будет заполнить новой историей, как это описано в «1984». Развенчайте народных героев – и вы деморализуете целый народ» (Бьюкенен, 2003, с. 237).

В современном обществе идентичность сообществ может пониматься как культурная или социокультурная идентичность, формирующаяся под влиянием социализации, образования, аккультурации. У П.И. Смирнова (2016) находим структуру национальной идентичности, которая складывается из двух компонентов:

- объективной, которая состоит из групповых норм, возникающих на основе общественных потребностей и ценностей (национальный характер);
- субъективной, в которой суммируется субъективное понимание членом общества ее интересов, задач и функций (национальный менталитет) (с. 278).

Для изучения проблемы идентичности необходимо также обратиться к ряду исследований, вызвавших серьезные дискуссии. Это труды американского футуролога Фрэнсиса Фукуямы (2017) и британского социолога ганского происхождения Кваме Энтони Аппиа (2018). Анализируя проявления кризиса идентичности в современном мире, ученые обращаются к теме «западной цивилизации», предлагая отказаться от данного термина. По мнению К. Аппиа, делая акцент на таких сущностных характеристиках западной цивилизации, как индивидуализм, демократия, свобода, толерантность, нивелируются другие цивилизационные достижения, национальное государство утрачивает возможность осуществлять свои функции в условиях глобализации. В отличие от Аппиа Ф. Фукуяма не призывает преодолевать разделяющие нас идентичности, а рассматривает идентификационные отличия как механизм адаптации человека к современному миру. Отмечая рост недовольства граждан своим гражданским, социально-экономическим положением, Фукуяма акцентирует внимание на проблемах, которые уже пережило человечество: глобализацию, цифровизацию, технологические и промышленные революции, массовую миграцию, рост числа беженцев, выход на лидирующие позиции Индии и Китая, финансовые кризисы, гендерные проблемы, борьба за гражданские права и освобождение других

групп, потеря статуса белой нации, кризис основных идеологий современности и политических партий и многие другие. На фоне таких трансформаций политика идентичности, проводимая государством, становится первостепенной. Ориентиры, которые служили точками опоры для простых людей, больше не работают. Главный тезис концепции Ф. Фукуямы состоит в том, что чувство обиды и уязвления собственного достоинства человека, а не материальный интерес является источником развития общества. Задача национального государства (демократического или авторитарного) обеспечивать стабильное развитие общества при проведении понятной и открытой политики идентичности. Наш нынешний мир, отмечает Фукуяма, одновременно движется к взаимоисключающим трендам гиперцентрализации и бесконечной фрагментации. Так, для Китая характерно создание гигантской диктатуры, в которой ежедневно накапливаются данные на каждого гражданина, используются технологии больших данных и система социального кредитования для контроля над своим населением. Одновременно в других частях мира наблюдается распад централизованных институтов, государств, поляризация и нарастающие противоречия и отсутствие консенсуса по решению глобальных проблем современности. Социальные сети и средства массовой информации способствуют возникновению автономных сообществ, акцентированию региональных интересов.

Принимая во внимание все аргументы Ф. Фукуямы, мы считаем нужным согласиться с позицией К. Аппиа о том, что ценности индивидуализма и частной собственности утрачивают в последнее время свое значение, на первый план выходят базовые евразийские общекультурные ценности: приоритет духовного над материальным, соборность, гуманизм, коллективизм, патриотизм, братство народов. Надо осознать, что Запад и Восток не есть полярные, замкнутые цивилизации, а ветви одной общечеловеческой цивилизации, единство противоположностей которых делает возможным диалектическое поступательное универсальное развитие человечества. В то же время считаем обоснованным мнение Ф. Фукуямы, что феномен государства еще не утратил своей функциональности, поскольку именно институт государства является гарантом целостности нации в геополитических и территориальных границах и действиях.

Как противодействие кризису социальной идентичности, приводящему к кризису личностного развития и межличностных взаимоотношений, в результате деятельности институтов гражданского общества формируется новая социальная идентичность – гражданская нация. Нация как идея призвана сплотить граждан многонационального государства в единую общность и предотвращать возникающие сепаратистские настроения и движения, возникающие в отдельных регионах.

В настоящее время более приемлемо рассматривать нацию как живой, развивающийся организм с присущим ему глубоким духовным миром и уникальным историческим своеобразием, не исключаям изменчивости и трансформации под влиянием внутренних и внешних факторов.

Первым российским ученым, разработавшим теорию гражданской нации, был В. Тишков (2013), который описывал ее так: «Солидарность и повседневная лояльность, то есть чувство принадлежности к одному народу и признание государства своим составляют основу так называемой национальной идентичности. Без этой формы идентичности, основополагающей для современного

человека, национальные конституции, армии и охраняемые границы мало что значат» (с. 22).

При исследовании проблем национальной идентичности закономерно возникает вопрос о том, что понятие *нации* было скомпрометировано в XX веке использованием в идеологии и практике национал-социализма. Так, Ж. Маритен (2000) отмечает, что пробуждение национального самосознания в современной истории само по себе положительное, «в конце концов гипертрофировалось и вызвало к жизни чуму национализма, поскольку понятия нации и государства были перепутаны и смешаны самым неудачным и взрывоопасным образом» (с. 15). При строительстве нации важно предотвращать возникновение крайностей национализма, а это напрямую зависит от уровня развития гражданской и политической жизни. Вопрос об уточнении и различении понятий *нации* и *политического общества*, о значимости и первичном характере политического общества по отношению к нации является темой для дальнейшего исследования.

На данный момент следует остановиться на том, что понятие *нация* остается главным термином в политологических исследованиях проблем государственного строительства, идентичности, менталитета. По мнению Т. Адорно (2005), «традиционная и психологически значимая идея нации... обладает достаточной силой для того, чтобы мобилизовать сотни миллионов людей на осуществление целей, которые они не могут непосредственно рассматривать как свои собственные».

Представляется, что оформление концепта национальной идеи – содержание сложной и исторически длительный процесс, в ходе которого происходит отбор, переработка, осмысление и восприятие идей, взглядов, обычаев и традиций, стимулирующих активную деятельность больших социальных групп (или всего общества) на основе преемственности поколений. Национальная идея не может быть механистически привнесена в общество средствами идеологического воздействия. Как утверждает Э. Ренан (1902), нация основывается на духовном принципе, который состоит из двух частей – «одна в прошлом, другая – в будущем». По этой причине истоки зарождения национальной идеи приходится искать в историческом прошлом, искать то, что может объединять их в одну общность, чтобы показать будущим поколениям преемственность обычаев и традиций.

Национальная идентичность динамична, можно зафиксировать различные этапы исторического бытия нации. Оценивая результаты того или иного исторического этапа, возможно выстроить вектор развития нации. Память о прошлом присутствует в структуре коллективного сознания социальных, в том числе национальных общностей. Одним из факторов конструирования национальной идентичности выступает социальная память. Национальная идентичность выстраивается в процессе осмысления нацией своей истории, своего нынешнего положения, а также возможных перспектив. Исторический процесс формализуется, идеализируется, очищается от налета повседневности, бытийности, предстает в виде конструкции, программы, развитие которой можно моделировать, программировать. Избегая излишней упрощенности и схематичности, можно выделить следующие уровни национальной идентичности:

- национально-исторический, включающий осознание единства нации, представление об истории, преемственности;
- формально-практический, включающий результат практического претворения национальных идей, отношение с другими субъектами деятельности (Бадмаев, Хутыз, 2009).

Установлено, что термин «память» начал активно использоваться конце двадцатого века для обозначения массовых или групповых представлений о прошлом (историческое сознание) в различных контекстах – коллективная память, социальная память, политическая память, культурная память, историческая память. В кризисные периоды усиливается потребность человека в опоре на события прошлого, найти аналогичные события в истории, прошлое таким образом становится ближе, а настоящее становится понятнее и определеннее. Рост интереса к феномену памяти обусловлен постоянной необходимостью диагностировать состояние национальной идентичности в обществе. По мнению К.С. Гаджиева, историческое прошлое народа во многом определяет то, к чему стремится и чего добивается тот или иной народ, как он определяет и оценивает свое место и миссию в мире. Через свою историю народ обретает специфический портрет, неповторимый образ, и, соответственно, понимание идентичности достигается только через проникновение в историческое прошлое (Гаджиев, 2013, с. 16).

Следует выделить некую систему основных понятий, в которых фиксируются процессы хранения, переработки и трансляции информации о прошлом, а также – способы воспроизводства духовной и материальной культуры общества. Структурными компонентами данной системы являются такие понятия, как: коллективная память, социальная память, историческая память, память человечества, национальная память, глобальная память информационного общества.

Суть понятия «коллективная память» раскрыта в работах М. Хальбвакса (2007), согласно которому данное понятие указывает на социальную обусловленность памяти, а также на идею идентификационной конкретности памяти индивида. Понятия «социальная память» и «индивидуальная память» получили своё развитие в трудах Я.К. Ребане. По Ребане (1982), понятие индивидуальной памяти близко по значению к памяти социальной, но ориентировано на структурный аспект механизма социального наследия (с. 46). Он определяет социальную память как «своеобразное хранилище результатов практической и познавательной деятельности, выступающих в информационном отношении базисом формирования сознания каждого человека, а также базисом функционирования и развития индивидуального и общественного познания» (Ребане, 1982, с. 46). Данные понятия получили дальнейшее развитие в трудах российских ученых – В.А. Колеватова (1984), А.И. Макарова (2009), Д.А. Аникина и В.Б. Устьянцева (2011).

Включение историков в обсуждение проблемы исторической памяти и политики памяти в современном обществе существенно меняет представление о функциях истории. Если с XIX века история в основном обеспечивала социально-групповую идентификацию – национальную, партийную и т. п., то в XX–XXI вв. функция идентификации стала реализовываться ещё и на уров-

не формирования массовых представлений о прошлом (Савельева, Полетаев, 2006, с. 410).

Зачастую современные массовые представления об исторических событиях являются не «естественной памятью нации», передаваемой из поколения в поколение, а результатом профессиональной деятельности ученых, преподавателей, политиков. «То, что мы называем памятью сегодня, это уже не память, а история» (Нора, 1999, с. 28). Неслучайным является и выбор исторических событий, фактов, которые вовлекаются в активное поле дискурса научной и политической общественности или выводятся за рамки обсуждения. Сколь бы это обидно ни прозвучало для обывателя, но, к сожалению, «общее прошлое» невозможно без специфических усилий по его конструированию» (Малахов, 2001, с. 127).

Один и тот же исторический феномен может получать, как в разные периоды исторического развития общества, так и в синхронном измерении актуального настоящего, диаметрально противоположные оценки, что обусловлено сменой значимости и смысла данного феномена в коллективной памяти социума. Поэтому целью исследования коллективной исторической памяти сегодня становятся ее разнообразные конфигурации, производящие различные способы видения прошлого и конкурирующие формы символической «борьбы памяти» в разделенных социальных полях (Завершинский, 2015, с. 16).

Идеологический характер понятия «историческая память», по мнению И.В. Савельевой и А.В. Полетаева, подтверждается его неразрывной связью с понятием «политика памяти», поскольку речь идет либо об изучении способов идеологизации прошлого, либо о самом процессе идеологизации знания о прошлом (Савельева, Полетаев, 2006). Г.А. Бордюгов по этому поводу справедливо замечает: «Однако историческая наука не может развиваться без автономии от политики и идеологии, от осознания прошлого как живого процесса, поскольку каждое поколение пишет свою историю». Во все времена политические элиты были заинтересованы в создании идеологически ангажированного образа прошлого путем секуляризации фактов о личностях, событиях или их героизации, то есть политических мифов (Бордюгов, 2011, с. 7).

Современная политика памяти представляет собой единство стратегических целей и коммеморативных практик, выражающих идеологические потребности государственной власти в конструировании значимых для её легитимации образов и способов интерпретации прошлого. В целом, можно согласиться с О.Ф. Русаковой и Е.Д. Кочневой (2015), которые определяют «политику памяти» как «всю сферу публичных государственных стратегий в отношении способов запечатления прошлого в массовом сознании, совокупность различных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти» (с. 18).

Историческая память, взятая в контексте политики памяти, становится, по мнению общественников, функцией власти, постулирующей рамки, в которые нужно разместить исторические феномены. Это в корне меняет предметную область научных исследований социальных дисциплин (переключение с идеологически насыщенных текстов на пропагандистские образы и символы, с политической истории на культурную политику). И.М. Савельева и А.В. Полетаев подчеркивают, что политика памяти, прежде всего, связана с государственным

влиянием на облик исторического знания и сознания по следующим направлениям:

- прямое государственное вмешательство в содержание исторического знания (официальной историографии);
- формирование государственной политики памяти в системе школьного образования под прямым контролем первых лиц государства содержания учебников истории;
- общая культурная политика государства – охрана художественных ценностей, поддержка определённых направлений в искусстве, установка памятников и мемориальных досок и т. д. проводится целенаправленно под контролем государства;
- политика забвения, направленная на сознательное уничтожение памятников, религиозных реликвий, книг и т. п. (Савельева, Полетаев, 2006, с. 413–417).

Использование исторических событий прошлого в политическом дискурсе властных элит применяется для решения конкретных актуальных задач, но оно всегда призвано решать проблему легитимации проводимого руководством политического курса. «Легитимность и сплоченность современного государства, – отмечает К. Калхун, – отчасти зависела от его способности притязать на сильную национальную историю. Это подталкивало к пересмотру прошлого и новым действиям, на исполнение давнишних обещаний» (Калхун, 2006, с. 234).

Дж. Д'Амато (2013) заостряет внимание на том, что процессы глобализации, медиатизации политики и информатизации общества изменяют форму трансляции и способы воспроизводства политики памяти как во всём мировом сообществе, так и на уровне отдельных стран. В рамках национальных государств вектор от политики памяти мирового сообщества смещается в сторону национальной или государственной политики памяти. Данный тип памяти конструируется на основе истории и символического прошлого отдельного государства. Кроме того, наличие целостной национальной политики памяти – важное условие успешного позиционирования страны в мировой политике, сохранения исторических ценностей и смыслов, консолидации общества (Грибовод, Ковба, Моисеенко, 2018, с. 126).

Решающая роль в конструировании политики памяти, вплетенной в ткань национальной идентичности, принадлежит политическим элитам. Элиты играют особую роль в осуществлении политики памяти, потому что имеют рычаги влияния на самые масштабные сферы публичного дискурса, в частности, на каналы массмедиа, политики, науки, образования и государственной бюрократии. Политический текст, транслируемый представителями интеллектуальной и политической элиты через средства массовой информации, воспроизводит нормы и идентичности высшей политической элиты общества, задает и переоценивает границы между внутренним и внешним миром, «соратниками» или «врагами». От позиции политических элит, как правило, зависит статус и оценка, которую получит конкретное событие той или иной национальной (этнической) истории.

Обобщение логических звеньев нашего исследования и сопоставление его результатов с трудами ведущих ученых в области проблематики национальной идентичности и политики памяти позволяет сделать вывод о том, что историческая память часто выступает элементом конструкта, национальным кодом,

обеспечивающим функцию гражданской национальной идентичности. Она способна обеспечивать сохранение преемственности поколений, решение задач общенациональной интеграции. Наличие глубоко продуманной национальной политики памяти – обязательное условие прочной идеологической консолидации общества и достойного позиционирования страны в мировой политике.

Список литературы

1. Адорно, Т. (2005). Что значит «проработка прошлого». *Неприкосновенный запас*, 2–3(40–41). Взято 6 мая 2020, с <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html>
2. Аникин, Д. А., Устьянцев, В. Б. (2011). Социальная память в обществе риска: опыт философской концептуализации. *Философия и общество*, 4, 58–69.
3. Бадмаев, В. Н., Хутыз, З. А. (2009). Историческая память и конструирование национальной идентичности. *Новые технологии*, 2, 75–79.
4. Борбодоев, Ж. М. (2016). Идентичность: разновидности ее проявления. *Вопросы политологии*, 3(23), 20–28.
5. Бордюгов, Г. А. (2011). «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XXI.
6. Бьюкенен, Дж. (2003). Смерть Запада. *Сочинения*. М.: Таурус Альфа.
7. Гаджиев, К. С. (2013). *Сравнительный анализ национальной идентичности США и России*. М.: Логос.
8. Грибовод, Е. Г., Ковба, Д. М., Моисеенко, Я. Ю. (2018). Национальная политика памяти в современной России: основные тенденции и инструменты. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(31), 123–132.
9. Д’Амато, Дж. (2013). *Развод по-советски: из сверхдержавы на задворки глобализации* (Пер. с итал. Л. Е. Сабуровой). Москва: Российский гос. гуманитарный ун-т.
10. Завершинский, К. Ф. (2015). Политический миф в структуре современной символической политики. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*, 2, 16–51.
11. Калхун, К. *Национализм* (2006). М.: Изд. дом «Территория будущего».
12. Карпов, Г. А. (2018). Идентичность мигрантов как фактор национальной безопасности (на примере африканцев Великобритании). *Вопросы безопасности*, 5, 1–24. doi: 10.25136/2409-7543.2018.5.27452
13. Колеватов, В. А. (1984). *Социальная память и познание*. М.: Мысль.
14. Макаров, А. И. (2009). *Феномен индивидуальной памяти (образы – концепты – рефлексия)*. Волгоград: Изд-во Волгоградский гос. ун-т.
15. Малахов, В. (2001). *Символическое производство этничности и конфликт*. Язык и этнический конфликт. М.: Гендальф.
16. Маритен, Ж. (2000). *Человек и государство* (Пер. с англ. Т. Лифинцевой). М.: Идея-Пресс, Дом Интеллектуальной книги.
17. Нора, П. (1999). Между памятью и историей. *Франция – память*. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета.
18. Ребане, Я. К. (1982). Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации сознания. *Вопросы философии*, 8, 46–65.

19. Ренан, Э. (1902). Что такое нация? *Собрание сочинений: в 12-ти т.* (Т. 6, с. 87–101) (пер. с французского под редакцией В.Н. Михайловского). Киев.
20. Русакова, О.Ф., Кочнева, Е.Д. (2017). Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти. *Научный журнал «Дискурс-Ли»*, 3–4(28–29), 17–30.
21. Савельева, И.М., Полетаев, А.В. (2006). Знание о прошлом: теория и история. Т. 2: *Образы прошлого*. СПб. Наука.
22. Смирнов, П.И. (2015). Национальный интерес как фактор сохранения (формирования) национальной идентичности в периоды преобразований. *Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Том 208. Социология культуры: опыт и новые парадигмы. Часть 2. Раздел VIII. Политическая и правовая культура* (с. 277–288). СПб.: Изд. Санкт-Петербургского государственного института культуры.
23. Тишков, В.А. (2013). *Российский народ: история и смысл национального самосознания*. М.: Наука.
24. Турен, А. (1997). Способны ли мы жить вместе? Равные и различные. *Новая постиндустриальная волна на Западе*. М.: Наука.
25. Фукуяма, Ф. (2017). *Угасание государственного порядка*. М.: АСТ.
26. Хальбвакс, М. (2007). *Социальные рамки памяти* (пер. с фр. и вступ. ст. Сергей Н. Зенкин). М.: Новое изд-во.
27. Kwame, A. (2018). *The Lies that Bind. Rethinking Identity: Creed, Country, Color, Class, Culture*. Profile Books.
28. The Nigerian Muslim Community in England. Understanding Muslim Ethnic Communities (2009). *Change Institute, Communities and Local Government* (pp. 8–12). London.

References

1. Adorno, T. (2005). Chto znachit “prorabotka proshlogo” [What does «study of the past» mean]. *Neprikosnovenny zapas*, 2–3(40–41). Retrieved May 6, 2020, from <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html>
2. Anikin, D. A., & Ust’yantsev, V. B. (2011). Sotsial’naya pamyat’ v obshchestve riska: opyt filosofskoy kontseptualizatsii [Social memory in a risk society: an experience of philosophical conceptualization]. *Filosofiya i obshchestvo*, 4, 58–69.
3. Badmayev, V. N., & Khutyuz, Z. A. (2009). Istoricheskaya pamyat’ i konstruirovaniye natsional’noy identichnosti [Historical memory and the construction of national identity]. *Novye tekhnologii*, 2, 75–79.
4. Bordyugov, G. A. (2011). “Voyny pamyati” na postsovetском prostranstve [“Wars of memory” in the post-Soviet space]. М.: AIRO-XXI.
5. В’юккенен, Dzh. (2003). Smert’ Zapada [Death of the West]. *Sochineniya*. М.: Taurus Al’fa.
6. D’Amato, Dzh. (2013). *Razvod po-sovetski: iz sverkhderzhavy na zadvorki globalizatsii* [Soviet-style divorce: from a superpower to the back of globalization] (trans. from Italian by L. Ye. Saburova). Moscow: Rossiyskiy gos. gumanitarnyy un-t.

7. Gadzhiyev, K. S. (2013). *Sravnitel'nyy analiz natsional'noy identichnosti SShA i Rossii* [A comparative analysis of the national identity of the USA and Russia]. M.: Logos.
8. Gribovod, Ye. G., Kovba, D. M., & Moiseyenko, Ya. Yu. (2018). Natsional'naya politika pamyati v sovremennoy Rossii: osnovnyye tendentsii i instrumenty [National memory policy in modern Russia: main trends and tools]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 2(31), 123–132.
9. Fukuyama, F. (2017). *Ugasaniye gosudarstvennogo poryadka* [The fading of public order]. M.: AST.
10. Kalkhun, K. (2006) *Natsionalizm* [Nationalism]. M.: Izd. dom «Territoriya budushchego».
11. Karpov, G. A. (2018). Identichnost' migrantov kak faktor natsional'noy bezopasnosti (na primere afrikantsev Velikobritanii) [The identity of migrants as a factor of national security (for example, the Africans of Great Britain)]. *Voprosy bezopasnosti*, 5, 1–24. doi: 10.25136/2409-7543.2018.5.27452
12. Khabermas, Yu. (1995). *Demokratiya. Razum. Nrvstvinnost'* [Democracy. Mind. Morality]. M.: Nauka.
13. Khal'bvaks, M. (2007). *Sotsial'nyye ramki pamyati* [The social framework of memory] (trans. from French and introductory article by Sergey N. Zenkin). Moscow: Novoye izdatel'stvo.
14. Kolevats, V. A. (1984). *Sotsial'naya pamyat' i poznaniye* [Social memory and cognition]. M.: Mysl'.
15. Kwame, A. (2018). *The Lies that Bind. Rethinking Identity: Creed, Country, Color, Class, Culture*. Profile Books.
16. Makarov, A. I. (2009). *Fenomen individual'noy pamyati (obrazy – kontsepty – refleksiya)* [The phenomenon of individual memory (images – concepts – reflection)]. Volgograd: Izd-vo Volgogradskiy gos. un-t.
17. Malakhov, V. (2001). *Simvolicheskoye proizvodstvo etnichnosti i konflikt. Yazyk i etnicheskyy konflikt* [Symbolic production of ethnicity and conflict. Language and ethnic conflict]. M.: Gendal'f.
18. Mariten, Zh. (2000). *Chelovek i gosudarstvo* [Man and the state] (trans. from Eng. by T. Lifintsevoy). M.: Ideya-Press, Dom Intellektual'noy knigi.
19. Nora, P. (1999). *Mezhdru pamyat'yu i istoriyey. Frantsiya – pamyat'* [Between memory and history. France is a memory]. SPb.: Izd. Sankt-Peterburgskogo universiteta.
20. Rebane, Ya. K. (1982). Informatsiya i sotsial'naya pamyat': k probleme sotsial'noy determinatsii soznaniya [Information and social memory: to the problem of social determination of consciousness]. *Voprosy filosofii*, 8, 46–65.
21. Renan, E. (1902). Chto takoye natsiya? [What is a nation?]. In *Sobraniye sochineniy v 12-ti t.* (Vol. 6, pp. 87–101) (trans. from French edited by V. N. Mikhaylovsky). Kiyev.
22. Rusakova, O. F., & Kochneva, Ye. D. (2017). Otsenki Oktyabr'skoy revolyutsii v ofitsial'nom diskurse politiki pamyati [Evaluations of the October Revolution in the official discourse of the politics of memory]. *Scientific Journal «Discourse-P»*, 3–4(28–29), 17–30.
23. Savel'yeva, I. M., & Poletayev, A. V. (2006). Znaniye o proshlom: teoriya i istoriya [Knowledge of the Past: Theory and History]. T. 2: *Obrazy proshlogo*. SPb.

Nauka.

24. Smirnov, P. I. (2015). Nacional'nyj interes kak faktor soxraneniya (formirovaniya) natsional'noy identichnosti v periody preobrazovaniy [National interest as a factor in the preservation (formation) of national identity during periods of transformation]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. Tom 208. Sotsiologiya kul'tury: opyt i novyye paradigmy. Chast' 2. Razdel VIII. Politicheskaya i pravovaya kul'tura* (pp. 277–288). SPb.: Izd. Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury.

25. The Nigerian Muslim Community in England. Understanding Muslim Ethnic Communities (2009). *Change Institute, Communities and Local Government*. (pp. 8–12). London.

26. Tishkov, V.A. (2013). *Rossiyskiy narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya* [Russian people: history and meaning of national identity]. M.: Nauka.

27. Turen, A. (1997). Sposobny li my zhit' vmeste? Ravnyye i razlichnyye [Are we able to live together? Equal and different]. *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade*. M.: Nauka.

28. Zavershinskiy, K.F. (2015). Politicheskiy mif v strukture sovremennoy simvolicheskoy politiki [Political myth in the structure of modern symbolic politics]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2, 16–51.

ПОТЕНЦИАЛ МЯГКОЙ СИЛЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ВО ВЗАИМНОМ СБЛИЖЕНИИ ЖИТЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И РОССИЯН*

Франц Валерия Андреевна,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
доцент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций
и брендинга ШГУиП,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-3730-445X,
E-mail: val-franc@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 05.05.2020, принята к публикации 13.08.2020

Для цитирования: Франц В.А. Потенциал мягкой силы исторической памяти во взаимном сближении жителей государств Центральной Азии и россиян // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3 (40). С. 54–73. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10304

Аннотация

Общая историческая память и политика памяти рассматриваются в статье как источник мягкой силы России в государствах Центральной Азии. Основной целью статьи является определение потенциала исторической памяти как ресурса мягкой силы во взаимном сближении россиян и жителей Центрально-Азиатского региона. В рамках статьи акцент делается на рассмотрении взаимоотношений России с Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменистаном.

Авторы рассматривают мягкую силу России в контексте т.н. реалистической парадигмы soft power, базирующейся на постулате о том, что государства, особенно глобальные и региональные державы, стремятся увеличить свою привлекательность

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00471

© Франц В.А., 2020

не сами по себе, а по отношению к привлекательности своих конкурентов. Иными словами, они вступают в геополитическое соперничество, пытаются максимизировать свои сравнительные преимущества. Таким образом, мягкая сила России в Центральной Азии и политика памяти как ее элемент изучаются в сравнении с мягкой силой основных стран-конкурентов в данном регионе.

В целом, мягкая сила стран, конкурирующих за влияние в регионе, анализируется с использованием агрегированной аналитической модели странового кейс-анализа А. Паталаха. Такой анализ предполагает учет наиболее значимых внутренних факторов, влияющих на общее восприятие стратегии мягкой силы страной или регионом-реципиентом (этнический состав, язык и религия, взаимоотношение элит взаимодействующих государств и др.), а также ряда факторов в рамках международных отношений государств. Страновой кейс-анализ по Паталаху осуществляется автором с целью освещения контекста формирования общей для жителей Центрально-Азиатских государств и их государств-партнеров исторической памяти, а также целенаправленно реализуемых государственных политик памяти.

В результате исследования выявляются наиболее сильные государства – конкуренты России в области исторической памяти и политики памяти в Центрально-Азиатском регионе, определяется характер политики памяти, реализуемой государственной властью стран Центральной Азии в отношении советского и досоветского прошлого, даются рекомендации относительно способов формирования положительной общей исторической памяти россиян и жителей стран Центральной Азии, обладающей потенциалом взаимного сближения.

Ключевые слова:

soft power, мягкая сила, историческая память, политика памяти, международная конкуренция, страновой кейс-анализ, евразийская интеграция, Центральная Азия.

UDC 32.019.51, 327.8

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10304

THE POTENTIAL OF SOFT POWER OF HISTORICAL MEMORY IN THE MUTUAL RAPPROCHEMENT OF RESIDENTS OF THE CENTRAL ASIAN COUNTRIES AND RUSSIANS

Frants Valeria Andreevna,

Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Associate Professor of the Department of integrated marketing communications
and branding of SPAE in EM,
PhD in Political Sciences,
ORCID: 0000-0002-3730-445X,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: val-franc@yandex.ru

Article received on May 5, 2020, accepted on August 13, 2020

To cite this article: Frants V.A. (2020). Potencial myagkoj sily istoricheskoy pamyati vo vzaimnom sblizhenii zhitelej gosudarstv Central'noj Azii i rossiyan [The potential of soft power of historical memory in the mutual rapprochement of residents of the Central Asian countries and Russians]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(40), 54-73. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10304

Abstract

Historical memory and memory policy are considered in the article an element of Russia's soft power in the Central Asian States. The main purpose of the article is to determine the potential of historical memory as a source of soft power in the mutual rapprochement of Russians and residents of the Central Asian region. The article focuses on the relationship between Russia and Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan and Turkmenistan.

The author considers Russia's soft power in the context of the so-called «realistic soft power paradigm», based on the postulate that States, especially global and regional powers, seek to increase their attractiveness taking into account the attractiveness of their competitors. In other words, they enter into a geopolitical rivalry, trying to maximize their comparative advantages. Thus, Russia's soft power in Central Asia and memory policy as its element are studied in comparison with the soft power of the main competing countries in this region.

In general, the soft power of countries competing for influence in the region is analyzed using the Aggregative Analytical Model for Country-Focused Case Study Research by A. Patalakh. This analysis assumes taking into account the most significant internal factors that affect the overall perception of the soft power strategy by the recipient country or region (ethnicity, language and religion, the relationship of the elites of the interacting states, etc.), as well as a number of factors within the framework of international relations of states. The authors carry out a Country-Focused Case Study by Patalakh in order to highlight the context of the formation of a common historical memory for the residents of the Central Asian States and their partner states, as well as purposefully implemented state memory policies.

The study identifies the most powerful competitor states of Russia in the field of historical memory and memory policy in the Central Asian region, determines the nature of the memory policy implemented by the state authorities of the Central Asian countries in relation to the Soviet and pre-Soviet past, and provides recommendations on ways to form a positive common historical memory of Russians and residents of the Central Asian countries, which has the potential for mutual rapprochement.

Keywords:

soft power, historical memory, memory policy, international competition, Country-Focused Case Study, Eurasian integration, Central Asia.

Введение

Центральная Азия представляет собой привлекательный для России регион в контексте построения ЕАЭС. Наша страна заинтересована в углублении экономических, политических и культурных связей с государствами данного региона, а также в трудовой и образовательной миграции в Россию их граждан. В свете высокой плотности и «молодости» населения стран Центральной Азии, а также специфики их социально-экономического развития можно утверждать, что страны Центральной Азии обладают высоким миграционным потенциалом.

Вместе с тем, согласно исследованиям, с момента возникновения ЕАЭС доверие россиян и граждан государств Центральной Азии к данному институту существенно упало, а разница между оптимистической и пессимистической оценкой результатов евразийской интеграции к настоящему времени снизилась почти в 4 раза (подробнее см. Осадчая, 2019, с. 101). При этом наблюдается нарастание «автономистских настроений» среди молодежи. В молодежной среде меньше по сравнению с более старшими возрастными группами доля тех, кто поддерживает евразийский интеграционный проект, почти 40 % тех, кто относится к нему безразлично или отрицательно (подробнее см. Осадчая, 2019, с. 100).

С нашей точки зрения, одной из значимых причин снижения поддержки интеграционных процессов в ЕАЭС, а также положительного восприятия России является постепенное исчезновение представителей поколений, проживших большую часть жизни в СССР. Общее же прошлое постсоветского пространства не имеет такого существенного положительного влияния на взаимное восприятие россиян и граждан государств ЕАЭС и их отношение к евразийской интеграции.

Однако вызывает интерес, какую роль остатки общей исторической памяти постсоветского периода, СССР и даже дореволюционной России до сих пор играют роль во взаимном сближении России и государств Центральной Азии, могут ли они лечь в основу новой общей евразийской идентичности.

Таким образом, основной целью статьи является определение потенциала исторической памяти как ресурса мягкой силы во взаимном сближении россиян и жителей Центральной Азии. Здесь стоит подчеркнуть, что мы делаем акцент на изучении таких государств Центральной Азии, как Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан.

Историческую память и политику памяти мы рассматриваем как элемент *soft power*, или мягкой силы, государства. При этом методологически мы опираемся на классификацию элементов мягкой силы, сформированную в рамках одного из наиболее популярных в настоящее время рейтингов мягкой силы – отчета «Soft Power 30: A Global Ranking of Soft Power», ежегодно составляемого агентством «Portland» (McClory, 2019, p. 11). Среди значимых элементов мягкой силы государства в данном рейтинге выделяются такие компоненты, как государственное управление, дипломатия, бизнес, инновации, культура, цифровизация, внешняя политика, качество жизни и т. д. Политика памяти может рассматриваться в рамках категории «культура».

Мягкую силу мы трактуем в духе Дж. Ная как способность получать желаемое посредством притяжения, а не принуждения или платежей (Nye, 2004, p. 10). Кроме того, в рамках этой статьи мы намерены рассматривать мягкую

силу России в контексте т. н. реалистической парадигмы *soft power*. Данная парадигма базируется на постулате о том, что государства, особенно глобальные и региональные державы, стремятся увеличить свою привлекательность не саму по себе, а по отношению к привлекательности своих конкурентов. Иными словами, они вступают в геополитическое соперничество, пытаясь максимизировать свои сравнительные преимущества. В академическом сообществе данной точки зрения придерживаются Е. Локк (Lock, 2009), У. Вьяс (Vyas, 2011), А. Паталах (Patalakh, 2016) и др. Таким образом, мы анализируем мягкую силу России и политику памяти как ее элемент в Центральной Азии в сравнении с мягкой силой основных стран-конкурентов в данном регионе.

Придерживаясь данной парадигмы, мы опираемся на агрегированную аналитическую модель странового кейс-анализа (Aggregative Analytical Model for Country-Focused Case Study Research), разработанную А. Паталахом. Данная модель, наряду со странами-конкурентами, включает в себя страну, применяющую мягкую силу (the «applicant») и страну-реципиента (the «recipient»). При этом представляющаяся на первый взгляд совершенно очевидной идея страны-реципиента очень важна, поскольку ее особенности во многом влияют на выбор страной-актором стратегии и ресурсов «мягкого» влияния.

Кроме того, в модели А. Паталаха представлен перечень факторов, влияющих на общее восприятие стратегии мягкой силы страной или регионом-реципиентом: этнический, языковой и религиозный состав страны-реципиента, ее политический режим, двусторонние отношения между актором и реципиентом в прошлом, а также другие социальные и культурные факторы. Важное место в этом перечне занимает взаимоотношение элит обоих государств. При анализе же конкурирующих за влияние в регионе стран-акторов необходимо обращать внимание на следующие факторы: 1) географическая близость (чем ближе страна-конкурент к реципиенту, тем больший вес должен придаваться ей при анализе); 2) наличие влиятельной группы, которая поддерживает страну-актора внутри страны-реципиента; 3) наличие ситуации жесткого выбора между несколькими странами-конкурентами (Patalakh, 2016, pp. 100–101).

Рассмотрев «мягкое влияние» конкурирующих в данном регионе стран в целом, нам легче будет перейти к следующему шагу – определению роли политики памяти и, в частности, исторической в реализации такого влияния.

Термин «историческая память» вызывает неоднозначные оценки, а зачастую и критику научного сообщества. Ряд исследователей полагает, что в рамках изучения данной тематики более адекватным является понятие «социальная память» в силу социального характера данного явления. Социальную память принято рассматривать как социальный институт, а также как общее понятие, объединяющее различные формы памяти – начиная от биографических воспоминаний и заканчивая сконструированными культурными символическими системами (подробнее см. Коротецкая, 2018, с. 45).

Также, подчеркивая социальный характер такого рода памяти, основоположник исследований памяти Морис Хальбвакс использовал иной термин – коллективная память (Gensburger, 2016). «Коллективная память», с точки зрения исследователя, представляет собой память, формирующуюся в социокультурной среде средствами коммуникации и социальными институтами. Следующим шагом стало понятийное разделение Яном Ассманом коллективной памяти

на культурную и коммуникативную память. Концепт культурной памяти уже предполагал наличие связи между культурным воспоминанием, основанием коллективной идентичности и политической легитимацией (подробнее см. Ассман, 2004). В данном контексте концепт отражает активный и целеполагающий политической характер культурной памяти и выводит нас на понятие «политики памяти». Так, согласно Бернхарду и Кубику, «вспоминание прошлого, особенно коллективное – это всегда политический процесс» (Bernhard & Kubik, 2014, p. 3). При этом коммеморация всегда представляет собой процесс отбора того, что подлежит вспоминанию и забвению.

Современные исследования подчеркивают две стороны исторической политики или политики памяти: актуализация прошлого как условие, которое необходимо для оформления и стабилизации политического действия, с одной стороны, и инструментализация истории для политических целей сегодняшнего дня, с другой стороны. В самом общем смысле политику памяти можно определить как «всю сферу публичных государственных стратегий в отношении способов запечатления прошлого в массовом сознании, совокупность различных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти» (Русакова, Кочнева, 2015, с. 18).

Необходимо отметить, что анализируя конкуренцию стран за влияние в том или ином регионе, очень важно понимать расстановку политических сил в странах-реципиентах мягкой силы, что и подчеркивает А. Паталах в своей модели. Аналогичной точки зрения придерживается и ряд других исследователей. Так, относительно постсоветского пространства Х. Вэлш отмечает значимость фактора смены элит и расстановки политических сил в начале процесса демократизации и на всем его протяжении. При этом когда сторонники старого режима эволюционируют и остаются влиятельной политической силой, отношение к прошлому режиму может выступать в качестве инструмента борьбы за власть (подробнее см. Welsh, 1996).

Результаты исследования

Прежде чем перейти к анализу потенциала мягкой силы общей исторической памяти центрально-азиатских государств и стран, конкурирующих за влияние в данном регионе, мы проанализировали их взаимодействие по модели А. Паталаха. Согласно данным Российского совета по международным делам (РСМД), наиболее высокую активность в центрально-азиатском регионе, помимо России, демонстрируют Китай, Турция, Южная Корея, Япония (подробнее см. Алексеевская, 2017). Также традиционно активны Европейский Союз и США. Тот факт, что все центрально-азиатские государства с недавних пор придерживаются концепции «многовекторного развития» во взаимодействии с другими странами, дополнительно повышает уровень конкуренции в данном регионе.

Что касается Японии, государство ограничивает сотрудничество со странами Центральной Азии четко определенными областями и прикладными проектами, направленными на решение проблем региона, не преследуя каких-либо политических целей. Япония делает акцент на развитие инфраструктуры и социальной сферы, особенно в сельских районах. Наибольший интерес для

нее представляют Киргизия, Узбекистан, Туркменистан. При этом необходимо подчеркнуть, что статус Токио повысился в последние годы до уровня ключевого стратегического партнёра Казахстана, каковыми до этого были только Москва и Пекин. Кроме того, Япония является единственной страной, оказывающей безвозмездную многомиллиардную финансовую помощь постсоветским странам Центральной Азии. Возникший еще в 2003 году формат сотрудничества «Япония плюс Центральная Азия» можно рассматривать как попытку создания противовеса ШОС. Тем не менее, на данный момент влияния Японии в регионе недостаточно для формирования новой международной организации. Что касается составляющих мягкой силы Японии, то в числе активных можно назвать только т.н. «Enterprise», т.е. бизнес-организации, работающие в Центральной Азии. Иные компоненты, такие как культура, образование или привлекательные политические ценности, существенного влияния не имеют.

Укрепление позиций Южной Кореи в центрально-азиатском регионе напрямую связано с перспективами евразийской интеграции. Как и в случае ЕАЭС, интеграционные инициативы Южной Кореи в рамках ЭПШП направлены на экономико-политическое структурирование сопредельного регионального пространства вокруг собственного ядра. Ключевую роль в стратегии Южной Кореи в регионе играет Узбекистан. Также значимое место в центрально-азиатском направлении внешней политики страны занимает Казахстан. В качестве действенных компонентов мягкой силы можно, как и в случае Японии, назвать, в первую очередь, бизнес («Enterprise»). Также определенную роль играют образование и современная культура страны.

Для Китая государства Центральной Азии представляют интерес, в первую очередь, как источник энергоресурсов, рынки сбыта для производимой в Китае продукции, «транзитные коридоры» в Европу. При этом необходимо подчеркнуть, что за последние 10 лет Китай превратился в одного из основных торговых партнеров и инвесторов для стран Центральной Азии. Помимо чисто экономического влияния, Китай осуществляет активные попытки формирования лояльности политических элит центрально-азиатских стран. Для этого у страны, однако, пока недостаточно возможностей – на этом подробно мы остановимся чуть ниже. В контексте политики мягкой силы Китай успешно реализует в последние годы масштабную целенаправленную политику привлечения в китайские вузы молодежи из данного региона. В частности, власти Китая в настоящее время рассматривают возможность превращения Синьцзяна в ориентированную на Центральную Азию образовательную зону. Также в Центральной Азии активную работу ведет Институт Конфуция, одной из важнейших задач которого является снижение уровня настороженности относительно роста китайского влияния в регионе и в мире. Необходимо учитывать также, что Китай и страны Центральной Азии связаны друг с другом транснациональными культурными связями таких этносов, как уйгуры, узбеки, казахи, таджики и др.

Каждый год в Китай по линии Институтов Конфуция отправляется более сотни одаренных студентов из центрально-азиатских государств. По линии ШОС также идет финансирование дополнительных программ. В результате десятки тысяч среднеазиатских студентов вовлекаются в изучение китайского языка и культуры Китая. «Силу мысли» Китая обеспечивают динамично развивающиеся многочисленные think tanks – китайские «фабрики мысли», такие

как Академия общественных наук КНР, Китайская академия современных международных отношений и др. Китайские «фабрики мысли» призваны пропагандировать «китайскую модель развития», особенно в развивающихся странах, по аналогии с тем, как это делают крупнейшие аналитические центры США.

В последние годы Турция несколько «охладела» к центрально-азиатскому региону в пользу более актуального ближневосточного направления, что выражается в сокращении взаимодействия Турции со странами Центральной Азии в политической сфере. Не в последнюю очередь это происходит в связи с нежеланием Турции сотрудничать со странами региона по вопросам региональной безопасности в рамках афганского конфликта. В настоящий момент внимание страны сосредоточено преимущественно на Казахстане и Туркменистане, где Турция планирует реализацию ряда экономических и энергетических проектов. В Киргизии Турция стремится расширить национальное и культурное влияние, в первую очередь через сферу образования (университеты Манас и Ала Тоо). В данном контексте культурному сближению будет способствовать переход Узбекистана, Туркменистана и Казахстана (для последнего запланирован на период до 2025 года) с кириллицы на латиницу. Большой потенциал культурного сближения с государствами Центральной Азии Турция, как и ряду других игроков (Саудовская Аравия, Катар, Иран, Пакистан), обеспечивает ислам, о чем более подробно будет сказано ниже.

США преследует в Центральной Азии главным образом экономические цели, а также развивает сотрудничество в области борьбы с радикализмом и экстремизмом. В ближайшем будущем активность страны будет связана преимущественно с поисками альтернативных по отношению к пакистанскому транзиту путей транспортировки грузов для операций США/НАТО в Афганистане. Однако уже осенью 2019 года в Нур-Султане состоялась встреча помощника госсекретаря США Дэвида Хейла с главами МИД Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Туркменистана, на которой было продекларировано желание Вашингтона придать новый импульс формату «Центральная Азия плюс США» и оживить сотрудничество.

Европейский Союз в последние несколько десятков лет выстраивал, наверное, наиболее разнообразные связи с государствами Центральной Азии – помимо чисто экономических, также образовательные, культурные, в области защиты прав человека и др. В настоящее же время большинство подобных проектов, включая деятельность по содействию демократизации и политическому плюрализму, сокращается, а фокус взаимодействия смещается в сферу экономических проектов. Как признаётся в докладе Генерального директората Европарламента по вопросам внешней политики, Европейский Союз на сегодняшний день в Центральной Азии является игроком с наименьшим влиянием. В этих условиях организации необходимо сконцентрироваться на конкретных проектах – главным образом инвестиционных и экономических. В фокусе мягкой силы ЕС остаются Киргизия и Туркменистан, где организация реализует свою мягкую силу пока главным образом в сфере культуры и образования.

Россия, несмотря на растущую конкуренцию, по-прежнему сохраняет в Центральной Азии достаточно прочные позиции. Не секрет, что осуществляется это, в первую очередь, за счет ресурсов «жесткого влияния» в рамках экономического взаимодействия, а также совместного решения проблем безопасности,

борьбы против международного терроризма, незаконного распространения наркотиков и других нетрадиционных угроз. Существенную роль также играет деятельность и позиция России в таких структурах, как СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС и Организации центрально-азиатского сотрудничества. Благоприятствует сближению и созданная в последние десятилетия система научно-технических, культурных и образовательных связей, обладающих существенным потенциалом мягкой силы. Стоит также отметить, что знание русского языка (на разном уровне) в Казахстане составляет 84 %, Узбекистане – порядка 41 %, Киргизии – 49 %, Таджикистане – 41 %, что облегчает взаимодействие во всех сферах (Боришполец, 2014, с. 63). Отдельно необходимо сказать о произошедшем в 2018 году сближении с Узбекистаном, которое с течением времени может перерасти в неформальное объединение.

Относительно внутренних для стран Центральной Азии факторов, благоприятствующих или препятствующих формированию их общей исторической памяти со странами, конкурирующими в данном регионе за влияние, можно сказать следующее. Этнически почти все страны Центральной Азии близки: их жители, за исключением персоязычных таджиков тюркского происхождения, исповедуют ислам. Необходимо подчеркнуть, что в историко-культурном смысле взаимодействие народов, населявших Центральную Азию, с Китаем и арабским миром началось гораздо раньше, нежели с Россией. Так, китайское проникновение на эти территории началось еще во втором веке до нашей эры и длилось вплоть до седьмого. В это время китайская империя оставалась здесь единственным «внешним игроком». Общение народов Центральной Азии с Китаем оставило заметный след в хозяйственной и культурной жизни центрально-азиатских кочевников: народы региона впервые узнали о разведении шелковичного червя и изготовлении шелка, а также бумаги. Взаимодействие с Китаем также способствовало становлению более совершенных форм государственности.

В 751 г. произошло столкновение Китая и Арабского халифата за преобладание в Центральной Азии, которое закончилось поражением Китая, и контроль над Великим шелковым путем окончательно перешел в руки арабов. Главным последствием арабских завоеваний стало распространение ислама в Центральной Азии, который уже к десятому веку превратился в доминирующую религию. Влияние арабской (мусульманской) культуры подняло на более высокий уровень науку, искусство, образование центрально-азиатских квази-государственных образований того времени. С середины тринадцатого века вся Центральная Азия стала частью Монгольской империи, в составе которой регион находился почти триста лет.

Экспансия Российской Империи в Центральной Азии началась только в девятнадцатом веке, в течение которого данная территория постепенно превратилась в ее часть. Первый же опыт модернизации центрально-азиатских стран связан с советским периодом. Именно в составе СССР были впервые четко определены их нынешние государственные границы, созданы структурированные политические и хозяйственные системы управления, сформированы экономика, культура, образование. Постепенно русский язык приобрел здесь статус языка межнационального общения. Описанный период стал для народов Центральной Азии временем безопасности, мира и внутренней стабильности. Позднее активно происходившие в постсоветских центрально-азиатских госу-

дарствах процессы национализации привели к пересмотру Советского периода, общей истории, роли русского языка.

В период Перестройки в государствах Центральной Азии начали одновременно протекать противоположные процессы – параллельно с закреплением традиций государственности шел обратный процесс ретрадиционализации обществ, находившихся под воздействием ислама. Несмотря на устоявшиеся элементы светского государства, ислам начинал оказывать существенное влияние на строительство национальных государств, а также на особенности и формирование национального сознания и национальной идентичности. В наименьшей степени данным процессам оказались подвержены Казахстан и Туркменистан. При этом репрессии, политический застой и коррупция в странах Центральной Азии формировали благоприятную почву для развития как для мирных, так и радикальных исламских настроений и движений. Данные тенденции благоприятствовали увеличению культурного и идеологического влияния не только мусульманских стран, но иногда и стран Запада. Именно в данном контексте развивалась идея транспортного коридора «Новый шелковый путь» между Центральной и Южной Азией, а также многочисленные концепции Вашингтона формата «Большой Центральной Азии» и «Большого Ближнего Востока», суть которых состояла в рассмотрении пяти бывших советских республик как органичной части мусульманского мира. Москвой такие проекты рассматривались однозначно – как попытки вывести регион из-под влияния России.

Теперь рассмотрим более подробно взаимодействие политических элит Центрально-Азиатских государств с элитами государств-конкурентов за влияние в Центральной Азии. В целом, для политических элит всех государств региона характерно разделение на клановые группировки по территориальному или родовому признаку, практически полное сосредоточение власти в руках главы государства и доминирование правящего клана над остальными группировками во всех общественных сферах, рекрутирование политических элит по принципу «патрон-клиент».

Что касается Казахстана, его географическая близость к России, большая доля русских (почти половина населения – к началу Перестройки), владение русским большинством населения страны, а также его статус языка межнационального общения, «встроенность» страны в российскую Евразию еще со времен Советского союза во многом определили процесс формирования казахских элит на постсоветском пространстве. Необходимо подчеркнуть, что именно советское прошлое сыграло в случае Казахстана решающую роль в данном процессе. Так, с момента обретения Казахстаном независимости в 1991 г. в республике доминирует Старший жуз, главой которого является экс-президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Именно Назарбаев до своего избрания на пост президента был Первым Секретарем ЦК Коммунистической Партии Казахстана. После его избрания на пост президента Назарбаев окружил себя представителями своего жуза, назначив их на высшие государственные должности и максимально ослабив влияние основного политического конкурента – Среднего жуза. Таким образом, советские партийные структуры достаточно плавно трансформировались в авторитарный государственный аппарат постсоветского Казахстана, а его элиты из числа бывшей партийной номенклатуры сохранили тесные связи с Россией. В настоящее время Казахстан следует политике многовекторности, ориентируясь

одновременно на Россию, Китай и государства Запада, что отражается, например, в концепции «трехязычия». Однако влияние России на политическую элиту Казахстана по-прежнему преобладает, что влияет и на отношение в государстве к общему советскому прошлому.

Китай, как и Россия, напрямую граничит с Казахстаном, а значит заинтересован в стабильности существующего политического режима и высоком уровне безопасности в государстве. При этом после Перестройки, в отличие от России, Китай имел близкое к нулю влияние на политическую и экономическую жизнь центрально-азиатских государств посредством личных и групповых контактов, через социальные связи с элитарными группами. Китай и сегодня не имеет возможности опереться на социальные связи элит. Поэтому он идет по пути усиления своего влияния через инвестиционные возможности. Ощутимого влияния других стран-конкурентов России в Казахстане также не наблюдается.

Характерной чертой Таджикистана является нестабильность политического процесса в государстве. После окончания Гражданской войны в 1997 г. власть постепенно сконцентрировалась в руках победителей, которыми стали выходцы из Кулябского клана и их союзники во главе с нынешним Президентом страны – Эмомали Рахмоном. До своего избрания Президентом Рахмон был председателем Верховного Совета Республики Таджикистан. Таким образом, в случае Таджикистана мы также видим преемственность властных структур по отношению к Советскому Союзу и авторитарный характер данных структур. Приверженность традиционному для государства занятию, земледелию, обусловила сохранение в регионе патриархального уклада. В том числе поэтому Кулябский клан выступил за сохранение советских порядков после распада СССР – Советский Союз на протяжении всего существования поддерживал колхозную систему Кулябской группировки. Однако межклановые разногласия в государстве по-прежнему сильны, что существенно влияет на политическую ситуацию в республике. При этом оппозиционные силы в Таджикистане зачастую идеологически опираются именно на ислам. Уже в начале 1990-х годов мусульмане в Таджикистане начали политически организовываться и формировать свои общественные и политические организации. Рост мусульманского самосознания по сей день вынуждает большинство политических партий, включая Коммунистическую, учитывать исламский фактор в своих политических программах. В настоящее время государством проводится жесткая политика по формированию светского характера государства и подчинению ислама светской власти. В связи с вышесказанным скорее позитивное отношение к общему с Россией прошлому транслируется властью и разделяется общественностью.

В Узбекистане структуры компартии после распада СССР без каких-либо реформ выполняли задачи идейно-политического обслуживания президентской власти. Наряду с вышеупомянутыми государствами, Республике Узбекистан так же присущ феномен клановости. В годы советского правления доминирующая роль принадлежала Ташкентскому клану за счет развитости экономики в регионе его присутствия, а также Самаркандскому клану ввиду поддержки Москвы. В настоящее время политические элиты государства также представлены этими двумя кланами, причем Самаркандский играет ключевую роль. Таким образом, мы снова видим преемственность во взаимоотношениях с Россией.

При том что ислам исповедует почти 90% населения, Узбекистан сумел создать в стране уникальный религиозный баланс. Несмотря на то, что мусульманские традиции достаточно глубоки, государство является светским. При этом существенную опасность для Узбекистана и всего Центрально-Азиатского региона представляет террористическая организация Исламское движение Узбекистана (ИДУ), с 2002 г. называемая «Исламское движение Туркестана»¹. В британской газете «Financial Times» был отмечен долгосрочный характер угрозы со стороны ИДУ и связь этой структуры с «Аль-Каидой»² и пакистанской террористической группой «Лашкар-э-Тайба»³ (подробнее см. Гусев, 2018, с. 129). Вероятно, в связи с этим узбекские власти так настойчиво акцентируют светский характер государства.

С начала Перестройки Туркменистан всячески пытался и пытается ограничить связи с внешним миром, о чем свидетельствует, например, принятие резолюции на уровне Организации Объединённых Наций о статусе постоянного нейтралитета Туркменистана. В постсоветский период между Туркменистаном и Российской Федерацией начали устанавливаться не только военно-политические, но и экономические контакты, связанные, в первую очередь, со строительством Каспийского газопровода, так как Москва являлась основным потребителем туркменского газа. Благодаря строительству этого газопровода Москва стремилась, в том числе, максимально связать с собой и поставить под собственный контроль потоки всего добываемого в центральноазиатском регионе газа, отрезав Ашхабад и Астану от платёжеспособных стран Европейского союза. Однако интерес США и ЕС к туркменскому газу до настоящего момента не снизился, и между странами идет активное взаимодействие в данной сфере, а также иных областях – культурной, образовательной, медийной и др. Также активно развивается взаимодействие, в том числе культурное, со странами Ближнего Востока – Саудовской Аравией, Катаром, Кувейтом, ОАЭ. При этом подчеркиваются, особенно это касается Катара, исторические корни взаимоотношений и общие духовно-культурные ценности. Что касается политических элит, нельзя сказать, что влияние как России, так и ее конкурентов на них является существенным.

В Киргизии разделение на кланы по принципу «Север-Юг» происходит со времен советского правления, когда в 1926 г. была создана Киргизская АССР. При этом разные президенты Киргизии принадлежали к разным кланам, что говорит о нестабильности политической ситуации в государстве. Внешнюю политику Киргизии на протяжении ее развития в постсоветский период можно рассматривать как максимально многовекторную. На континентальном уровне она направлена на выработку мер доверия и формирование многопланового и взаимовыгодного сотрудничества с основными центрами международной политики континента – Россией, КНР, ЕС, Японией, Индией, Турцией. Большинство из перечисленных государств заинтересованы в стране, в первую очередь, как поставщике углеводородов. США долгое время играли значительную роль в развитии Киргизии, в том числе, политическом. После длительного периода

¹ Организация запрещена в РФ.

² Организация запрещена в РФ.

³ Организация запрещена в РФ.

охлаждения отношений в 2018 году началось постепенное восстановление. В настоящее время отношения США и Киргизии развиваются в таких областях сотрудничества, как безопасность, экономическое развитие, культурные обмены, развитие гражданского общества, здравоохранение, образование. Также примечательно взаимодействие Киргизии и Турции в сфере образования. Однако стоит принять во внимание некоторое охлаждение отношений Турции и Киргизии в последние несколько лет. Экономика КР теснейшим образом зависит от сохранения конструктивных отношений с РФ. Россия – второй после Китая торгово-экономический партнер Киргизии, важными сферами взаимодействия стран являются энергетика и безопасность.

При этом новой тенденцией является рост роли ислама в государстве. В феврале 2019 г. в Киргизии Научно-исследовательский институт исламоведения обнародовал итоги проведенного опроса среди граждан Киргизии на тему «уязвимость и устойчивость людей в Киргизии к радикализации и экстремизму», согласно которому 34% молодежи республики выступает за изменения формы государственного управления и переход к исламской форме правления по законам шариата (Сагындык кызы, 2019). Данные результаты подтверждают рост интереса к исламу, особенно у молодежи. При этом в настоящее время именно молодежь в Киргизии больше всего подвергается вербовке со стороны радикальных группировок, преимущественно через социальные сети. Стоит добавить, что из всех государств Центральной Азии только в Киргизии был открыт филиал общественного объединения «Всемирная ассамблея исламской молодежи», финансирующей строительство школ и мечетей. Данная организация была создана в 1972 г. по инициативе короля Саудовской Аравии. В целом же в Киргизии действуют 102 медресе, 7 исламских институтов и один исламский университет. Центры всех 42-х существующих в Киргизии течений христианских и буддистских религий находятся в США, а мусульманских – в монархических государствах Ближнего Востока и в Турции. Из всех государств Центральной Азии именно в Киргизии в последнее время прослеживается переосмысление отношения действующих властей к исламу. Сегодня власти светской Киргизии видят в распространении и доминировании ислама широкие национальные перспективы. Таким образом, политические элиты Киргизии подвергаются воздействию со стороны элит сразу нескольких государств. При этом растет потенциал влияния со стороны государств ислама.

Что касается изменения роли ислама в Центральной Азии в целом, она связана с увеличением, в сравнении с 90-ми годами XX века, представителей «титальной нации» в этническом составе населения. При этом нередко исламисты придерживаются позиции, что модель исламского государства будет лучше, чем действующие авторитарные режимы, справляться с обеспечением равенства всех граждан перед законом, а также социального равенства. В первые годы независимости ислам в странах Центральной Азии носил преимущественно социологический характер. Ситуация стала меняться с появлением соответствующей литературы и проповедников из Саудовской Аравии, Ирана и Пакистана, что придало ему политические черты. В настоящее же время существует угроза распространения радикального ислама, центром которого в Центральной Азии является Ферганская долина, где стыкуются границы трех Центрально-Азиатских республик – Узбекистана, Таджикистана и Киргизии.

Таким образом, на наш взгляд, наибольшими ресурсами общей исторической памяти в Центрально-Азиатском регионе на сегодняшний день располагают мусульманские страны и Россия. При этом приходится признать, что общее историческое прошлое в рамках СССР начинает естественно или осознанно забываться, либо трактоваться в негативном ключе, тогда как историко-мифологический контекст, объединяющий мусульманские государства, приобретает все большую актуальность. Существенным преимуществом мусульманского историко-мифологического дискурса является то, что он обладает пользующимся популярностью нарративом, тогда как советский нарратив постепенно теряет актуальность, а нового пока не сформировано. Однако рассмотрим, какие аспекты советского и досоветского исторического нарратива еще не потеряли свою актуальность или могут быть успешно реанимированы.

Стоит понимать, что во всех без исключения государствах постсоветской Центральной Азии политика памяти выполняет, в первую очередь, функции нациестроительства. Наиболее востребованными в данном контексте являются идеи о древности и автохтонности народа, его уникальной культуре, великих предках и могущественных врагах, в борьбе с которыми формировалась нация. При этом новый национальный дискурс, как правило, противопоставляется истории в составе СССР, а в ряде случаев и Российской Империи, рассматриваемой преимущественно в мрачных тонах и категориях травмы и борьбы.

Основные положения политики памяти содержатся в соответствующих официальных документах, во всех государствах Центральной Азии существуют структуры, ответственные за исследование и формирование исторической памяти. Это такие организации, как Институт истории государства в Казахстане, Каракалпакский НИИ гуманитарных наук в Узбекистане, Институт истории и культурного наследия Национальной академии наук в Киргизии, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша в Таджикистане и др. Также значимыми инструментами внедрения новой политики исторической памяти являются музеи, учебники, изображения на деньгах, марках. Наиболее важные памятные события отмечаются как государственные праздники.

В рамках характерной для всех посткоммунистических стран декоммунизации происходило увековечивание памяти жертв коммунистического режима. Так, во всех пяти рассматриваемых странах были установлены памятники жертвам политических репрессий, созданы музеи, такие как, например, музейно-мемориальный комплекс жертв политических репрессий и тоталитаризма, открытый 31 мая 2007 года на месте Акмолинского лагеря жен изменников родины («АЛЖИР»), где содержалось более 18 тысяч женщин. В Узбекистане была определена соответствующая мемориальная дата – 31 августа – «День памяти жертв репрессий». В то же время памятники Ленину и русским большевикам перемещаются в специально отведенные места на периферии, названные в честь большевиков улицы переименовываются.

Значение памятных дат также претерпевает существенные изменения. Так, в Киргизии праздник советской эпохи – день Октябрьской революции – был трансформирован в праздник под названием «Дни истории и памяти предков». Некоторые даты подчеркивают негативный характер взаимодействия с Россией в ходе истории. Так, с 1991 года в Туркменистане 12 января отмечается как общенациональный день памяти, связанный с падением Геоктепинской крепо-

сти в результате осады царских войск под командованием М.Д. Скобелева. При этом на месте остатков крепости был сооружен мемориальный комплекс, включающий реконструкцию крепостной стены, музей Сапармурат-хаджи и мечеть. В национальном музее события, разворачивающиеся вокруг взятия крепости, представлены как драма туркменского народа с массовой гибелью женщин, детей, стариков. Значимым шагом также стал перенос русского кладбища и снос установленного на нем памятника в виде креста.

Как показало исследование российских ученых «Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств» (2009), общей чертой школьных учебников новых национальных государств Центральной Азии является стремление представить контакты с русскими и Россией как источник бедствий. При этом деятельность по созданию учебника истории Союзного государства началась только в недавнее время.

Однако неверно утверждать о полном нивелировании или демонизации совместного прошлого России и стран Центральной Азии. Например, в Казахстане обвинения в принудительной русификации казахов и в других «имперских грехах» уживаются с признанием существенной модернизационной роли СССР в судьбе государства. Также в историографии современной Киргизии акцентируется, что киргизы добровольно искали покровительства Российской Империи в 18–19 веках. В этом смысле показательным является празднование в современной Киргизии 90 лет со дня образования Киргизской АССР и 80 лет Киргизской ССР. В Таджикистане же, в целом, нахождение в составе СССР воспринимается не в категориях доминирования, а, напротив, в терминах защиты таджикской культуры, языка и государственности, что усиливается стержневым характером распространенной в государстве арийской идеи.

Учитывая противоречивый характер восприятия общего Советского и до-советского прошлого в современных государствах Центральной Азии, последнее не может быть надежным источником российской мягкой силы. Исключения могут составлять отдельные события, факты и идеи. Так, во всех странах Евразийского экономического союза День Победы по-прежнему сохраняет свое значение. Несмотря на события вокруг георгиевской ленточки, данная дата пока еще воспринимается в контексте общего советского прошлого и обладает сплачивающим потенциалом. Для его максимального раскрытия, на наш взгляд, необходимо акцентировать внимание на том, что итоги Великой Отечественной войны укрепили международно-правовой статус современных независимых государств, а сама война способствовала экономическому и культурному развитию региона. При этом сами центрально-азиатские государства сыграли важную роль в Победе, а также внесли существенный вклад в экономику СССР. К примеру, Казахстан за годы войны дал 90 % общесоюзной выплавки меди, 85 % свинца, 60 % марганцевой руды.

Также новое, современное прочтение может получить сформулированная в СССР идея дружбы народов. Данная идея могла бы нивелировать распространенный сегодня в странах Центральной Азии негативный образ завоевателя, движимого имперскими амбициями. Здесь стоит вспомнить о принятии большевиками в 1917 году Декларации прав народов России с «правом на свободное самоопределение вплоть до отделения». При этом в рамках официального

властного дискурса, связанного с вопросами ЕАЭС, данная идея развивается – подчеркивается невмешательство России во внутреннюю политику стран Центральной Азии и уважение их суверенитета при стремлении к поддержке в экономическом и социальном развитии. Кроме того, даже ситуация «постимперского» существования не означает полную невозможность построения дружественных взаимоотношений между бывшей метрополией и ее колониями. В качестве примеров можно назвать такие организации, как «Содружество наций» под эгидой Британии или «Международная организация Франкофонии».

Однако наибольший потенциал формирования общей позитивной исторической памяти нам видится в непрямом воздействии через сферы образования, науки и культуры. В настоящее время в этом процессе существенную роль играет деятельность таких организаций, как «Россотрудничество», фонд «Русский Мир», фонд Горчакова и др., также активны МИД РФ и Министерство культуры, российские посольства. Во всех странах Центральной Азии данными организациями проводятся многочисленные культурные мероприятия, большинство из которых имеют ежегодный характер. Это такие мероприятия, как «Дни России», фестивали русского языка и культуры, фестивали-конкурсы песен, недели российского кино, художественные и фотовыставки. На наш взгляд, значимые аспекты общей истории наиболее эффективно могут быть представлены и восприняты в художественных формах. Особенно это касается такого формата, как кино. Не в последнюю очередь потому, что подобные форматы пользуются наибольшей популярностью в молодежной среде, воздействие на которую для вышеназванных организаций является наиболее проблемным в силу традиционности и недостаточной креативности их деятельности. Не стоит забывать, что на постсоветском пространстве по-прежнему сохраняет популярность российская массовая культура – от кинематографа и телевидения до беллетристики. При этом в сфере кинематографа и телевидения России начинают составлять конкуренцию такие страны, как Индия, которая также с недавних пор претендует на влияние в регионе.

«Россотрудничество» активно продвигает российское образование и научные достижения. Представительство Агентства ежегодно поддерживает участие российских университетов в образовательных выставках и стремится установить партнерские отношения с ведущими учебными заведениями и исследовательскими центрами в Казахстане. В целом система академических обменов между Россией и государствами Центральной Азии хорошо отлажена, большинство абитуриентов, желающих обучаться за рубежом, пока еще отдают предпочтение России, а российское образование считается престижным и повышает шансы на последующее трудоустройство. Таким образом, формирование дискуссий вокруг общей истории и исторической памяти в рамках академического и научного сообщества может оказаться достаточно эффективным с точки зрения реабилитации совместного исторического прошлого стран Центральной Азии и России.

Несколько иначе обстоит дело с активизацией сотрудничества между различными НПО, фондами, ассоциациями и другими учреждениями. При наличии у данного инструмента значительного потенциала традиционно-бюрократический подход существенно снижает эффективность принимаемых Россией мер и отличает российский подход от аналогичных проектов

западных коллег. Сегодня в странах региона действуют небольшие, но многочисленные западные НПО, реализующие конкретные, точечные проекты – причем приоритетным направлением их работы являются именно молодежные коммуникации. Стоит отметить ежегодную школу молодых специалистов из Центральной Азии и программу «Безопасность в Евразии», включающую лекции и мастер-классы по геополитике, экономике, безопасности и информационным технологиям, организуемые Российским Фондом Горчакова. Однако число подобных российских проектов, направленных на молодежь, по-прежнему невелико и существенно уступает количеству подобных западных инициатив.

Заключение

Россия по-прежнему сохраняет роль одного из ключевых партнеров государств Центральной Азии, однако конкуренция со стороны других активных в регионе игроков постепенно возрастает. Позиции всех стран-конкурентов в центрально-азиатском регионе в наибольшей степени пока определяются «жесткой силой» – возможностями экономической и силовой поддержки. Однако мягкая сила также играет значительную роль, особенно в сфере конкуренции за образовательных и трудовых мигрантов. В этой области действуют такие элементы soft power, как образование, культура и общественная дипломатия. Что касается исторической памяти и политики памяти, существенным потенциалом мягкой силы в этой сфере обладают только Россия и страны, в которых наиболее распространённой религией является ислам (Турция, Саудовская Аравия, Катар и др.). При этом в ряде стран (Киргизия, Узбекистан) это является существенным преимуществом, т. к. ислам начинает играть все большую роль в их общественно-политической жизни. Для России политика памяти не может стать одним из ключевых элементов мягкой силы в Центральной Азии. Однако, несмотря на неоднозначное и нередко негативное восприятие в государствах Центральной Азии общего с Россией прошлого, потенциал реабилитации исторического прошлого существует. Формирование позитивного отношения к нему возможно посредством непрямого воздействия – через культуру и искусство, сферу науки и образования, общественную дипломатию.

Список литературы

1. Алексеенкова, Е.С. (2017). *Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов «5+1» (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС)*. Взято 5 мая 2019, с <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sravnitelnyy-analiz-deyatelnosti-sozdannykh-v-tsentralnoy-azii-formatov-5-1-s-uchastiem-ssha-yuzhnoy/>
2. Ассман, Я. (2004) *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры.
3. Боришполец, К.П. (2014). Русский язык в центрально-азиатском регионе. *Вестник МГИМО Университета*, 2(35), 63–70.

4. Гусев, Л. Ю. (2018). Борьба с терроризмом и экстремизмом в странах Центральной Азии и Афганистане. Роль ОДКБ. *Россия и новые государства Евразии*, 1, 126–133. doi: 10.20542/2073-4786-2018-1-126-133
5. Данилов, А. А., Филиппов, А. В. (Ред.). (2009). *Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств*. Москва.
6. Коротецкая, Л. В. (2018). *Социальная память: социологический анализ дискурса прошлого в немецком самосознании* [Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук, МГИМО Университет]. Электронный архив МГИМО Университета. https://mgimo.ru/science/diss/korotetskaya-lv.php?sphrase_id=12729352
7. Мухаев, Р. Т. (2000). *Политология: учебник для студентов юридических и гуманитарных факультетов*. М.: Издательство «ПРИОР».
8. Осадчая, Г. И. (2019). Реконструкция общей исторической памяти населения стран Евразийского экономического союза. *Научно-образовательное издание «Социально-гуманитарные знания»*, 3, 100–112.
9. Русакова, О. Ф., Кочнева, Е. Д. (2017). Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 3–4(28–29), 17–30. doi: 10.17506/dipi.2017.2829.34.1730
10. Сагындык кызы, Элеонора (2019, 12 февраля). Третью кыргызстанской молодежи поддерживает жизнь по шариату. *Кыргызская служба Би-Би-Си*. Взято 7 мая 2019, с https://www.gezitter.org/society/76748_tret_kyrgyzstanskoy_molodeji_podderjivaet_jizn_po_shariatu/
11. Bernhard, M., & Kubik, J. (Eds.). (2014). *Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford: University Press.
12. Gensburger, S. (2016). Halbwachs' Studies in Collective Memory: A Founding Text for Contemporary 'Memory Studies'. *Journal of Classical Sociology*, 16(4), 396–413. doi: 10.1177/1468795X16656268
13. Lock, E. (2009). Soft power and strategy: developing a “strategic” conception of power. In Parmar, I., & Cox, M. (Eds.). *Soft Power and US Foreign Policy: Theoretical, Historical, and Contemporary Perspectives* (pp. 32–50). Abingdon, Oxon: Routledge.
14. McClory, J. (2019, 2 октября). *Soft Power 30: A Global Ranking of Soft Power*, London: Portland, USC Center on Public Diplomacy. Взято 1 мая 2019, с <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2019/10/The-Soft-Power-30-Report-2019-1.pdf>
15. Nye, J (2004). *Soft Power. The means to success in World Politics*. New York: Public Affairs.
16. Patalakh, A. (2016). Assessment of Soft Power Strategies: Towards an Aggregative Analytical Model for Country-Focused Case Study Research. *CIRR*, 22(76), 85–112. doi: 10.1515/cirr-2016-0007
17. Vyas, U. (2011). *Soft Power in Japan-China Relations: State, Sub-State, and Non-State Relations*. Abingdon, Oxon: Routledge.
18. Welsh, H. (1996). Dealing with the Communist Past: Central and East European Experiences after 1990. *Europe-Asia Studies*, 48, 419–428. doi: 10.1080/09668139608412356

References

1. Alekseenkova, E.S. (2017). *Sravnitelny janaliz deyatelnosti sozdannyh v Centralnoj Azii formatov "5+1" (s uchastiem SSHA, Yuzhnoj Korei, Yaponii i ES)* [Comparative analysis of the "5+1" formats created in Central Asia (with the participation of the USA, South Korea, Japan and the EU)]. Retrieved from <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sravnitelnyy-analiz-deyatelnosti-sozdannykh-v-tsentralnoy-azii-formatov-5-1-s-uchastiem-ssha-yuzhnoy/>
2. Assmann, J. (2004). *Kulturnaya pamyat. Pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokih kulturah drevnosti* [Cultural memory. Writing, memory of the past, and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury.
3. Bernhard, M., & Kubik, J. (Eds.). (2014). *Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford: University Press.
4. Borishpolets, K.P. (2014). Russkij yazyk v centralno-aziatskom regione [Russian in the Central Asian region]. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2(35), 63–70.
5. Danilov, A.A., & Phillipov, A.V. (Eds.). (2009). *Osveshchenie obshchei istorii Rossii i narodov postsovetskih stran v shkolnyh uchebnikah istorii novyh nezavisimyh gosudarstv* [Coverage of the general history of Russia and the peoples of the post-Soviet countries in school textbooks on the history of the newly independent States]. Moscow.
6. Gensburger, S. (2016). Halbwachs' Studies in Collective Memory: A Founding Text for Contemporary 'Memory Studies'. *Journal of Classical Sociology*, 16(4), 396–413. doi: 10.1177/1468795X16656268
7. Gusev, L.U. (2018). Bor'ba s terrorizmom i ekstremizmom v stranah Central'noj Azii i Afganistane. Rol' ODKB [The fight against terrorism and extremism in the countries of Central Asia and Afghanistan. Role of the CSTO]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, 1, 126–133. doi: 10.20542/2073-4786-2018-1-126-133
8. Korotetskaya, L.V. (2018). *Socialnaya pamyat: sociologicheskij analiz diskursa proshlogo v nemeckom samosoznanii* [Social memory: a sociological analysis of the discourse of the past in German self-consciousness] [PhD Dissertation, MGIMO University]. Electronic scientific archive of MGIMO University. https://mgimo.ru/science/diss/korotetskaya-lv.php?sphrase_id=12729352
9. Lock, E. (2009). Soft power and strategy: developing a "strategic" conception of power. In Parmar, I., & Cox, M. (Eds.). *Soft Power and US Foreign Policy: Theoretical, Historical, and Contemporary Perspectives* (pp. 32–50). Abingdon, Oxon: Routledge.
10. McClory, J. (2019, October 2). *Soft Power 30: A Global Ranking of Soft Power, London: Portland, USC Center on Public Diplomacy*. Retrieved May 1, 2019, from <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2019/10/The-Soft-Power-30-Report-2019-1.pdf>
11. Muhaev, R.T. (2000). *Politologiya: uchebnik dlya studentov yuridicheskikh i gumanitarnykh fakultetov* [Political science: the textbook for students of law and humanities faculties]. Moscow: Publishing house «PRIOR».
12. Nye, J (2004). *Soft Power. The means to success in World Politics*. New York: Public Affairs.

13. Osadchaya, G.I. (2019). Rekonstrukciya obshchej istoricheskoj pamyati naseleniya stran Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza [Reconstruction of the common historical memory of the population of the countries of the Eurasian economic Union]. *Nauchno-obrazovatelnoe izdanie "Socialno-gumanitarnye znaniya"*, 3, 100–112.
14. Rusakova, O.F., Kochneva, E.D. (2017). Ocenki Oktyabrskoj revolyucii v oficialnom diskurse politiki pamyati [Evaluations of the October Revolution in the official discourse of the politics of memory]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3–4(28–29), 17–30. doi: 10.17506/dipi.2017.2829.34.1730
15. Sagyndyk kyzy, Eleonora. (2019, February 12). Tret' Kyrgyzstanskoj molodezhi podderzhivaet zhizn' po shariatu [A third of Kyrgyz youth support Sharia life]. *Kyrgyz service of BBC*. Retrieved May 7, 2019, from https://www.gezitter.org/society/76748_tret_kyrgyzstanskoy_molodeji_podderjivaet_jizn_po_shariatu/
16. Patalakh, A. (2016). Assessment of Soft Power Strategies: Towards an Aggregative Analytical Model for Country-Focused Case Study Research. *CIRR*, 22(76), 85–112. doi: 10.1515/cirr-2016-0007
17. Vyas, U. (2011). *Soft Power in Japan-China Relations: State, Sub-State, and Non-State Relations*. Abingdon, Oxon: Routledge.
18. Welsh, H. (1996). Dealing with the Communist Past: Central and East European Experiences after 1990. *Europe-Asia Studies*, 48, 419–428. doi: 10.1080/09668139608412356

СОВРЕМЕННЫЕ МАССМЕДИА О СОБЫТИЯХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСА ВРАЖДЫ

Фурсов Кирилл Константинович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
аспирант,
Новотроицк, Россия,
ORCID: 0000-0002-5989-8973,
E-mail: biathlon91@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.04.2020, принята к публикации 13.08.2020

Для цитирования: Фурсов К.К. Современные массмедиа о событиях Второй мировой войны: структурный анализ дискурса вражды // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3 (40). С. 74–87. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10305

Аннотация

Целью данного исследования является выявление структурных элементов «дискурса вражды» массмедиа на примере исторического дискурса современной политики национальной памяти относительно событий Второй мировой войны. Используется методология комплексного структурного дискурс-анализа. Задающим структурные элементы медиадискурса вражды является жанр. В статье осуществляется типология жанров «дискурса вражды» массмедиа. Спецификой «дискурса вражды» массмедиа является коммуникативная стратегия поляризации и выраженная эмоционально-экспрессивная риторика. В рамках политики национальной памяти, относящейся к событиям Второй мировой войны, выделяется такой элемент «дискурса вражды», как «образ врага». Эмоционально-экспрессивные элементы выражаются посредством лингвистических средств.

Структурный анализ дискурса вражды осуществляется на примере публикаций массмедиа о событиях Второй мировой войны. Были проанализированы 7 отечественных и зарубежных публикаций. Для анализа была выработана собственная методика. Ключевой особенностью дискурса вражды массмедиа о событиях Второй

© Фурсов К.К., 2020

мировой войны стал жанр аналитической статьи. При анализе структурных элементов дискурса публикаций массмедиа делается вывод о том, что в них отсутствуют однотипные элементы «дискурса вражды». С точки зрения содержания публикаций «дискурс вражды» можно разделить на три типа: дискурс исторической правды, дискурс сложности истории с обвинением сторон в предвзятости, дискурс борьбы с навязыванием исторических противоречий. Спецификой дискурса публикаций как дискурса вражды становится речевой оборот обвинения, подчёркивание образа врага через экспрессивные средства. Проанализированные статьи массмедиа можно отнести к «дискурсу вражды». Была выделена типология «дискурса вражды» массмедиа – по цели и по содержанию. Дискурс по цели определяется стратегией противостояния, а дискурс по содержанию – наличием ключевых элементов – лексики и риторических приёмов.

Ключевые слова:

дискурс-анализ, медиадискурс, дискурс вражды, массмедиа, образ врага, структура дискурса.

UDC 167.7-81'42-392.77

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10305

MODERN MASS-MEDIA ON THE SECOND WORLD WAR EVENTS: STRUCTURAL ANALYSIS OF THE DISCOURSE OF ENMITY

Fursov Kirill Konstantinovich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Post-graduate student,
Novotroitsk, Russia,
ORCID: 0000-0002-5989-8973,
E-mail: biathlon91@mail.ru

Article received on April 2, 2020, accepted on August 13, 2020

To cite this article: Fursov K.K. (2020). Sovremennye massmedia o sobytijah Vtoroj mirovoj vojny: strukturnyj analiz diskursa vrazhdy [Modern mass-media on the Second World War events: structural analysis of the discourse of enmity]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(40), 74–87. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10305

Abstract

The aim of the study is to identify the structural elements of the “discourse of enmity” of the media on the example of the historical discourse of the modern policy of national memory on the events of the Second World War. The methodology of complex structural discourse analysis is used. The genre is the defining structural element of the media discourse of enmity. The article provides a typology of the genres of “discourse of enmity” of the media. According to the events of the Second World War, within the framework of the national memory policy, there is such an element of “discourse of hostility” as the “image of the enemy”. Emotionally expressive elements are expressed through linguistic means.

Structural analysis of the “discourse of enmity” is carried out on the example of media publications on the events of the Second World War. Seven domestic and foreign publications were analyzed. For analysis, our own methodology was developed. A key feature of the “discourse of enmity” of the media on the events of the Second World War was the genre of an analytical article. When analyzing the structural elements of the discourse of media publications, it is concluded that there are no similar elements of the “discourse of enmity”. From the point of view of the content of publications, the “discourse of enmity” can be divided into three types: the discourse of historical truth, the discourse of the complexity of history with the accusation of bias by the parties, the discourse of the struggle against the imposition of historical contradictions. The specificity of the discourse of publications as the “discourse of enmity” is the speech of the accusation, emphasizing the image of the enemy through expressive means. The analyzed media articles can be attributed to the “discourse of enmity”. A new typology of the “discourse of enmity” of the media was singled out - by purpose and content. The discourse on the goal is determined by the strategy of confrontation and the discourse of content by the presence of key elements - lexis and rhetorical means.

Keywords:

discourse-analyses, media-discourse, discourse of enmity, mass-media, image of enemy, structure of discourse.

Структурные элементы «дискурса вражды» массмедиа

В 2020 году Россия отмечает 75-летнюю годовщину победы в Великой Отечественной войне. Тема победы СССР в Великой Отечественной войне относится к проблеме национальной исторической памяти. Как сказал один из её исследователей, «Кто против кого – смысл национальной памяти. Память – это фундамент идентичности» (Эрлих, 2016, с. 8).

Политика национальной памяти опирается на национальные идентичности. Спецификой идентичности является её групповой характер, умение объединяться и формировать группы интересов против конкретных групп. Поэтому подобная политика, в основе которой лежит коллективная идентичность, находится в фокусе внимания «дискурса вражды» массмедиа.

Целью статьи является выявление структурных особенностей «дискурса вражды» массмедийного сопровождения политики национальной памяти. Данные особенности могут быть зафиксированы на примере дискурс-анализа исторических событий Второй мировой войны. Этот дискурс-анализ должен продемонстрировать характерные составляющие и черты подобного исторического дискурса.

«Дискурсом вражды» можно назвать такой дискурс, который выражает желание причинить вред тому, кто воспринимается как враг или выражает психологические причины враждебности (Фурсов, 2018, с. 51). В рамках исследований дискурса вражды массмедиа доминирует анализ медиатекста. «Дискурс вражды» массмедиа входит в широкие понятия медиалингвистики и медиадискурса. Существует несколько определений понятия «медиадискурс», но наиболее подходящим определением будет то, где это понятие определяется как особый режим производства знаний (Кожемякин, 2010, с. 17). Дискурс вражды массмедиа, как подвид медиадискурса, рассматривается как режим производства знания по поводу вражды. Медиадискурс, который понимается как режим производства знаний, подразумевает под собой то, что сюда включаются все этапы конструирования дискурса.

Наше исследование сосредотачивается на репрезентации концепта национальной памяти в «дискурсе вражды» современных массмедиа в рамках представлений о памятных и исторических событиях Второй мировой войны. Национальная политика памяти относится к сфере исторической политики, в то время как анализ «дискурса вражды» массмедиа сосредотачивается на особенностях репрезентации данного дискурса в сфере массовой информации.

Начать дискурс-анализ массмедийной репрезентации национальной политики памяти следует с раскрытия общего структурного содержания её медиадискурса. Общей структурой медиадискурса является жанр. В этой области исследований сложился определенный доминирующий подход, который определяет группу жанров, используемой медиадискурсом. Так, например, Т.Г. Добросклонская выделяет следующие типы жанров медиадискурса: информационный, аналитический, художественно-публицистический и рекламный (см. Добросклонская, 2008, с. 59). Информационный тип жанра сообщает информацию. К информационному типу относятся жанры новостей, информационных статей, информационных интервью, заметок, объявлений, афиши. Аналитический тип жанров медиадискурса решает задачу оценки, анализа, интерпретации фактов, событий, явлений. Главная функция аналитического типа – интерпретационная или идеологическая. К аналитическому типу относят жанры аналитической статьи, недельных новостей, аналитических интервью, обзора, комментариев, журналистского расследования. В данном типе жанра обязательна модальность – отношение автора к своему материалу. В аналитическом типе медиадискурса соседствуют два параллельных элемента медиадискурса – факт и комментарий, информация и мнение, информация и оценка. Художественно-публицистический тип медиадискурса (*features*) занимается изображением фактов, событий и явлений. К жанрам художественно-публицистического типа медиадискурса относят материалы публицистики, эссе, очерки, фельетоны, анекдоты, пародии. Обязательным элементом здесь является эмоциональность и экспрессивная оценочность.

Для того чтобы осуществить дискурс-анализ массмедиа, нужно выделить параметры медиадискурса. Главный вопрос дискурс-анализа заключается в ответе на вопросы – как получилась именно такая модификация дискурса, и к каким культурным, социальным и прочим последствиям она приводит? Идея дискурс-анализа воплощается в том, что замысел сообщения конструируется непосредственно в ходе использования языка.

В рамках дискурс-анализа можно выделить следующие составляющие медиадискурса: цель, предметная область, когнитивные процедуры, коммуникативные характеристики, знаково-символьные формы (языковые единицы, речевые акты, средства выражения), текст и контекст. В зависимости от структуры медиадискурса можно выделить следующие разновидности его дискурс-анализа: целевой, предметно-тематический, когнитивный, коммуникативный, лингвистический, семиотический (текстовый), контекстуальный. Для понимания функций медиадискурса нужно осуществлять комплексный дискурс-анализ массмедиа, так как содержание всех параметров медиадискурса тесно взаимосвязано между собой (Кожемякин, 2010, с. 18–21).

Целевой дискурс-анализ массмедиа характеризует мотив субъекта массовой коммуникации. Предметно-тематический – раскрывает содержание и смысл концептов медиадискурса. Когнитивный – включает изучение процесса познания не только с помощью отражения и копирования, но и с помощью обращения к внешнепытным процедурам (моделям, символам), а также – intersубъективность познания (соотнесение с социальными нормами других людей), гетерогенность (ориентацию не только на логико-методологические процедуры, но и творчество и интуицию). Коммуникативный анализ медиадискурса включают в себя процесс выявления статусно-ролевых позиций, ситуативно-коммуникативных особенностей участников медиакоммуникации, условия передачи и получения сообщения, стратегии общения, способы коммуницирования. Семиотический (текстовый) анализ медиадискурса включает выделение знаково-символьных форм (языковые единицы, речевые акты, средства выражения). Если медиадискурс ставит целью фактичность, то он использует нейтральные лексические единицы; если целью является воздействие на аудиторию, то он использует неточные семантические и полисемические лексические единицы. Языковые единицы, речевые акты, средства выражения образуют текст. В рамках медиадискурса анализ смысловой составляющей происходит только при помощи текста.

Особое место в исследовании дискурс-анализа принадлежит Т.А. ван Дейку. Он рассматривает дискурс как коммуникативное событие и выделяет следующие структуры дискурса: невербальные структуры, звуки, синтаксис, лексику, тему, схему (привычную форму организации дискурса), риторические приёмы, речевые акты, взаимодействие (Goldberg, Solomos, 2002, p. 147). Т.А. ван Дейк раскрывает эти структуры в рамках дискурса расизма. Основная цель подобного дискурса – дискриминация группы меньшинства. Поэтому коммуникативной стратегией такого дискурса выступает стратегия поляризации – позитивная самопрезентация группы большинства и негативная презентация группы меньшинства. Спецификой медиадискурса расизма является то, что по жанру здесь доминируют новости, а ключевым элементом дискурса выступают заголовки. Формой дискриминации при подобном медиадискурсе выступает

доступ определённой группы и её способность цитировать ограниченный круг источников информации. При рассмотрении дискурса расизма автор обращает внимание на то, что субъект дискурса обладает властными полномочиями – «символическая элита» определяет правила и формы доминирования в этом дискурсе. Т.А. ван Дейк выделяет два уровня данного медиадискурса: социальный уровень (конкретные практики и социальные институты) и когнитивный уровень – убеждения людей (знания, установки, убеждения, ценности, идеология, стереотипы, предрассудки). Дискриминация в медиадискурсе выражается в доминировании дискурса определенных социальных групп, в ограничении тематики, источников, возможностей цитирования, в использовании технологии группового обобщения.

Стоит особо обратить внимание на такой элемент, который конструируется посредством дискурса массмедиа, как образ. В рамках аналитического жанра медийного дискурс-анализа исследование образа является его неотъемлемым компонентом. К образной репрезентации «дискурса вражды» в массмедиа в первую очередь относится транслируемый образ врага. Образ врага – это представления, возникающие у социального (массового или индивидуального) субъекта о другом субъекте, воспринимаемом как несущим угрозу его интересам, ценностям или самому социальному и физическому существованию, и формируемые на совокупной основе социально-исторического и индивидуального опыта, стереотипов и информационно-пропагандистского воздействия (Сенявская, 2006, с. 20).

Спецификой медиадискурса «образ врага» является конструирование персонажа «другого», отличительной особенностью которого является его инаковость. Дискурс-анализ «другого» включает следующие компоненты: 1) номинация; 2) характеристика поведения, черты характера; 3) сюжетная роль персонажа; 4) оценка персонажа и сторона, которая даёт такую оценку; 5) лингвистические маркеры конкретных дискурсивных практик. Отличительной особенностью конструирования образа «другого» является то, что он не зависит от жанровых характеристик массмедиа (Автохутдинова, 2015, с. 99–119).

В дискурсе образа врага важной его составляющей является лингвистический элемент. Здесь особую роль играют метафоры. «Дискурс вражды» массмедиа обладает особой чертой – ярко выраженной эмоциональностью и экспрессивностью. Разные авторы выделяют следующие лингвистические средства для выстраивания «образа врага»: метафоризация, суффиксация, бранная лексика, ассоциативное снижение, использование агональных идеологем (Гречихин, 2008, с. 17). Важной составляющей формирования «образа врага» является создание мифических образов.

Анализ «дискурса вражды» в статьях массмедиа вокруг памяти жертв Холокоста и годовщины освобождения Польши

Для того чтобы предметно проанализировать «дискурс вражды» массмедиа, относящийся к национальной политике памяти, нами были выбраны несколько медиаисточников, которые касались годовщины Холокоста, причин начала Второй мировой войны, а также годовщины освобождения Польши Красной Армией. Сроки выхода их в свет – с декабря 2019 г. по январь 2020 года. Были рассмотрены медиаисточники разных стран: «EurAsia Daily» и телеканал

«Звезда» (Россия), «iROZHLAS» (Чехия), «The Telegraph» (Великобритания), «Вести» (Украина), «Le Figaro» (Франция), «Nihon Keizai» (Япония). Список медиаисточников, которые были подвержены дискурс-анализу, представлен в таблице 1.

Таблица 1 – Список медиаисточников

Издание	Страна	Дата выхода в свет	Автор	Название
EurAsia Daily	Россия	26.12.2019 г.	анонимно	«Слава Липскому!»: историки Польши кинулись защищать «антисемитскую свинью».
Телеканал «Звезда»	Россия	17.01.2020 г.	Александр Пашков	Министерство Обороны РФ опубликовало рассекреченные документы об освобождении Варшавы.
iROZHLAS	Чехия	25.01.2020 г.	анонимно	«Россия однобоко интерпретирует историю и продолжает традицию СССР, утверждают историки.
The Telegraph	Великобритания	27.01.2020 г.	Мэтью Дэй	Европа «обязана» противостоять попыткам России переписать историю Холокоста.
Вести	Украина	27.01.2020 г.	Олег Ткачук	СССР запустил Холокост? В Польше Зеленский удивил своим заявлением.
Le Figaro	Франция	28.01.2020 г.	Лор Мандевиль	Победа над нацизмом: в Варшаве, священный союз против Путина.
Nihon Keizai	Япония	29.01.2020 г.	Мотоки Икэда	Историческая лекция Путин-сэнсэя: Европа против исторических взглядов России.

Анализ дискурса вражды в указанных медиаисточниках следует начать со следующих вопросов: кто автор медиасообщения? к каким действиям он призывает? есть ли в статье противопоставляемые группы или объекты? используются ли в тексте противостоящие друг другу концепты? какие когнитивные элементы использует автор – стереотипы, предрассудки, убеждения? образует ли дискурс автора целостную идеологию или идеологему, которую можно отнести к дискурсу вражды? к каким эмоциям обращается автор? Отдельным блоком необходимо выделить лингвистические элементы медиатекста: какая лексика

используется? какие риторические средства можно выделить – метафору, эпитет, гиперболу? используется ли в дискурсе речевой акт обвинения?

Чтобы отнести медиадискурс к «дискурсу вражды» нужно зафиксировать:

- 1) коммуникативные стратегии – стратегии противопоставления сторон или дискредитация образа и действий определённой группы;
- 2) выделение двух противостоящих групп объектов;
- 3) наличие побудительных конструкций против противостоящей группы;
- 4) использование иерархии оппозиционных терминов и концептов;
- 5) наличие экспрессивных речевых средств – ярких метафор, эпитетов;
- 6) наличие враждебных убеждений, стереотипов, мифов, идеологем;
- 7) наличие ограничений доступа для дискурса противостоящей стороны при использовании источников, альтернативных точек зрения.

В указанном списке медиаисточников осуществляется дискурсивное освещение следующих событий: выступление президента России В. Путина на саммите СНГ с лекцией о начале Второй мировой войны, публикация архивных материалов Министерства Обороны РФ об освобождении Варшавы, историческое выступление В. Путина на коллегии Министерства Обороны РФ, форум памяти жертв Холокоста в Израиле, годовщина освобождения концлагеря Освенцим в Польше. Анализ дискурса данных медиаисточников показывает разнообразие форм репрезентаций таких коммеморативных практик, как публичное отмечание памятных дат, салюты в честь исторических событий, массовые шествия и др.

Большинство анализируемых медиатекстов посвящены российско-польским спорам о причинах Второй мировой войны.

Статья *«Слава Липскому!»: историки Польши кинулись защищать «антисемитскую свинью»* освещает реакцию польских историков и депутатов на высказывание В. Путина о польском дипломате Ю. Липском, назвавшем его «антисемитской свиньёй» («Слава Липскому!» ..., 2019). Статья *«МО РФ опубликовало рассекреченные документы об освобождении Варшавы»* рассказывает и показывает исторический архив об освобождении Варшавы от немецких нацистов (Пашков, 2020). Статья *«Россия однобоко интерпретирует историю и продолжает традицию СССР, утверждают историки»* показывает, что Россия отстаивает заимствованный из советских времён идеологически предвзятый взгляд на историю, в то время как Польша выступает с позиций нового, передового подхода к интерпретации событий прошлого (iRozhlas, 2020). Статья *«Европа «обязана» противостоять попыткам России переписать историю Холокоста»* строится на интервью премьер-министра Польши, который обвинил Россию и Германию в развязывании Второй мировой войны (Дэй, 2020). Статья *«СССР запустил Холокост? В Польше Зеленский удивил своим заявлением»* показывает противоречивость высказываний президента Украины о вине СССР и Германии в развязывании Второй мировой войны и Холокоста (Ткачук, 2020). Статья *«Победа над нацизмом: в Варшаве, священный союз против Путина»* показывает, почему президента России не пригласили в Польшу на церемонию, посвященную памятной дате освобождения Освенцима, и говорит о возобновлении в России ревизионистского подхода к истории (Мандевиль, 2020). В статье *«Историческая лекция Путин-сэнсэя: Европа против исторических взглядов России»* речь идёт о том, что на воспоминаниях о прошлом Путин пытается сделать из России великую державу любыми средствами (Икэда, 2020).

С точки зрения жанровой специфики анонимную чешскую статью на портале *iROZHLAS* можно отнести к «передовой», поскольку в ней подчёркивается позиция издательства. Статью, опубликованную в *The Telegraph*, можно отчасти отнести к жанру аналитической статьи, поскольку в ней рассматриваются исторические факты, которые автор пытается увязать с политическими причинами. Статья «*МО РФ опубликовало рассекреченные документы об освобождении Варшавы*», хотя на первый взгляд и носит обзорно-информационный характер, однако комментарии журналиста превращают её в аналитическую статью.

Названные статьи по цели дискурса политики памяти можно разделить на несколько типов в соответствии со следующими поставленными задачами: отстоять свой национальный взгляд на историю (российские статьи); понять причины исторических споров между Россией и Польшей с обвинением России в историческом ревизионизме (чешская, британская, французская, японская статья); выяснить, к каким последствиям могут привести выступления, которые опираются на исторические противоречия (украинская статья).

Дискурс-анализ данных статей позволяет выявить три основные стратегии в национальной политике памяти: 1) донести и отстоять свою точку зрения на историю; 2) попытаться разобраться в истории с одновременным обвинением одной или нескольких сторон в историческом ревизионизме; 3) оставить историю историкам из-за её сложности и привлекательности для политических споров.

В схемах дискурса представленных медиаисточников наблюдается устойчивое использование таких элементов, как смысловые блоки, оценки, комментарии, хронологии. Схема дискурса статьи «*МО РФ опубликовало рассекреченные документы об освобождении Варшавы*» выглядит так: смысловой блок – документ (источник) – оценка/комментарий – вывод. Разные элементы схемы, которые повторяются, соединены в статье «*Историческая лекция Путин-сэнсэя: Европа против исторических взглядов России*»: хронология событий – цитаты Путина с комментариями. Существует схема дискурса, построенная по логическому пути. Это статья «*СССР запустил Холокост? В Польше Зеленский удивил своим заявлением*». Она построена на основе трёх последовательных смысловых блоков: Что произошло? Что об этом говорят? Что это означает? Доминирующей схемой дискурса статей выступает в данном случае наличие следующих элементов: смысловой блок – мнение – оценка/комментарий. Наиболее отчётливо «дискурс вражды» наблюдается в статье, где схема построена по принципу «фраза Путина – мнение историка/депутата – опровержение мнения». Типичные шаблонные схемы не создают дополнительных преимуществ для «дискурса вражды».

Во всех анализируемых статьях присутствуют определённые образы. В статье «*МО РФ опубликовало рассекреченные документы об освобождении Варшавы*» присутствует типичная для «дискурса вражды» схема оппозиции: «Красная Армия – герой-освободитель»/«немецкие нацисты и их пособники – оккупанты, насильники, разрушители». Образ Красной Армии как героя-освободителя продвигается через прямые цитаты: «О самоотверженности, героизме и отваге воинов Красной Армии рассказывают опубликованные в разделе наградные документы» (Пашков, 2020). Встреча населения Красной Армии сопровождается такими словами, как «искренняя теплота и неподдельная радость», «радушие». А предоставление медицинской помощи населению обозначается посредством гиперболизированной метафоры «ценнейшие медикамен-

ты». Представление о нацистах определяется таким идеологически-оценочным понятием, как «немецко-фашистские оккупанты». Применяются также такие гипернегативные метафоры, как «варварство», «чудовищное зверство». При описании действий нацистов используется экспрессивный оборот: «отступая из Варшавы, они уничтожали все на своем пути» (Пашков, 2020). Для подкрепления враждебного характера образа немцев раскрывается тема массового уничтожения евреев в концлагерях.

В большинстве иностранных публикаций конструируется образ России как страны, пропагандирующей ревизионистские взгляды на историю. Этот образ в статье «Победа над нацизмом: в Варшаве, священный союз против Путин» подчёркивается с помощью употребления следующей лексики: «ревизионистское переписывание истории», «имперская политика», «сталинская историография», «игнорирование военной агрессии». В статье «Европа «обязана» противостоять попыткам России переписать историю Холокоста» используются следующие фразы: «попытка Москвы реабилитироваться за сговор Советского Союза с нацистской Германией», «ревизионистская интерпретация Путина», «Советский Союз помог Гитлеру стереть Польшу с карты Европы», «они аннексировали огромные участки польских территорий и совершили целый ряд зверских преступлений» (Дэй, 2020). При этом образ Польши тоже подвергается сомнению из-за отрицания проведения ею политики антисемитизма в годы Второй мировой войны. Так, к примеру, в чешской статье говорится: «Объективной не назовешь и нынешнюю политику памяти в Польше. Поскольку там давно преуменьшают уровень антисемитизма, царившего в то время в стране, и роль некоторых поляков в холокосте, с этим связанную» (iRozhlas, 2020).

С точки зрения дискурс-анализа речевого акта, в медиадискурсе вражды в качестве доминирующего акта выступает *обвинение*. Обвинительный уклон присутствует во всех приведенных медиаисточниках: в чешской статье Россия и Польша обвиняются в одностороннем подходе к истории; в британской статье Россия обвиняется в попытках реабилитироваться за исторические ошибки прошлого в отношении Польши; в российских статьях и французской публикации содержатся прямые обвинения оппонентов в фальсификации истории; в украинской статье обвиняются оппоненты, которые не согласны с мнением нынешнего президента Украины о вине СССР в развязывании Холокоста.

Особое место в медиадискурсе вражды занимают экспрессивные обороты и эмоциональные слова, цель которых – оказать усиленное психологическое воздействие на чувства людей. В анализируемых статьях встречаются такие экспрессивные обороты, как «буря негодования», «уничтожали все на своем пути», «какими масштабными и кровопролитными были бои за город». Не обходится «дискурс вражды» и без ярких *метафор*: «кулачный бой», «дипломатические перчатки», «старые демоны». Присутствует и *олицетворение*: «тьма российского лидера затмила меропрятие» (Пашков, 2020). Из истории поднимаются *аналогии*: «священный союз» против Путина». Присутствуют также *слоганы* типа «Слава Липскому!» и *бранные слова*: «антисемитская свинья» («Слава Липскому!» ..., 2019). Для выразительности «дискурса вражды» используются риторические вопросы: «Россияне что-то готовят, раз используют настолько агрессивные слова?» (Мандевиль, 2020). Медиадискурс вражды характеризуется также особой лексикой, демонстрирующей идеологически негативное вос-

приятие исторических событий: «агрессия», «гибридная война», «исторический ревизионизм», «аннексия».

Дискурс вражды часто апеллирует к принципу объективности в выявлении исторической правды. Так, например, премьер-министр Польши Тадеуш Моравецкий для подтверждения своей позиции отмечает: «Мы руководствуемся одним ключевым принципом – всегда придерживаться фактов и защищать историческую правду» (Дэй, 2020). Статья об архиве МО РФ тоже опирается на этот принцип: «Публикация рассекреченных документов об освобождении Варшавы из фондов Центрального архива Минобороны России является продолжением деятельности военного ведомства, направленной на охрану и защиту исторической правды, противодействие фальсификациям истории, попыткам пересмотра итогов Великой Отечественной и Второй мировой войн» (Пашков, 2020). Однако ссылки на один и тот же принцип в итоге приводят зарубежных и российских авторов к совершенно противоположным выводам, поскольку ими по-разному трактуется само понятие «историческая правда».

При исследовании медиадискурсов, посвященных итогам Второй мировой войны, важную роль играет обращение к историческому контексту. Так, например, в статье о рассекречивании архива Министерства Обороны РФ, с учетом сложных отношений, сложившихся в последние годы между Россией, с одной стороны, и США и Великобританией, с другой, говорится о том, что в годы войны нацисты жестоко уничтожали англичан и американцев в польских концлагерях. В японской статье отказ многих зарубежных государств приехать в Москву на празднование 75-ой годовщины Победы сравнивается с их позицией по поводу «аннексии» Крыма. Во французской статье «исторический ревизионизм» Путина противопоставляется времени «надежд» на потепление отношений между Россией и Польшей, возникшему при президенте Б.Н. Ельцине.

Среди невербальных элементов «дискурса вражды» авторы используют фотографии военных лет, копии записей некоторых политиков в Твиттере, расширенные фотокопии архивных документов. Данный элемент дискурса нужен для подтверждения доказательств очевидных фактов.

В заключение подчеркнём, что дискурс вражды в массмедиа отличается наличием стратегии радикального противопоставления оценочных позиций в отношении объектов анализа, а также крайне экспрессивным характером лексических схем и оборотов. Наиболее отчётливо дискурс вражды выражен в образе врага, который в приведенных зарубежных публикациях олицетворяется чаще всего в образе Путина. В российских же источниках образ Путина – это, прежде всего, образ борца за историческую правду, который активно, с документами в руках, сражается против фальсификаторов истории Второй мировой войны.

Список литературы

1. Автохутдинова, О. Ф. (2015). «Другой» как персонаж в СМИ: дискурсивные практики конструирования [Автореф. ... канд. филол. н.:

10.01.10, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина]. Электронный научный архив УрФУ. <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/34623/1/urfu1491.pdf>

2. Гречихин, М.В. (2008). *Современный русский медиадискурс: язык интолерантности: на материале языка российских СМИ* [Автореф. ... канд. филол. н.: 10.02.10, Белгородский государственный университет]. Национальная электронная библиотека. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003454822/

3. Дергач, Д.В. (2014). Функциональная природа дифференциации современных медиажанров. *Медиалингвистика. Речевые жанры в массмедиа*, 3, 63–66.

4. Добросклонская, Т.Г. (2008). *Медиалингвистика: Системный подход к изучению языка СМИ*. М.: Флинта: Наука.

5. Дэй, М. (2020, 27 января). *The Telegraph (Великобритания): Европа «обязана» противостоять попыткам России переписать историю Холокоста*. Взято с <https://inosmi.ru/politic/20200127/246705254.html>

6. Икэда, М. (2020, 29 января). *Историческая лекция Путин-сэнсэя: Европа против исторических взглядов России (Нихон кэйдзай, Япония)*. Взято с <https://inosmi.ru/politic/20200129/246718249.html>

7. Кожемякин, Е.А. (2010). Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования. *Научные ведомости БелГУ. Гуманитарные науки*, 12(83), 13–21.

8. Мандевиль, Л. (2020, 28 января). *Le Figaro (Франция): победа над нацизмом: в Варшаве, священный союз против Путина*. Взято с <https://inosmi.ru/politic/20200128/246718727.html>

9. Пешков, А. (2020, 17 января). *МО РФ опубликовало рассекреченные документы об освобождении Варшавы*. Взято с <https://tvzvezda.ru/news/forces/content/20201161637-XQ5vW.html>

10. Сенявская, Е.С. (2006). *Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества*. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).

11. «Слава Липскому!»: историки Польши кинулись защищать «антисемитскую свинью» (2019, 26 декабря). Взято с <https://eadaily.com/ru/news/2019/12/26/slava-lipскому-istoriki-polshi-kinulis-zashchishchat-antisemitskuyu-svinyu>

12. Ткачук, О. (2020, 28 января). *Вести (Украина): СССР запустил Холокост? В Польше Зеленский удивил своим заявлением*. Взято с <https://inosmi.ru/politic/20200128/246715208.html>

13. Фурсов, К.К. (2018). Дискурс вражды масс-медиа: процесс формирования и структура теории. *Социум и власть*, 5(73), 46–56.

14. Эрлих, С.Е. (2016). Глобальная память информационного общества: нарратив, этика, идентичность. *Историческая экспертиза*, 3, 11–32.

15. *iRozhlas (Чехия): Россия однобоко интерпретирует историю и продолжает традиции СССР, утверждают историки* (2020, 17 января). Взято с <https://inosmi.ru/politic/20200127/246711274.html>

16. Goldberg, D., & Solomos, J. (Eds.). (2002). *The Blackwell Companion to Racial and Ethnic Studies*. Oxford: Blackwell.

References

1. Avtokhutdinova, O.F. (2015). "Drugoj" kak personazh v SMI: diskursivnye praktiki konstruirovaniya ["The Other" as a character in the media: discursive design practices] [PhD thesis abstract, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin]. E'lektronnyj nauchnyj arxiv UrFU. <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/34623/1/urfu1491.pdf>
2. Day, M. (2020, January 27). *The Telegraph (Velikobritaniya): Evropa "objazana" protivostojat' popytkam Rossii perepisat' istoriju Holokosta* [The Telegraph (Great Britain): Europe is "obligated" to resist Russia's attempts to rewrite the history of the Holocaust]. Retrieved from <https://inosmi.ru/politic/20200127/246705254.html>
3. Dergach, D.V. (2014). *Funkcional'naja priroda differenciacii sovremennyh mediazhanrov* [The functional nature of the differentiation of modern media genres]. *Medialingvistika. Rechevye zhanry v massmedia*, 3, 63–66.
4. Dobrosklonskaya, T.G. (2008). *Medialingvistika: Sistemnyj podhod k izucheniju jazyka SMI* [Medialinguistics: Systemic approach to learning the language of the media]. Moscow: Flint: Science.
5. Erlich, S.E. (2016). Global'naja pamjat' informacionnogo obshhestva: narrativ, jetika, identichnost' [Global memory of the information society: narrative, ethics, identity]. *Istoricheskaja jekspertiza*, 3, 11–32.
6. Fursov, K.K. (2018). Diskurs vrazhdy mass-media: process formirovaniya i struktura teorii. [Discourse of mass media hostility: process of formation and theory structure]. *Socium i vlast'*, 5(73), 46–56.
7. Goldberg, D., & Solomos J. (Eds.). (2002). *The Blackwell Companion to Racial and Ethnic Studies*. Oxford: Blackwell.
8. Grechikhin, M.V. (2008). *Sovremennyj russkij mediadiskurs: jazyk intolerantnosti: na materiale jazyka rossijskih SMI* [Contemporary Russian media discourse: the language of intolerance: based on the material of the language of the Russian media] [PhD thesis abstract, Belgorod State University]. Nacional'naya e'lektronnaya biblioteka. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003454822/
9. Ikeda, M. (2020, January 29). *Istoricheskaja lekcija Putin-sjensjeja: Evropa protiv istoricheskikh vzgljadov Rossii (Nihon kjejdzej, Japonija)* [Putin-Sensei's historical lecture: Europe against the historical views of Russia (Nihon Keizai, Japan)]. Retrieved from <https://inosmi.ru/politic/20200129/246718249.html>
10. *iRozhlas (Chehija): Rossija odnobok ointerpretiruet istoriju i prodolzhaet tradiciju SSSR, utverzhajut istorik* [iRozhlas (Czech Republic): Russia interprets history one-sidedly and continues the tradition of the USSR, historians say] (2020, January 25). Retrieved from <https://inosmi.ru/politic/20200127/246711274.html>
11. Kozhemyakin, E.A. (2010). Massovaja kommunikacija i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya [Mass communication and media discourse: towards the research methodology]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Gumanitarnye nauki*, 12(83), 13–21.
12. Mandeville, L. (2020, January 28). *Le Figaro (Francija): pobeda nad nacizmom: v Varshave, svjashhennyj sojuz protiv Putina* [Le Figaro (France): victory over Nazism: in Warsaw, a holy alliance against Putin]. Retrieved from <https://inosmi.ru/politic/20200128/246718727.html>
13. Peshkov, A. (2020, January 17). *MO RF opublikovalo rassekrechennye*

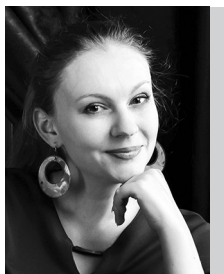
dokumenty ob osvobozhdenii Varshavy [The Ministry of Defense of the Russian Federation published declassified documents on the liberation of Warsaw]. Retrieved from <https://tvzvezda.ru/news/forces/content/20201161637-XQ5vW.html>

14. Senyavskaya, E. S. (2006). *Protivniki Rossii v voynah XX veka: Jevoljucija "obraza vraga" v soznanii armii i obshhestva* [Enemies of Russia in the wars of the twentieth century: The evolution of the "image of the enemy" in the minds of the army and society]. Moscow: "Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN).

15. "Slava Lipskomu!": istoriki Pol'shi kinulis' zashchishhat' «antisemitskuju svin'ju» ["Glory to Lipsky!": Polish historians rushed to defend the «anti-Semitic pig»] (2019, December 26). Retrieved from <https://easily.com/ru/news/2019/12/26/slava-lipskomu-istoriki-polshi-kinulis-zashchishchat-antisemitskuyu-svinyu>

16. Tkachuk, O. (2020, January 28). *Vesti (Ukraina): SSSR zapustil Holokost? V Pol'she Zelenskij udivil svoim zajavleniem* [Vesti (Ukraine): USSR launched the Holocaust? In Poland Zelensky surprised with his statement]. Retrieved from <https://inosmi.ru/politic/20200128/246715208.html>

ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО КИНЕМАТОГРАФА*

Шуб Мария Львовна,

Челябинский государственный институт культуры,
заведующая кафедрой культурологии и социологии,
доктор культурологии, доцент,
Челябинск, Россия,
ORCID: 0000-0002-3159-6391,
E-mail: shubka_83@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.05.2020, принята к публикации 13.08.2020

Для цитирования: Шуб М.Л. Основные стратегии российской государственной политики памяти в контексте современного кинематографа // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3 (40). С. 88-100. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10306

Аннотация

Разнообразные исследования культурной (надындивидуальной) памяти, объединенные наименованием «memory studies», на современном этапе носят междисциплинарный характер, базируясь на достижениях различных гуманитарных наук, расширяя свое предметное поле в хронологическом, географическом и тематическом аспектах. Одним из наиболее молодых направлений мемориальных исследований является cinema memory, в рамках которого осуществляется осмысление искусства кино как носителя, хранителя и «транспортного средства» культурной памяти. В данной статье рассматриваются вопросы, связанные со спецификой формирования и регулирования мемориального контента средствами кинематографа в рамках

* Ключевые положения исследования осуществлены в рамках программы грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих молодых российских ученых – докторов наук (Конкурс МД-2020), проект «Культура памяти промышленных городов российской провинции: мемориальные стратегии региональной идентичности».

© Шуб М.Л., 2020

реализации российской государственной культурной политики в целом и политики памяти в частности; приводятся результаты исследования российских коммеморативных фильмов, созданных при поддержке государства («Фонда кино»), их количественных (удельный вес среди общего числа поддержанных фильмов, финансовая рентабельность) и качественных (тематика, жанровая принадлежность, темпоральная ориентированность) параметров. В качестве критериев коммеморативности того или иного фильма выступают: сюжетная ретроспективность, героизация (романтизация) прошлого сквозь призму выдающейся личности или знакового события, наличие интенции проработки прошлого в отношении неоднозначных, трагических, переломных исторических моментов. Отдельное внимание в статье уделено анализу коммеморативных фильмов, созданных вне государственной поддержки, а также причинам ограничения прокатной «истории» фильмов, не соответствующих идеологическим, ценностным установкам современной российской политики памяти.

На основании исследования делается вывод о том, что основная задача российской государственной политики памяти, реализуемой в сфере кинематографа, видится в создании героической картины прошлого, формирующей чувства патриотизма, гордости за великую российскую историю. Обозначенная задача реализуется, главным образом, посредством обращения к выдающимся историческим личностям, военным, историческим и биографическим сюжетам, разворачивающимся в темпоральном пространстве советского прошлого и прошлого, условно названного нами «далеким» (время формирования российской государственности, оформления государственных границ и пр.).

Ключевые слова:

культурная память, политика памяти, кинематограф, прошлое, коммеморация.

UDC 304.444

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10306

THE MAIN STRATEGIES OF THE RUSSIAN STATE POLICY OF MEMORY IN THE CONTEXT OF MODERN CINEMA

Shub Maria Lvovna,

Chelyabinsk State Institute of Culture,
Head of the Department of cultural studies and sociology,
Doctor of Cultural Studies, Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia,
ORCID: 0000-0002-3159-6391,
E-mail: shubka_83@mail.ru

Article received on May 11, 2020, accepted on August 13, 2020

To cite this article: Shub M.L. (2020). Osnovnye strategii rossijskoj gosudarstvennoj politiki pamyati v kontekste sovremennogo kinematografa [The main strategies of the Russian state policy of memory in the context of modern cinema]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(40), 88–100. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10306

Abstract

Various studies of cultural (supra-individual) memory, united by the name “memory studies”, at the present stage are interdisciplinary in nature, based on the achievements of various humanities, expanding their subject field in chronological, geographical and thematic aspects. One of the youngest areas of memorial research is the cinema memory, in the framework of which the art of cinema is understood as a medium, custodian and “vehicle” of cultural memory. This article discusses issues related to the specifics of the formation and regulation of memorial content by means of cinema in the framework of the implementation of the Russian state cultural policy in general and politics of memory in particular; the results of a study of Russian commemorative films created with the support of the state (the “Cinema Fund”), their quantitative (specific weight among the total number of supported films, financial profitability) and qualitative (themes, genre affiliation, temporal orientation) parameters are presented. The criteria for the commemorative nature of a particular film are: plot retrospectiveness, heroization (romanticization) of the past through the prism of an outstanding personality or significant event, the presence of an intention to elaborate the past with respect to ambiguous, tragic, crucial historical moments. Special attention is paid to the analysis of commemorative films created outside state support, as well as to the reasons for limiting the rental “history” of films that do not correspond to the ideological, value principles of modern Russian memory policy.

Based on the study, it is concluded that the main task of the Russian state policy of memory, implemented in the field of cinema, is seen in the creation of a heroic picture of the past, forming feelings of patriotism, pride in the great Russian history. The indicated task is realized mainly by referring to outstanding historical figures, military, historical and biographical plots unfolding in the temporal space of the Soviet past and past, which we conventionally called “distant” (the time of the formation of Russian statehood, the formation of state borders, etc.).

Keywords:

cultural memory, politics of memory, cinema, past, commemoration.

Введение

Современные исследования памяти носят меж- и даже трансдисциплинарный характер, аккумулируя результаты научной работы в сфере психологии, литературоведения, истории, социологии, искусствоведения, культурологии и многих других областей гуманитарного знания. С одной стороны, такая ситуация, описанная А. Ассман (2016) в ее работе «Новое недовольство мемори-

альной культурой», порождает достаточно обоснованную критику, связанную с тематической избыточностью, отсутствием методологического единства в сфере *memory studies*: «... исследования памяти могут стать непоследовательным и рассеянным полем, характеризующимся множеством различных терминологий, а не общей, общепринятой концептуальной основой» (Vermeulen et al., 2012, p. 223). С другой стороны, ориентация на содержательно-инструментальный потенциал различных наук, стремление к демонстрации эпистемологических возможностей различных подходов к осмыслению памяти могут рассматриваться как «источник интеллектуальной жизнеспособности мемориальных исследований» (Kuhn et al., 2017, p. 4).

Так или иначе, область научного знания, связанная с изучением культурной памяти, продолжает активно развиваться и вширь (за счет хронологической, тематической проблемной диверсификации), и вглубь (за счет дисциплинарной вариативности). Именно в русле такого рода трендов развивается очень новая, еще не до конца оформившаяся ветвь мемориальных исследований – *cinema memory*.

В рамках *cinema memory* кинематограф рассматривается, во-первых, как источник формирования культурной памяти (Инес Хеджес), во-вторых, как ее архив, в-третьих, как рефлектор коллективных воспоминаний (механизм «воссоздания или индексирования форм индивидуальной и коллективной памяти» (Kuhn et al., 2017, p. 3)), в-четвертых, как механизм ее «социального транспортирования», в-пятых, как инструмент политики памяти. В подтверждение все возрастающего интереса к проблеме взаимодействия памяти и кино приведу слова И. Хеджес, одного из крупнейших специалистов в данной области мемориальных исследований: «Я утверждаю, что одним из важнейших факторов, влияющих на культурную память во всех частях мира после Второй мировой войны, является кинематограф» (Hedges, 2015, p. 3).

И, действительно, то, что кинематограф, будучи пространством визуализации культурной памяти, предоставляет широчайшие возможности для ее изучения, стало ясно исследователям довольно давно. Еще 15 лет назад Пьер Нора говорил о том, что современная культурная память «полагается на материальность собственного следа... на то, что можно назвать мгновенностью записи и видимостью изображения» (Нора, 2005). В качестве такого следа, безусловно, может выступать и кино.

Кроме того, кинематограф является одной из наиболее востребованных форм массовой культуры с общепонятным, ориентированным на «обычного человека» коммеморативным контентом и выразительным языком, что обеспечивает более высокую степень его усвоения реципиентами.

Нельзя не сказать и о том, что киноискусство, как никакое другое, является инструментом создания иллюзии преодоления онтологического разрыва между прошлым и настоящим. Не зря ведь долгое время кинематограф назывался иллюзионом.

Но не только культурная память «заинтересована» в кино как инструменте собственной объективации и трансляции ее контента. Кинематограф на протяжении всего XX и начала XXI столетий, по словам А. Ассман (2016), ощущал сильнейшее притяжение к трагическим сюжетам, наполненным национальной болью, переживанием травмы, переплетением социальных катастроф, которые

могли обеспечить ему, как минимум, интерес зрителя, а как максимум – статус «идеологического камертона».

Одним из первых фильмов, в полной мере поддавшихся этой силе притяжения, считается документальный фильм Марселя Офульса 1969 года, в русском переводе известный под названием «Печаль и жалость». Он посвящен проблеме политического и – шире – онтологического выбора французов периода Второй мировой войны (точнее времени пребывания у власти коллаборационистского режима Виши), часть из которых встала на сторону нацистской Германии и активно поддерживала Гитлера, а часть – перешла на сторону Сопротивления. И именно этот фильм, по словам И. Хеджес, стал исходной точкой в мемориальном развороте французской гуманитаристики (Hedges, 2015, p. 3).

Однако далеко не только документальные или исторические игровые фильмы отражают содержание культурной памяти. По большому счету любой (или практически любой) кино-продукт может выступать в роли «исторического агента» или «архива памяти», репрезентирующего не только частные установки своих создателей и конъюнктурные запросы аудитории, но и ценностную панораму эпохи, и стратегические векторы официальной политики памяти.

Под политикой памяти мы вслед за А. Миллером (2016) предлагаем понимать различные общественные практики и нормы, связанные с регулированием коллективной памяти и включающие в себя: формы государственной поддержки ветеранов боевых действий, регулирование доступа к архивам, определение стандартов исторического образования, финансирование исследований и изданий о тех или иных проблемах истории, актуализацию и маргинализацию исторических тем и сюжетов и т. д. (с. 7).

Важным, на наш взгляд, является тот факт, что «политика памяти не претендует на объективное отображение фактов или событий прошлого... а предлагает акцентирование актуальных в данном политическом контексте определенных трактовок исторических событий» (Головашина, 2016, с. 202).

Результаты исследования

Автором статьи было проведено исследование, направленное на изучение современной российской политики памяти, реализуемой в сфере кинематографа (на уровне создания и на уровне распространения кинопродукции). В рамках данного исследования был осуществлен анализ отечественных мемориальноориентированных (коммеморативных) фильмов, созданных при финансовой поддержке государства (Фонда кино), а потому отражающих (прямо или косвенно) магистральные направления государственной политики памяти.

В качестве критериев коммеморативности того или иного фильма выступали: сюжетная ретроспективность, героизация (романтизация) прошлого сквозь призму выдающейся личности или знакового события, наличие интенции проработки прошлого в отношении неоднозначных, трагических, переломных исторических моментов.

Из 66 фильмов, поддержанных в 2017, 2018 и 2019 годах Фондом кино, 11 (18.2%) могут быть отнесены к коммеморативному кино-продукту (Таблица 1).

Таблица 1 – Доля фильмов коммеморативной тематики в общем числе фильмов, поддержанных Фондом кино

Год	Параметры	
	Общее количество фильмов	Фильмы мемориальной тематики
2017	35	5
		1. «Стрельцов», реж. И. Учитель; 2. «Большая земля», реж. А. Матисон; 3. «Братство», реж. П. Лунгин; 4. «Созвездие Марии», реж. А. Борисов; 5. «Лето», реж. К. Серебренников
2018	17	3
		1. «Тобол», реж. И. Зайцев; 2. «Союз Спасения», реж. А. Кравчук; 3. «Дикая дивизия», реж. К. Оганесян
2019	14	4
		1. «Чемпион мира», реж. А. Сидоров; 2. «Девятаев», реж. Д. Кисилев; 3. «Опасная вода» («Когда падали аисты»), реж. Д. Козловский; 4. «Сердце Пармы», реж. А. Мегердичев.

Интересно, что при общем достаточно резком падении числа фильмов, получающих поддержку Фонда кино (с 35 в 2017 до 14 в 2019), количество коммеморативных фильмов в абсолютных значениях практически не изменилось (5, 3 и 4 в 2017, 2018 и 2019 годах, соответственно), а в процентном соотношении даже выросло с 13,4% до 28,6%. Этот факт достаточно красноречиво свидетельствует о, как минимум, стабильности государственного интереса к коммеморативной проблематике, транслируемой посредством массового российского кинематографа, о государственном запросе на патриотический кинопродукт, формирующий в сознании зрителей позитивный (или правильнее сказать запрашиваемый) образ российского прошлого.

Традиционным интересом у режиссеров коммеморативного кино пользуется советское прошлое (Таблица 2).

Таблица 2 – Хронологическая локализация коммеморативных фильмов, поддержанных Фондом кино

Год	Хронологическая локализация			
	Актуальное прошлое (1991–2016)	Недавнее прошлое (XX в.)		Далекое прошлое (до XX в.)
		Доревол.	Советское	
2017	–	–	4	1

Год	Хронологическая локализация			
	Актуальное прошлое (1991–2016)	Недавнее прошлое (XX в.)		Дальнее прошлое (до XX в.)
		Доревол.	Советское	
2018	–	1	1	2
2019	–	–	3	1
Всего	0	1	8	4

И столь же традиционно второе место (30.8 %) занимает дальнее прошлое, отсылающее внимание зрителя к историческим корням и истокам – времени присоединения новых земель, географических открытий, оформления границ российского государства («Тобол», «Сердце Пармы», «Созвездие Марии»), времени ожидания реформ и благородного бунта декабристов («Союз Спасения»).

Тематическая ориентированность поддерживаемых Фондом кино фильмов (Таблица 3) позволяет увидеть картину с довольно четко очерченными рамками, внутри которых – военные, исторические и биографические сюжеты.

Таблица 3 – Тематическая направленность коммеморативных фильмов, поддержанных Фондом кино

Год	Тематика				
	Военная тематика		Историческая тема	Биография	Трагические события
	ВОВ	Др.			
2017	–	1	1	4	–
2018	–	1	2	–	–
2019	–	–	1	2	1
Всего	0	2	4	6	1

Основной жанровой формой репрезентации коммеморативных сюжетов стала драма (Таблица 4).

Таблица 4 – Жанровая принадлежность коммеморативных фильмов, поддержанных Фондом кино¹

Год	Жанровая принадлежность			
	Драма (в т. ч. историческая)	Мелодрама	Биография	Боевик
2017	1	1	2	1
2018	3	–	–	–

¹ Жанровая принадлежность фильма определялась исходя из указания жанра на сайте «Кинопоиск» (<https://www.kinopoisk.ru/>).

Год	Жанровая принадлежность			
	Драма (в т. ч. историческая)	Мелодрама	Биография	Боевик
2019	3	–	1	–
Всего	7	1	3	1

Согласно Краткой литературной энциклопедии (1962), наиболее характерными чертами драмы являются приближенная к реальности сюжетика и стилистика, диалоговый характер повествования и интерес к взаимоотношениям между людьми, их поступкам, возникающим конфликтам (с. 195). Драма, как сказано в том же источнике, родилась из трагедии, противопоставив ей жизненную правду и ясность переживаний. Интересно, что драмами по существу являются и фильмы-биографии. Разница между этими жанрами вообще еловима и определяется лишь режиссером фильма.

Доминирование драматичных и по содержанию, и по жанровой принадлежности фильмов вполне предсказуемо и объяснимо, поскольку репрезентация прошлого в контексте реализации политики памяти предполагает его переживание как сложного, противоречивого, наполненного критическими моментами, но при этом героического, патетического, победоносного. Для воплощения такого рода задач жанр драмы подходит в наибольшей степени.

Наиболее востребованной в современном российском кинематографе темой стала тема выдающейся личности, достигшей высот в самых различных областях и сферах – спорте («Стрельцов»), географических открытиях («Созвездие Марии»), музыке («Лето»), беспрецедентной военной операции («Большая земля»). Актуальный тренд на персонификацию прошлого, во многом контрапунктный советской стратегии памяти, воспевавшей коллективный подвиг народа, ориентирован на демонстрацию «роли личности в истории», на коммеморацию конкретного подвига конкретного человека и, как следствие, на созидательно-действенную патриотическую мотивацию современной российской аудитории.

Политика памяти в сфере кино проявляется далеко не только в финансовой поддержке коммеморативных фильмов, но и в контроле доступа их к системе кинопроката. За анализируемый период вне государственного участия было снято семь мемориальноориентированных фильмов (Таблица 5).

Таблица 5 – Доля фильмов коммеморативной тематики (созданных вне государственной поддержки) в общем числе фильмов российского кинопроката

Год	Параметры		
	Общее количество фильмов	Российские фильмы (всего)	Российские фильмы мемориальной тематики
2017	402	103	4
			1. «Время первых», реж. Д. Кисилев; 2. «Союз-7, реж. К. Шипенко; 3. «Легенда о Коловрате», реж. Дж. Файзиев;

Год	Параметры		
	Общее количество фильмов	Российские фильмы (всего)	Российские фильмы мемориальной тематики
			4. «Викинг», реж. А. Кравчук
2018	433	110	1
			1. «Движение вверх», реж. А. Мегердичев
2019	280	71	2
			1. «Т-34», реж. А. Сидоров; 2. «Война Анны», реж. А. Федорченко

Шесть из них можно отнести к традиционному массовому кинематографу, один («Война Анны») – к, условно говоря, авторскому кино, хотя этот фильм и транслировался в общей прокатной сетке, а не только в рамках кинофестивалей или иных специальных событий.

В целом, и тематические, и темпоральные параметры этих фильмов совпали с теми, которые были обозначены применительно к «кино-госзаказу». Наибольшее внимание было уделено исторической тематике, выдающимся личностям (биографии великого советского тренера по баскетболу и истории маленькой девочки, пережившей ужасы войны) и событиям (покорение космоса).

Согласно данным Росстата, в 2017 году кассовые сборы от кинопроката российских фильмов составили 53.3 млрд. руб., то есть в пересчете на один фильм – 517.5 млн. руб. (Леонтьева, 2019). В 2018 году аналогичные показатели составили 461.8 млн. руб., в 2019 (с учетом того, что календарный и финансовый год еще не закончился) – 628.1 млн. руб. (Таблица 6). Финансовая же эффективность коммеморативного кино составила в среднем за три года в пересчете на один фильм 1.1 млрд. руб., что более чем в два раза больше, чем в ситуации с некоммеморативными фильмами. С одной стороны, это свидетельствует о востребованности коммеморативного киноконента современной российской аудиторией. С другой – коммерческий успех коммеморативных фильмов во многом связан с заинтересованностью в нем государства – и в контексте возвращения вложенных средств, и в контексте идеологической пропаганды.

Таблица 6 – Коммерческие показатели коммеморативных фильмов российского кинопроката

Год	Параметры		
	Государственное финансирование (ФК)	Частное финансирование	Кассовые сборы
2017	4	–	≈ 2 млрд. руб.
2018	1	–	≈ 3 млрд. руб.
2019	–	2	≈ 2.4 млрд. руб.

Такая заинтересованность объективируется в двух наиболее общих стратегиях официальной политики памяти. Л. Цесалкова назвала их позитивной (разрешительной) и негативной (запретительной). Их суть сводится к идее о том, что, с одной стороны, государство предоставляет прокатные преференции тем коммеморативным фильмам, идейный месседж которых совпадает с магистральными установками реализуемой политики памяти, а с другой – ограничивает (или блокирует) доступ к зрителю кинопродукции, не соответствующей официальной культурной мемориальной политике.

В России за последние пять лет запретительная стратегия была реализована в отношении трех коммеморативных фильмов («Смерть Сталина», А. Ианнуччи, 2017; «Номер 44», Д. Эспиноса, 2015; «Приказано забыть», Х. Эркенов, 2014). Общей причиной невыдачи прокатного удостоверения данным фильмам или его предпрокатного отзыва стало искаженное представление событий прошлого. Например, по словам главы Общественного совета при Министерстве культуры России Ю. Полякова, «Смерть Сталина» не должна демонстрироваться в России из-за признаков идеологической борьбы» (Юрий Поляков ..., 2018). В отношении фильма «Номер 44» министр культуры В. Мединский высказался еще жестче: «Не страна, а Мордор с физически и морально неполноценными недочеловеками, кровавое месиво в кадре из каких-то орков и упырей – вот в такой стране происходит действие фильма от 30-х до 50-х годов XX века. Так показана наша страна – та самая, которая только что победила в Великой войне, вырвалась в число мировых лидеров и вот-вот запустит первого человека в космос...» (Фильм «№ 44» ..., 2015).

Закключение

Подводя итоги проведенного исследования, можно отметить, что общий посыл государственной политики памяти, реализуемой в сфере кинематографа (и российского – если речь идет о финансовой и прокатной поддержке, и зарубежного, если речь идет о регулировании доступа кинопродукции к российскому зрителю), сводится к созданию героической картины прошлого, не лишённого при этом противоречий, трудных периодов, поражений. Наиболее значимыми ресурсами создания такой темпоральной картины выступают советское прошлое и прошлое, условно названное нами «далеким». Такое «далекое» время ассоциируется с истоками российской государственности, временами его строительства, оформления границ, формирования национальной идентичности. Это время корней, истоков, архетипов. Это сакральное, почти мифологическое пра-время, «из которого вышли мы все» (Нора, 2005). Советский же период дает ощущение «только ушедшего вчера», а потому связанные с ним события до сих пор воспринимаются остро и эмоционально. Кроме того, советская история во многом отождествляется с Великой Отечественной войной, тема которой очевидно доминирует не только в кинематографическом контенте, но и в тематике различных коммеморативных практик.

Выражаясь терминологией О.Б. Леонтьевой, современная российская политика памяти выстраивается на базе двух параллельно реализуемых стратегий – героизации и ностальгизации прошлого. Под стратегиями памяти О.Б. Леонтьева

понимает «пути трансформации воспоминаний в рамках социальной памяти» (в широком смысле) и «внутреннюю логику формирования представлений о прошлом, направленную на утверждение того или иного типа коллективной идентичности, на то, «чтобы от имени прошлого санкционировать определенные образцы поведения, установки, оценки в настоящем и, еще более широко, в будущем, с проекцией в будущее» (в частном смысле). Героизация («глюрификация») прошлого является стратегией, востребованной во многом во время формирования государств, построения «больших мифологий» национальной идентичности и пр., когда «большой нарратив нации» или государства строится в данном случае как рассказ о великих событиях и славных свершениях, а память об этих событиях приобретает сакральный характер. Травматический опыт различных групп, а также сюжеты, связанные с переживанием вины или позора, вытесняются из социальной памяти» (Леонтьева, 2015).

В основе стратегии ностальгизации лежит чувство тоски по утраченному идеалистическому прошлому, включающему в себя также и «избирательную амнезию в отношении прошлого, и стремление преодолеть фрустрацию, порожденную утратой веры в будущее, и вид социальной игры, нацеленной на создание «воображаемого сообщества» вокруг общих воспоминаний» (Янковская, 2004, с. 347).

В условиях современных российских реалий указанные стратегии нередко вступают в противоречие друг с другом, порождая столкновения различных групповых представлений о прошлом, «поляризацию массового исторического сознания, отсутствие точек консенсуса между различными слоями и поколенческими группами российского социума, при которой даже День Победы перестает быть образом народного единства, становясь очередным символом размытости мировоззренческих границ» (Аникин, 2012, с. 36). Однако нельзя не понимать, что наличие такого рода проблем и противоречий в современной российской политике памяти связано прежде всего со сложными историческими и социокультурными условиями ее реализации, в которых, «приходится, с одной стороны, сохранять и приумножать то ценное, что досталось в наследство от двух таких непохожих эпох, как имперская и советская, а с другой – самоидентифицироваться и определиться с основными векторами развития в новом веке и тысячелетии» (Дорская, Дорский, 2018, с. 126).

Подводя итог сказанному выше, хотелось бы привести слова П. Нора (2005) о том, что «сегодня каждый борется за право толковать культурную память, быть ее хозяином и судьей». И очень хотелось бы, чтобы такие роли могли на себя примерить не только потенциальные цензоры от государства, но и обычные зрители. И, вероятно, нам нужно поверить в то, что пусть и массовый, но подготовленный и искушенный потребитель кинопродукта способен критически мыслить и осуществлять правильный выбор. Ведь как говорил много лет назад русский публицист и литературный критик Дмитрий Иванович Писарев, «память сохраняет только то, что мы сами даём ей на сохранение».

Список литературы

1. Аникин, Д. А. (2012). Стратегии политики памяти на постимперском пространстве. *Известия Саратовского университета*, 2, 34–38.

2. Ассман, А. (2016). *Новое недовольство мемориальной культурой*. М.: Новое литературное обозрение.
3. Головашина, О.В. (2016). (Бес)порядок времени и политика памяти. *Вестник Тверского государственного университета*, 4, 199–206.
4. Дорская, А.А., Дорский, А.Ю. (2018). Официальная политика памяти в современной России: юридическое измерение. *Вестник Санкт-Петербургского университета*, 2, 124–128. doi: 10.21638/11701/spbu14.2018.201
5. *Краткая литературная энциклопедия* (1962). М: Советская Энциклопедия.
6. Леонтьева, К. (2019). Российский кинорынок. Итоги 2018 г. *Синемаскоп*, 65. Взято 13 апреля 2020, с <https://research.nevafilm.ru/research/biblioteka/articles/russian-cinema-market-2018/>
7. Леонтьева, О.Б. (2015). «Мемориальный поворот» в современной исторической науке. *Диалог со временем*, 50, 59–96. Взято 16 апреля 2020, с http://roii.ru/dialogue/50/roii-dialogue-50_3.pdf
8. Миллер, А. (2009). Россия: власть и история. *Pro et Contra*, 3–4(46). Взято 17 апреля 2020, с http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_3.2009_all_screen.pdf
9. Нора, П. (2005). Всемирное торжество памяти. *Неприкосновенный запас*, 2–3(40–41). Взято 14 апреля 2020, с <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/pora22.html>
10. Фильм «№ 44» не допущен к прокату в России (2015, 15 апреля). Взято 24 апреля 2020, с https://www.bbc.com/russian/society/2015/04/150415_child44_russia_cancelled
11. Юрий Поляков: Фильм «Смерть Сталина» оскорбляет национальные чувства Россиян (2018, 23 января). Взято 25 апреля 2020, с <https://tass.ru/kultura/4894743>
12. Янковская, Г.А. (2004). Ностальгия в стиле социалистического реализма в культурной памяти постсоветской России 1990-х гг., *Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии* (с. 347–357). Челябинск: Каменный пояс.
13. Hedges, I. (2015). *World Cinema and Cultural Memory*. Evanston: Northeastern University.
14. Kuhn, A., Biltereyst, D., & Meers, Ph. (2017). Memories of cinema going and film experience: An introduction. *Memory Studies*, 10(1), 3–16. doi: 10.1177/1750698016670783
15. Vermeulen, P., Craps, S., Crownshaw, R., de Graef, O., Huyssen, A., Liska, V., & Miller, D. (2012). Dispersal and redemption: the future dynamics of memory studies – a roundtable. *Memory Studies*, 5(2), 223–239. doi: 10.1177/1750698011428302

References

1. Anikin, D.A. (2012). Strategii politiki pamyati na postimperskom prostranstve [Post-Imperial Memory Policy Strategies]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*, 2, 34–38.
2. Assman, A. (2016). *Novoe nedovol'stvo memorial'noj kul'turoj* [New

dissatisfaction with memorial culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

3. Dorskaya, A. A., & Dorskij, A. Yu. (2018). Oficial'naya politika pamyati v sovremennoj Rossii: yuridicheskoe izmerenie [The official policy of memory in modern Russia: the legal dimension]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2, 124–128. doi: 10.21638/11701/spbu14.2018.201

4. Fil'm "№ 44" ne dopushchen k prokatu v Rossii [The film "No. 44" is not allowed for rental in Russia] (2015, April 15). Retrieved April 25, 2020, from https://www.bbc.com/russian/society/2015/04/150415_child44_russia_cancelled

5. Golovashina, O. V. (2016). (Bes)poryadok vremeni i politika pamyati [(Dis)order of time and politics of memory]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4, 199–206.

6. Hedges, I. (2015). *World Cinema and Cultural Memory*. Evanston: Northeastern University.

7. *Kratkaya literaturnaya enciklopediya* [Brief Encyclopedia of Literature] (1962). Moskva: Sovetskaya Enciklopediya.

8. Kuhn, A., Biltereyst, D., & Meers, Ph. (2017). Memories of cinema going and film experience: An introduction. *Memory Studies*, 10(1), 3–16. doi: 10.1177/1750698016670783

9. Leont'eva, K. (2019). Rossijskij kinorynok. Itogi 2018 g. [Russian film market. 2018 Results]. *Cinemascope*, 65. Retrieved April 13, 2020, from <https://research.nevafilm.ru/research/biblioteka/articles/russian-cinema-market-2018/>

10. Leont'eva, O. B. (2015). "Memorial'nyj povorot" v sovremennoj istoricheskoy nauke ["Memorial Turn" in Modern Historical Science]. *Dialog so vremenem*, 50, 59–96. Retrieved April 16, 2020, from http://roii.ru/dialogue/50/roii-dialogue-50_3.pdf

11. Miller, A. (2009). Rossiya: vlast' i istoriya [Russia: power and history]. *Pro et Contra*, 3–4(46). Retrieved April 17, 2020, from http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_3.2009_all_screen.pdf

12. Nora, P. (2005). Vsemirnoe torzhestvo pamyati [World celebration of remembrance]. *Neprikosnovennyj zapas*, 2–3(40–41). Retrieved April 14, 2020, from <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>

13. Vermeulen, P., Craps, S., Crownshaw, R., de Graef, O., Huysen, A., Liska, V., & Miller, D. (2012). Dispersal and redemption: the future dynamics of memory studies – a roundtable. *Memory Studies*, 5(2), 223–239. doi: 10.1177/1750698011428302

14. Yankovskaya, G. A. (2004). Nostal'giya v stile socialisticheskogo realizma v kul'turnoj pamyati postsovetsoj Rossii 1990-h gg. [Nostalgia in the style of socialist realism in the cultural memory of post-Soviet Russia in the 1990s.], *Vek pamyati, pamyat' veka. Opyt obrashcheniya s proshlym v XX stoletii*. Chelyabinsk: amennyj poyas.

15. Yuriy Polyakov: Fil'm "Smert' Stalina" oskorblyaet nacional'nye chuvstva Rossiyan [Yuri Polyakov: The film "Death of Stalin" is offensive to the national feelings of Russians] (2018, January 23). Retrieved April 25, 2020, from <https://tass.ru/kultura/4894743>

КОНЦЕПЦИЯ «ХРИСТОЛЮБИВОГО ВОИНСТВА» В РОССИЙСКОМ БОГОСЛОВСКОМ И ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСАХ XIX В. КАК ФЕНОМЕН ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ*

Луньков Александр Сергеевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
старший научный сотрудник,
кандидат исторических наук,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0001-9252-0107,
E-mail: istorik1981@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.06.2020, принята к публикации 14.08.2020

Для цитирования: Луньков А.С. Концепция «христоролюбивого воинства» в российском богословском и философском дискурсах XIX в. как феномен политики памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3 (40). С. 101-111. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10307

Аннотация

Проблема соотношения идеалов христианской этики и реальной политики возникла практически сразу с появлением христианства. В XIX веке в Российской Империи этот вопрос вновь стал актуален в связи с частыми войнами и попытками государства использовать православие и армию в качестве средств идеологического воспитания, и даже перевоспитания граждан. При этом решение этой проблемы было сопряжено с рядом богословских, философских и мировоззренческих вопросов. На большинство из них попыталась ответить концепция «христоролюбивого воинства», которая активно стала формироваться в российском богословском и философском дискурсах в XIX веке. В частности, богословский и религиозно-просветительский аспект данной проблемы поднимался в трудах таких деятелей Русской Православной Церкви, как святитель Иннокентий (архиепископ Херсонский и Таврический).

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00240).

© Луньков А.С., 2020

Светскую философскую критику и попытку богословского ответа с точки зрения «новой религии» попытался дать Л. Н. Толстой и его последователи.

Ключевые слова:

нравственное богословие, христоролюбивое воинство, святитель Иннокентий, Л. Н. Толстой.

UDC 172.4+241.13

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10307

THE CONCEPT OF THE “CHRIST-LOVING HOST” IN RUSSIAN THEOLOGICAL AND PHILOSOPHICAL DISCOURSES OF THE 19TH CENTURY AS A PHENOMENON OF POLITICS OF MEMORY

Lunkov Alexander Sergejevich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher,
Candidate of Historical Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0001-9252-0107,
E-mail: istorik1981@mail.ru

Article received on June 1, 2020, accepted on August 14, 2020

To cite this article: Lunkov A. S. (2020). Konceptija “hristoljubivogo voinstva” v rossijskom bogoslovskom i filosofskom diskursah XIX v. kak fenomen politiki pamjati [The concept of the “Christ-loving host” in Russian theological and philosophical discourses of the 19th century as a phenomenon of politics of memory]. *Scientific Journal “Discourse-P”*, 3(40), 101-111. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10307

Abstract

The problem of correlation of the ideals of Christian ethics and real politics arose almost immediately with the advent of Christianity. In the 19th century in the Russian Empire, this issue again became relevant in connection with frequent wars and attempts by the state to use Orthodoxy and the army as an instrument of ideological education and, even, re-education, of citizens. Moreover, the solution to this problem was fraught with a number of theological, philosophical and worldview issues. The concept of the “Christ-loving host”, which actively began to take shape in Russian theological and philosophical discourses in the 19th century, tried to answer most of them. In particular, the theological and religious-enlightening aspect of this problem was raised in the writings of such figures

of the Russian Orthodox Church as St. Innocent (Archbishop of Kherson and Tauride). Secular philosophical criticism and an attempt at a theological answer from the point of view of the “new religion” were attempted by Leo Tolstoy and his followers.

Keywords:

moral theology, Christ-loving Host, Saint Innocent, Leo Tolstoy.

Введение

Изучение феномена политики памяти стало актуально на рубеже XX–XXI веков, что было связано с попыткой отечественных и зарубежных исследователей понять механизм преодоления тем или иным социумом «разрыва» между двумя разными наборами констант исторической памяти. Речь прежде всего идет о том, как современная Россия и другие страны бывшего СССР смогли перейти к новому пониманию собственной истории и оценке ее ключевых событий. Однако политика памяти как целенаправленная государственная практика существовала задолго до ее концептуализации в общественных науках и философии после распада СССР. В данной статье мы рассмотрим один из элементов политики памяти, активно применявшийся в Российской Империи в XIX – начале XX вв. Речь идет о создании и трансляции в общественное сознание концепции «христолюбивого воинства» и сопутствовавшие этому дискуссии по поводу понимания феномена войны и ее роли в развитии русского общества. Примечательно, что практически сразу в среде русских интеллектуалов начала формироваться оппозиция этой концепции, что привело, в том числе, к появлению различных вариантов российского пацифизма.

Богословские аспекты концепции «христолюбивого воинства»

Даже никогда не служившим в армии людям хорошо известна формула, что солдат должен «стойко переносить все тяготы и лишения военной службы». Источники у этой стойкости могут быть разными по своей сути, но все они в основе своей имеют духовные (или психологические) силы человека. Поддержание этих сил на высоком уровне всегда было одной из важнейших задач командиров и военачальников всех времен. В условиях доминирования религиозного сознания в общественном сознании обращение именно к вере как неперемennomу условию высокого боевого духа армии было неизбежно. Все армии мира во время войны непременно считают, что Бог именно на их стороне. В контексте христианской, и особенно православной, традиции для успешного решения задач религиозного воспитания армии необходимо было ответить на ряд вопросов богословского характера. Прежде всего, это вопрос о том, как военная служба и война как ее высшее выражение соотносятся с идеалами христианской любви к ближнему и проповедью Христа.

Известный библейский сюжет повествует нам о воинах и мытарях, приходивших к Иоанну Крестителю. И волновало их одно: могут ли они спастись, не оставляя своей службы? Может ли сама принадлежность к этому роду за-

нятий стать препятствием для спасения? Иоанн не приказал им бросить оружие или уйти из армии, но обратился к ним с такими словами: «Никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованьем» (Лк. 3:14). Тем самым он подчеркивает, что путь к спасению лежит не через принадлежность к тому или иному роду деятельности, а в избегании пороков, которые присущи этой деятельности. Евангелие содержит несколько эпизодов общения с Христом римских легионеров. Речь идет о римском офицере из Капернаума, о котором Христос сказал: «Истинно говорю вам, и в Израиле не нашел я такой веры» (Мф. 8.5–10); о неизвестном Лонгине, который стоял на голгофской страже у Креста Христова и в час Его смерти исповедал веру свою в Спасителя, воскликнув: «Воистину Он был Сын Божий!» (Мф. 27.54) и др. Но все эти случаи для обычного солдата-христианина не отвечают на вопрос – что мне делать в бою, когда идет выбор убивать или не убивать врага?

Данная проблема относится к сфере так называемого нравственного богословия. По словам одного из видных русских богословов и историков церкви начала XX века А.А. Бронзова, «в истекшем XIX-м столетии Нравственное Богословие у нас в России имело, по-видимому, судьбу совсем незавидную, а если исключить немногие отдельные его моменты, являющиеся, безспорно, привлекательными оазисами на общем пустынном фоне, то как будто и совсем грустную, печальную» (Бронзов, 1901, с. 4). При этом следует учесть, что нравственное богословие занимается вопросами основания поступка человека, его поведения в любых обстоятельствах, а не только на войне. Поэтому неутешительную оценку следует еще более усугубить в отношении разработки в России в XIX веке проблемы поступка на войне.

Одной из первых в XIX столетии работ, в которых ставились вопросы нравственного богословия в контексте войны, была книга протоиерея Иакова Воскресенского «Нравоучение для благородных воспитанниц общества благородных девиц и института ордена св. Екатерины» (1813). Несмотря на предельно далекое от проблемы войны название этой книги, в ней ставятся и в доступной форме разрешаются некоторые интересующие нас проблемы. Прежде всего, И.И. Воскресенский рассуждает об обязанностях («должностях») человека перед Богом, другими людьми и самим собой. Одной из обязанностей человека перед Богом является сохранение своего здоровья и жизни. «Здоровье, равно как и жизнь, есть неоцененный дар Божий; следовательно небрежение об оном есть неблагодарность» (Воскресенский, 1813, с. 70). Из этого следуют правила: «Храни жизнь твою со всевозможным тщанием...» и «Пекися о соблюдении здоровья...» (Воскресенский, 1813, с. 71). Такие тезисы на первый взгляд входят в явное противоречие с практикой военной службы и ведения войны. Но это противоречие разрешается через введение принципа иерархии в вопросах нравственности. Общественное благо ставится выше блага индивидуального («каждый из подданных имеет долг, благоденствие общее предпочитать личному...» (Воскресенский, 1813, с. 172)). Поэтому в обязанности государя «для отвращения от подданных гибельных следствий войны...» входит «составлять из подданных войско...» (Воскресенский, 1813, с. 166–167). Логика этих рассуждений исходит из тезиса, что сам по себе человек без общества не может полностью развить свои способности, не сможет находиться в состоянии мира и спокойствия и быть защищенным от внешних посягательств. Далее, общество

без единой воли не сможет гармонично развиваться. Воплощением единой воли общества и государства является государь – наместник Бога на земле. Армия необходима государю для реализации общественных интересов, поэтому ее существование и, главное, применение не является нарушением божественных установлений.

В этой книге мы находим рассуждения об обязанностях тех, кому поручена забота об армии и о долге самих воинов. Последние обязаны «быть довольны своими оброки...; воздерживаться от бесчеловечных поступков с неприятелями и еще более соотчичами и союзниками...; сносить с охотой и неумолимо трудности для защищения Отечества...; не вдаваться безрассудно в опасности, и по небрежению или трусости оных не бегать...; быть храбрыми противу неприятелей, а не против сограждан...; честную смерть предпочитать безчестному бегству и жизни» (Воскресенский, 1813, с. 177–178). Последний пункт особенно примечателен. Перед солдатом ставится непростая задача – определить, какая смерть будет честной, а какая нет. Особенно в свете правила про безрассудство. В реальной боевой ситуации у человека есть несколько мгновений, чтобы принять самое важное решение в своей жизни. И подготовкой к нему нужно начинать заниматься задолго до самой ситуации выбора.

Показательно, что эти идеи появились даже в издании, целевой аудиторией которого должны были быть молодые девушки. По мысли автора, все они являются будущими матерями, которые должны воспитать достойных защитников Отечества. После Отечественной войны 1812 года подобная риторика захватила практически все сферы общественной жизни. Пики интереса к этой проблематике приходились на периоды «общественных бедствий», и затухающими волнами продолжали транслироваться в массовое сознание до конца XIX века.

Крымская война 1853–1856 гг. стала одним из таких пиков. В результате нравственное богословие вновь обратилось к теме войны. Так, например, Василий Борисович Бажанов, протопресвитер и с 1849 года обер-священник Главного Штаба гвардейского и гренадерского корпусов, в своей брошюре «Обязанности государя» (1859) писал следующее: «Заботясь о внутреннем благоустройстве своего государства, Государь должен также ограждать и внешнюю безопасность его миролюбивыми сношениями с другими государствами, в случае же необходимости защищать его силою оружия. Но как эта необходимость есть самая жестокая для сердца Царя-Христианина; то Он должен стараться ревностным, сугубым попечением о внутреннем благоустройстве и постоянной готовностью к войне предотвращать все неприязненные нападения и покушения отвне» (Бажанов, 1859, с. 10–11). При этом он должен не «предпринимать без крайней нужды войны, всегда разорительной для государства» (Бажанов, 1859, с. 5).

Таким образом, к середине XIX века окончательно сформировался один из элементов концепции «христолюбивого воинства» – акцент на ключевой роли государя и государства в нравственной жизни православного воина. Верность государю практически равноценна верности Богу. Поэтому выполнение приказа на войне, даже требующего совершения греховного акта причинения насилия или смерти, является допустимым, так как такова воля государя, наместника Бога на земле.

Публичное использование концепции «христолюбивого воинства» и политика памяти

Теоретические или направленные на узкую аудиторию произведения еще не делают идею работоспособной для большого числа людей. Идея должна быть донесена до сердца каждого солдата и офицера армии, быть ими понята и воспринята как основа для волевого акта. Необходима широкая практика прознесения этой идеи вслух важными для слушателей людьми. Нужна проповедь концепции «христолюбивого воинства». Не случайно создателями этой концепции считаются духовные лица, которые ее проповедовали. Речь, прежде всего, идет о святителе Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом. Как раз он в период крымской войны обращался к своей пастве с речами, которые позднее были опубликованы под общим названием «Слова по случаю общественных бедствий». Для понимания того, как развивалась концепция «христолюбивого воинства», необходимо проанализировать ее дискурс.

Практически все выступления святителя Иннокентия перед верующими строились по единой логике. Вначале он отдает должное государю и подчеркивает прямую связь его власти с Божественной волей и высокую роль Русской Православной Церкви. В качестве примера можем привести следующую цитату: «Прежде всего возблагодарим Монарха нашего за то, что он, среди обошедших царства и народы злключенияй, возлагает упование свое не на могущесте земное, как им ни ущедрена свыше Россия, а на Бога Всемогущего и Всеблагаго. Велик Бог Русский! Тверда и непоколебима вера православная! Каких бед и ударов не перенесло возлюбленное Отечество наше? И из всех их вышло светлее и могущественнее прежнего, – вышло таковым потому, что никогда не теряло упования на милость Божию, всегда спасающую правых сердцем. Не оставит Господь нас и впредь всемогущим покровом Своим, доколе мы пребудем верны заповедям Его и Уставам Святой Церкви» (Сочинения Иннокентия ..., 1908, с. 292). За всеми положенными формальными словами просматривается второй важный элемент концепции «христолюбивого воинства», а именно обращение к истории («Каких бед и ударов не перенесло возлюбленное Отечество наше? И из всех их вышло светлее и могущественнее прежнего...»). Этот тезис является ярким проявлением политики памяти. Не важно, насколько хорошо живет конкретному слушателю этих слов, главное, что вся страна, все общество живет лучше, несмотря на беды в прошлом. Эта мысль станет лейтмотивом всех речей святителя Иннокентия. Кроме этого, он подчеркивает важную миссию России, ее ключевую роль для всего мира, которую она сыграет в будущем: «Не Россия ли, если даст Господь, послужит и в будущем к обузданию адского духа безначалия, от коего мятутся теперь царства и народы?» (Сочинения Иннокентия ..., 1908, с. 295). Таким образом, слушатель как объект политики памяти оказывается между двумя историческими «жернаками» – прошлым, наполненным разными бедствиями, которые, однако, послужили делу укрепления России, и будущим, наполненным великими свершениями, в которых России отводится ключевая роль. «Настоящее» сужается до предела и теряет важность, следовательно, теряет важность и сама жизнь человека, его сиюминутное «сейчас», чем облегчается его нравственный выбор в пользу жертвенности в ситуации опасности: «Важно посему не то,

что происходит теперь, а то, с кем теперь Господь: с нами или с врагами нашими» (Сочинения Иннокентия ..., 1908, с. 308).

В рамках политики памяти необходимо постоянное публичное обращение к истории, особенно к тем ее событиям, которые могут быть приведены в пример. Во время войны особенно актуальны примеры успешных для государства войн прошлого. Для периода Крымской войны таким примером была Отечественная война 1812 года. При этом для усиления эффекта от обращения к истории часто подчеркивается символизм происходящего сейчас, его параллели с прошлым. «Кто не помнит 1812 год? Тогда колебался не один какой-либо край, как теперь колеблется ваш, а сотрясалась от конца до конца вся Россия; самое сердце ее, Москва, было в руках врага; многим потому казалось, что уже все потеряно; а между тем, вскоре оказалось, что держава Русская цела и несокрушима; сокрушились только, несмотря на их силу, искусство и успехи, полчища врагов, и исчезли как призрак. Подобное тому, даст Господь, последует и теперь! Ибо приметили ль вы, в какой день враги появились на земле нашей? В тот самый день, в который вошли они некогда в Москву, как бы в предвестие, что в Крыму их ожидает та же горькая участь, коей подверглись они по занятии первопрестольной столицы нашей» (Сочинения Иннокентия ..., 1908, с. 329–330). В этом же «Слове...» Иннокентия впервые звучит само словосочетание – «христоролюбивое воинство», которое наполнено глубоким богословским смыслом. Суть его в том, что войско земное тесно связано с «войском» небесным, так как святые, праведники и другие уже умершие люди, связанные при жизни с Россией, продолжают заступаться за нашу страну перед лицом Господа. Поэтому «если мы любим искренно свое Отечество, то небожители тем паче не могут забыть его и не предстательствовать за него у Господа» (Сочинения Иннокентия ..., 1908, с. 332). То есть сила «христоролюбивого воинства» в том, что в едином строю стоят как люди ныне живущие, так и умершие святые и праведники. При этом у врага нет такой поддержки: «А за успех врагов наших кто может стать и ходатайствовать на небе?» (Сочинения Иннокентия ..., 1908, с. 332).

Другой чертой «христоролюбивого воинства» является его нетерпимость к противникам истинной веры. Это именно воинство, армия, инструмент для истребления врага. «Поспешите, возлюбленные, прославиться – славой чистой и святой, употребив все силы и средства, все искусство и умение ваше на содействие и помощь христоролюбивому воинству нашему, которое, стекшись сюда со всех концов России на защиту страны вашей, в порыве святой ревности, ожидает как празднества того дня и часа, когда можно будет, не щадя своей крови и живота – за Царя и Отечество – ринуться победоносно на толпы богопротивных иноплеменников» (Сочинения Иннокентия ..., 1908, с. 335).

Светская критика концепции «христоролюбивого воинства»

Поражение России в Крымской войне стало переломом в развитии русской военно-стратегической мысли. Стали подвергаться пересмотру многие принципы организации армии, ее подготовки, стратегии и тактики. Но помимо чисто военной сферы повышенное внимание к проблемам войны и армии возникло у широких кругов образованной общественности и отечественных философов. Именно в этот период закладывается светская философская критика ряда ре-

лигиозных идей, касающихся роли войны в жизни общества. В ряде случаев, как, например, в работах Л. Н. Толстого, светская критика перерастала в богословскую полемику.

Как известно, в молодости Л. Н. Толстой был непосредственным участником Крымской войны. Его «Севастопольские рассказы» snискали ему первую литературную славу. Но духовное развитие этого человека привело его к последовательной критике войны как социального и политического института. При этом его критика концентрировалась на считавшихся сильными и наиболее обоснованными сторонами официального государственно-православного взгляда на институт армии, и особенно – на декларируемых нравственных принципах поведения на войне. К концу XIX века его взгляды сложились в комплекс идей и практических рекомендаций. В статье 1901 года «Солдатская памятка» он последовательно опровергает трактовку некоторых христианских догматов, связанных с повседневной жизнью солдата: «В евангелии сказано, что не только не должно убивать своих братьев, но не должно делать того, что ведет к убийству: не должно гневаться на брата и не ненавидеть врагов, а любить их. В законе Моисея прямо сказано: «не убий», без всяких оговорок о том, кого можно и кого нельзя убивать. В правилах же, которым тебя учили, сказано, что солдат должен исполнять всякое, какое бы то ни было, приказание начальника, кроме приказа против царя, и в объяснении 6-ой заповеди сказано, что хотя заповедью этой запрещается убивать, но тот, кто убивает неприятеля на войне, не грешит против этой заповеди» (Толстой, 1952с, с. 280). Толстой подчеркивает, что «начальство» не может снять с человека ответственность, что именно твоя пуля только что оборвала чью-то жизнь. Никакая присяга человеку не может быть выше долга перед Богом, который предшествует всему: «Тебе говорят, что ты должен убивать потому, что ты присягал и отвечать за твои дела будешь не ты, а начальство. Но прежде, чем ты присягал, т. е. обязался людям исполнять их волю, ты уже без присяги обязан во всем исполнять волю бога, того, кто дал тебе жизнь, – бог же не велит убивать» (Толстой, 1952с, с. 281–282).

Приведенные в начале данной статьи цитаты из Священного Писания могут быть истолкованы как факт признания, что, будучи солдатом, можно оставаться христианином. Но они отнюдь не наделяют святостью само военное дело. Призыв Толстого идет еще дальше: «если ты действительно хочешь поступить по-божьи, то тебе надо сделать одно: свергнуть с себя постыдное и безбожное звание солдата и быть готовым перенести все страдания, которые они будут налагать на тебя за это» (Толстой, 1952с, с. 283).

В следующей статье «Офицерская памятка» Толстой обращается уже к офицерскому корпусу. И тон, и содержание этого обращения несколько иные. Великий русский писатель апеллирует к разуму офицеров, нежели к их религиозным чувствам. Одним из тезисов, который должен убедить офицерство оставить это жизненное поприще, стала широко тиражируемая в средствах массовой коммуникации начала XX века одна из основных идей пацифизма – «частые международные сношения – торговые, общественные, научные, художественные – так сблизили народы между собой, что всякая война между европейскими народами представляется чем-то в роде семейного раздора, нарушающего самые священные связи людей» (Толстой, 1952b, с. 285). Между строк в этой статье читается идея, что офицерскую службу еще как-то можно оправдать в краткие

периоды, когда армия занята войной. Но в мирное время все заботы офицера заключаются в обучении солдата механическому повиновению и умению убивать. А это оправдать никак нельзя. В отличие от солдата, который уже обучен слепо подчиняться приказам и связан присягой на весь срок службы, у офицера есть возможность уйти в отставку и выбрать себе другой род деятельности. «Если же вы не можете и этого сделать, то решение для вас вопроса о том, будете ли вы продолжать служить или нет, отложится до того времени, – а это для всякого скоро наступит, – когда вы будете стоять лицом к лицу с безоружной толпой крестьян или фабричных и вам приказано будет стрелять в них. И тогда, если в вас еще осталось что-либо человеческое, вы должны будете отказаться повиноваться и вследствие этого уже оставить службу» (Толстой, 1952b, с. 290). То есть речь здесь идет о том, что военная служба рано или поздно поставит человека перед экзистенциальным выбором, и избежать этого не удастся.

По сути Л. Н. Толстой критикует, в том числе, и концепцию «христоролюбивого воинства» в рамках своей полемики с официальным православием. Идея единения для защиты Отечества воинов, живущих и умерших, является продолжением православной мистической традиции, которая была неприемлема для Толстого. Для него вера – это результат умственной работы, и религиозное обращение конкретного человека всегда сугубо индивидуально с точки зрения путей его реализации. Поэтому в экзистенциальной ситуации христианин в понимании Льва Николаевича остается один на один со своей совестью и Богом, и помощи в выборе, оставаться человеком или нет, ему ждать больше неоткуда. Для него не может быть акта единения солдата с другими солдатами, живущими и умершими, даже в деле борьбы с внешней угрозой. Официальное же православие через политику памяти и мистические элементы христианства настаивает на таком единении.

Роль государя как наместника Бога на земле и человека, который обладает правом начинать войну, также подвергается критике. «Учение Христа отменяет закон: «око за око и зуб за зуб», но те люди, которые не только всегда держались, но и теперь держатся этого закона и в ужасающих размерах, в наказаниях и на войнах, применяют его и, кроме того, не только око за око, но без всякого вызова предписывают убивать тысячи, как они это делают, объявляя войны, – не имеют права возмущаться на применение к ним этого закона в такой малой и ничтожной степени, что едва ли придется один убитый король или император на сто тысяч, а может быть, и миллион убитых и убиваемых по распоряжениям и с согласия королей и императоров» (Толстой, 1952a, с. 200–201). Нетерпимость «христоролюбивого воинства» к иноземным врагам, людям другой веры и т. д. также может быть оспорена с точки зрения понимания Толстым проповеди Христа и его собственного учения о непротивлении.

Заключение

Таким образом, в течение XIX века в русской богословской и философской традициях формировалась и критиковалась концепция «христоролюбивого воинства» как квинтэссенция православного понимания феномена войны и ее роли в жизни общества и отдельного человека. Эта концепция оказалась довольно работоспособной в деле нравственной ориентации человека в условиях войны,

когда необходимо сделать экзистенциальный выбор. При этом использование инструментов политики памяти при реализации этой концепции в повседневной (как военной, так и мирной) жизни армии позволяло одинаково хорошо трактовать для обычных военных позитивные и негативные события. Однако сильные стороны концепции «христолюбивого воинства» оказались уязвимы для критики со стороны более образованных и искушенных в мыслительной практике, нежели простые солдаты, людей. Для светского интеллектуала очевидны логические нестыковки, наивно выглядит буквальный символизм и отсылки к «причесанным» трактовкам исторических событий. Для искушенного в богословии человека другой, не православной, традиции будет относительно легко подвергнуть критике мистицизм и «цезарепапизм» православия. Но по большому счету данная концепция сыграла значимую роль в развитии нравственного богословия в православной традиции и оказалась духовным подспорьем для человека, обнаружившего себя один на один со смертельной опасностью на поле боя.

Список литературы

1. Бажанов, А. А. (1859). *Обязанности государя*. СПб.: Синодальная типография.
2. Бронзов, А. А. (1901). *Нравственное богословие в России в течение XIX столетия*. СПб.: Типография А. П. Лопухина.
3. Воскресенский, И. И. (1813). *Нравоучение для благородных воспитанниц общества благородных девиц и института Ордена Св. Екатерины*. Ч. 1–4. СПб.: При 1-м Кадетском Корпусе.
4. *Сочинения Иннокентия, Архиепископа Херсонского и Таврического* (Изд. 2-е, Т. III). (1908). СПб.: Издание книгопродавца И. Л. Тузова.
5. Толстой Л. Н. (1952a). Не убий. *Полное собрание сочинений* (Т. 34, с. 200–205). М.: Государственное издательство художественной литературы.
6. Толстой, Л. Н. (1952b). Офицерская памятка. *Полное собрание сочинений* (Т. 34, с. 284–290). М.: Государственное издательство художественной литературы.
7. Толстой, Л. Н. (1952c). Солдатская памятка. *Полное собрание сочинений* (Т. 34, с. 280–283). М.: Государственное издательство художественной литературы.

References

1. Bazhanov, A. A. (1859). *Objazannosti gosudarja* [Obligations of the sovereign]. SPb.: Sinodal'naja tipografija.
2. Bronzov, A. A. (1901). *Nravstvennoe bogoslovie v Rossii v techenie XIX stoletija* [Moral Theology in Russia during the 19th Century]. SPb.: Tipografija A. P. Lopuhina.
3. *Sochinenija Innokentija, Arhiepiskopa Hersonskogo i Tavricheskogo* [Works of Innocent, Archbishop of Kherson and Tauride] (2-nd ed., Vol. III). (1908). SPb.:

Izdanie knigoprodavca I.L. Tuzova.

4. Tolstoj, L.N. (1952a). Ne ubij [Do not kill]. *Polnoe sobranie sochinenij* (Vol. 34, pp. 200–205). M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury.

5. Tolstoj, L.N. (1952b). Oficerskaja pamjatka [The officer memo]. *Polnoe sobranie sochinenij* (Vol. 34, pp. 284–290). M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury.

6. Tolstoj, L.N. (1952c). Soldatskaja pamjatka [The soldier memo]. *Polnoe sobranie sochinenij* (Vol. 34, pp. 280–283). M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury.

7. Voskresenskij, I.I. (1813). *Nravouchenie dlja blagorodnyh vospitannic obshhestva blagorodnyh devic i instituta Ordena Sv. Ekateriny. Ch. 1–4* [Moral Studies for Noble Pupils of the Society of Noble Maidens and the Institute of the Order of St. Catherine. Part 1–4]. SPb.: Pri 1-m Kadetskom Korpuse.

**О III-ИХ СУББОТНИХ
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ЧТЕНИЯХ,
ПРОВОДИМЫХ ШКОЛОЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННЫХ
НАУК РАНХИГС СОВМЕСТНО С РАПН
И АКАДЕМИЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
НАУКИ 19.09.2020**

**ABOUT THE III SATURDAY
POLITICAL SCIENCE READINGS
HELD BY THE SCHOOL OF POLITICAL STUDIES
OF THE INSTITUTE FOR SOCIAL SCIENCES
OF RANEPA IN COOPERATION WITH THE RPSA
AND THE ACADEMY OF POLITICAL
SCIENCE ON SEPTEMBER 19, 2020**

Школа политических исследований Института общественных наук РАНХиГС совместно с Российской ассоциацией политической науки и Академией политической науки 19 сентября 2020 г. провела Третьи Субботние политологические чтения в Президентской академии.

Тема политологических чтений: **«Поиск идентичности в современном геополитическом дискурсе».**

Докладчики:

Семененко Ирина Станиславовна, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН имени Е.М. Примакова.

Тема доклада: **«Идентичность в современном политическом и научном дискурсах».**

Дробижева Леокадия Михайловна, доктор исторических наук, профессор, Руководитель Центра исследования межнациональных отношений, Почетный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат Премии Президента Российской Федерации за вклад в укрепление единства российской нации (2019).

Тема доклада: **«Конкурирующие дискурсы в понимании российской идентичности и массовые представления».**

Климова Галина Сергеевна, кандидат исторических наук, заместитель декана Школы политических исследований ИОН РАНХиГС, и. о. зав. кафедрой политологии и политического управления.

Тема доклада: «Европейская идентичность и европейские идентичности в политическом дискурсе ЕС».

По итогам дискуссии авторы лучших выступлений получили возможность опубликовать свои статьи в Научном журнале «Дискурс-Пи», включенном в перечень рецензируемых изданий ВАК, являющемся информационным партнером III-х Субботних политологических чтений (СПЧ-III).

Тезисы основных докладов

Идентичность в современном научном и политическом дискурсах

Семененко Ирина Станиславовна,

ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН,
заместитель директора по научной работе
член-корреспондент РАН,
доктор политических наук,
Москва, Россия,
E-mail: semenenko@imemo.ru

1. Идентичность в последние несколько лет стала общепринятым понятием и в политическом дискурсе, и в поле политических исследований. Это пример стремительного укоренения в публичном политическом лексиконе концепта, ранее привычного для сугубо научной дискуссии. Предотвращение конфликтов идентичностей стало ключевой проблемой практической политики государства в условиях растущего социокультурного многообразия современных обществ. При этом частая и настойчивая, к месту и не к месту апелляция к идентичности публичных политиков и публичных интеллектуалов сопровождается размыванием содержательного наполнения самого концепта. Это и понятно: смысловая неопределенность дает, по существу, неограниченные возможности эксплуатировать естественное стремление человека ощущать себя частью общества, использовать потребность в «принадлежности» в целях политического манипулирования и мобилизации.

2. С трудом верится, что еще в начале 2000-х гг. концепт идентичности встречал непонимание или негативную реакцию вплоть до отторжения у многих из тех, кто работает в поле социальных наук. Сегодня споры перешли в плоскость содержательную; те, кто по-прежнему критически настроен в отношении самого понятия и в отношении возможности аргументированного анализа форм репрезентации идентичности в публичном пространстве, апеллируют к широко известной логике Роджерса Брубейкера. Книга Френсиса Фукуямы, вскоре после

ее публикации в 2018 г. переведенная на русский язык, обозначила своего рода рубеж перехода идентичности в мейнстрим социальных наук.

3. Проблемы в изучении идентичности в политической науке связаны с содержательным наполнением самого концепта. Действительно, какая идентичность нужна для развития, какая идентичность задает вектор общественных трансформаций? Еще в конце 2000-х гг. был поставлен вопрос об «идентичности как ресурсе общественного развития». По итогам первого «смотрa сил» российского политологического сообщества в изучении идентичности в таком ее качестве в ИМЭМО РАН состоялась конференция «Идентичность как предмет политической науки», она была организована в рамках Сети по исследованию идентичности, которая недавно отметила свой 10-летний юбилей. В поле российской политической науки стремительно растет число обращающихся к идентичности работ. Можно говорить о продвижении в методологических подходах и о появлении общих аналитических знаменателей, хотя остается и неизбежная неоднозначность в осмыслении этого многозначного понятия.

4. Наиболее емкая характеристика, прилагаемая к идентичности как ресурсу развития – гражданская. В системе значимых для прогнозирования вектора политических изменений проекций идентичности гражданская (в российском изводе – государственно-гражданская) идентичность занимает первое место ввиду сочетания ненормативного (как охватывающего всех граждан) и нормативного (обращенного к гражданам как носителям гражданского сознания и соответствующих ценностных ориентиров) содержания, в то время как политическая идентичность оказывается нагруженной нормативными идейными смыслами и поведенческими установками, а национальная по умолчанию приравнивается в политическом (а нередко – и в научном) дискурсе к «страновой». Однако концепт гражданской идентичности не исчерпывает сути вопроса о смыслах и мотивациях, которые вкладывают в политические изменения субъекты таких трансформаций. Неслучайно это понятие слабо актуализировано в зарубежном политическом дискурсе, в отличие от российского: по сути, гражданская идентичность рассматривается как «беспроблемная», имманентно присущая гражданину как обладателю демократических прав и свобод.

5. Ключевой для политической науки вопрос о позитивной совместимости гражданской с другими значимыми идентичностями, в частности, с этнической, был поставлен Л. М. Дробижевой. На наш взгляд, основа позитивной совместимости – ориентация на развитие как ключевую политическую ценность. Такая ориентация актуализирует профессиональные, религиозные/конфессиональные, социокультурные и этнические, территориальные и иные идентичности, наполняет их позитивными смыслами. В этом контексте встает приоритетный для современного научного знания вопрос о содержательной трактовке общественного развития и о концептуализации политики развития. В экспертном дискурсе такая политика обычно сводится к продвижению предлагаемых от имени государства экономических проектов и социальных программ, нацеленных на решение общественно значимых проблем преодоления бедности, смягчения социального неравенства и дисфункций государственного управления преимущественно за пределами «развитого мира». Однако в широком смысле речь идет о политике, ориентированной на продвижение самой ценности развития как процесса, способного поддерживать поступательную динамику качества жизни

и дружественную для человека социальную среду, о политике, высвечивающей значимые для общества и человека долговременные приоритеты.

6. Интегральной частью политики развития является политика идентичности. В научном и в политическом дискурсе связь политики идентичности и повестки дня развития обходят вниманием, в первую очередь ввиду устоявшейся (заимствованной из американского дискурса периода подъема социальных движений за права меньшинств) нормативной трактовки такой политики как борьбы меньшинств за признание. «Право на идентичность», в том числе на «выбор идентичности», по существу стали в последние годы рассматриваться как неотъемлемые права человека. «Борьба за идентичность» структурирует поле современной политики, зачастую целенаправленно облекая в «упаковку» идентичности групповые интересы и политический выбор. Анализ реальных приоритетов и субъектов политики идентичности во многом объясняет динамику социальных и политических размежеваний в современных разделенных обществах. Неслучайно «войны памяти» сегодня превратились в «войны памятников». Центр тяжести в политике идентичности в ее узком, нормативном понимании сместился сегодня в сферу символической политики, она во многом определяет тональность и даже повестку дня избирательной кампании в США. Под флагом «права на идентичность» продвигаются политико-правовые требования сообществ, за которыми стоят узкопартийные и групповые интересы. Знаменательно, что в нынешнем политкорректном политическом дискурсе нет согласия вокруг значимости самого концепта «расовой идентичности», но система мер позитивной дискриминации в рамках политкорректной политики идентичности, реализуемой в многокультурных обществах Запада, сделала выбор такой идентичности социально значимым для очень многих. А нынешнее движение «Black lives matter» и развернувшиеся вокруг него политические страсти выводят политику идентичности на передний край современного политического дискурса. Очевидно, что она успешно используется как инструмент негативной политической мобилизации, а отнюдь не как инструмент политики развития.

7. Политику идентичности можно трактовать в широком контексте формирования «идентичности развития» и разработки ориентиров ответственного развития современных обществ. Такого, которое предполагает приоритетное использование в качестве источников развития интеллектуальных, возобновляемых ресурсов и опору на нематериальные стимулы жизнедеятельности человека. Речь идет в первую очередь о наращивании интеллектуальных ресурсов экономических и социальных инноваций, но решение проблемы развития этим не ограничивается. Подразумевается также взвешенная оценка возможных альтернатив и учет не только ближних, но и долговременных последствий внедрения новых технологий, тех изменений, которые они могут привнести в экономику и социальные отношения, в сознание и мышление индивида. Важнейшим условием ответственного развития является поддержание оптимального для минимизации рисков баланса между инновационным мышлением и опорой на традицию. В этой дихотомии формируются личностные и групповые опоры идентичности, с которыми человек себя соотносит – от семьи и профессии до нации и цивилизации. В более широком контексте приоритетом становится утверждение нравственной мотивации развития на путях продвижения культуры

социального диалога, взаимодействия в публичной сфере вокруг общей повестки дня носителей разных идей и идентичностей.

8. В политическом дискурсе доминирует, как уже отмечалось выше, подход, ориентированный на использование идентичности как средства политической мобилизации, и присутствует альтернативное видение, предлагающее обратиться к диалогу идентичностей. Те или иные приоритеты коммуникации вокруг проблем идентичности определяют характер государственности, уровень общественной солидарности, доверия и гражданской самоорганизации. Так, в Испании актуализирована проблематика соотнесения национальной и региональных идентичностей, в Великобритании коронакризис прочертил ментальные и даже реальные, пусть и на короткое время, границы между носителями разных национальных идентичностей с возможными далеко идущими последствиями для британской политической системы, а в Китае события вокруг Гонконга способствовали переводу конфликта идентичностей в политико-правовое поле.

9. На основе обзора основных направлений исследований идентичности можно предложить типологию конкурирующих в поле политической науки дискурсов. Это дискурсы конструирования идентичности (в контекстах поддержания культурного разнообразия и поисков путей консолидации разделенных обществ показательна в этом смысле, например, серия книг «Изучение идентичности в социальных науках» издательства Palgrave Macmillan, продолжающаяся с 2000 г.), дискурсы, связанные с анализом политического использования идентичности (в контекстах продвижения избирательных платформ партий и движений, особенно популистского толка) и дискурсы, осмысливающие идентичность как ресурс развития (в том числе в рамках многосубъектной политики идентичности). Уже упомянутый Р. Брубейкер в своей последней работе, посвященной соотношению концептов популизма и национализма («Nations and Nationalism», 2020, No. 1), утверждает, что «не бывает правильных или неправильных концептов, концепты могут быть в большей или меньшей степени полезными для решения определенных теоретических или практических задач». В рамках такой логики применительно к концепту идентичности полезность представляется очевидной: идентичность позволяет посмотреть одновременно на процесс, на состояние и на эмоциональное переживание своего «я» в соотношении с «другими», соединить макрополитический и микрополитический уровни анализа субъективного пространства политики и социальной реальности, которая меняется «в ногу» с идентичностью.

10. Выделение субъектов и концептуализация направлений и механизмов политики идентичности остаются насущными задачами политической науки. Решение этих задач принципиально важно для понимания перспектив эволюции политического режима, динамики политической культуры того или иного национального (территориального, локального) сообщества и политической идентичности его граждан. Особенно для прогнозирования сдвигов в массовом сознании и политическом поведении и перспектив политико-институциональных изменений. Насущными остаются проблемы реификации идентичности и теоретико-методологические возможности их преодоления. Остаются лакуны в осмыслении культурных оснований формирования идентичности и их влияния на политический выбор (в рамках произошедшего в социальных науках «культурного» поворота), в изучении влияния идентичности на экономическое развитие (о чем

писали Дж. Акерлоф и Р. Крэнтон в начале нынешнего столетия, ставя вопрос об «экономике идентичности»), в ее интеграции в поле не только социальной философии, но и в философский категориальный аппарат (на что действительно обращает внимание наш коллега из философского «цеха» Х.Г. Тхагапсоев). И особенно – в интеграции тематики идентичности в просматривающийся (пока как потенциальная возможность) этический поворот в социальных науках.

Конкурирующие дискурсы в понимании российской идентичности и массовые представления

Дробижева Леокадия Михайловна,

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
руководитель Центра исследования межнациональных отношений,
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор исторических наук, профессор,
Москва, Россия,
E-mail: drobizheva@yandex.ru

Российская идентичность имеет историческую основу, но в современном понимании она формировалась в исторически короткие сроки и в сложных условиях распавшегося государства, рухнувшей социальной системы, культурной и психологической травмы. Специфика формирования российской идентичности обусловила многозначность терминологии, используемой в научной литературе и в публичном пространстве – «национальная идентичность», «государственная идентичность», «государственно-гражданская идентичность», «страновая идентичность», «гражданская идентичность». Разность в терминологии в известной мере связана с разными подходами к пониманию интегрирующей идентичности общества.

В Конституции 1993 г. содержались принципы, которые позволяли трактовать граждан России как гражданское общество, которое будет отражаться в их идентичности. В Конституции были записаны «права и свободы человека», «гражданский мир и согласие», «ответственность за свою родину». Источником власти в Российской Федерации, говорится в Конституции, является её многонациональный народ (ст. 3, п. 1). Понятие «народ» в Конституции остается как термин, имеющий двойной смысл: народ как этнокультурная общность и как согражданство.

В.А. Тишков, опираясь на опыт мировой науки, писал, что национальная идентичность – это принадлежность к нации, которая «понимается как государственно-территориальная, политико-правовая общность на основе комплекса политических, историко-культурных и морально-правовых характеристик». В то же время, Э.А. Паин, оценивая российскую идентичность как проявление консолидационных процессов, сомневался в том, что у нас есть

основания интерпретировать её как гражданскую, в силу слабости гражданского общества.

Идентичность политической нации разрабатывалась политологами в гражданском смысле (Семененко И.С., Санина А.Г., Пантин В.И., Малинова О.Ю., Перегудов С.П.).

Контрверсия такого понимания обосновывалась приверженцами цивилизационного подхода. Они полагали, что «Россия складывалась не как гражданская нация, а как историческая общность, ядром которой являются русские». Основу «патриотической лояльности не смогут создавать государство и территория», т.к. гражданство России существует только с 1991 г., а территория – это «осколок Советского союза». И потому история и культура «соединяют поколения», и единство нашего общества основано на русской культуре, «русский культурный код лежит в основе нашего самосознания» (Ремизов М.В.). Странники идей РПЦ выступали против понятия «российская нация» и противопоставляли российской русскую идентичность (Щипков А.В.).

Идеологи русского национализма прогнозировали «трансформацию нынешней Российской Федерации... в русское национальное государство» (Севастьянов А.Н.), и в этом случае российская идентичность могла бы именоваться русской идентичностью.

Автором российской идентичности интерпретировалась как государственно-гражданская, включающая ответственность за дела в стране, готовность действовать во имя интересов граждан страны, доверие к окружающим, участие в политической жизни, общие ценности, солидаризирующие представления, чувство солидарности (Дробижева Л.М.).

Научные дебаты не были бесполезными, но сдвиг в сторону доктринального признания идентичности обусловили не они. Триггером стали общественные явления и, прежде всего, события на Манежной площади в Москве 16 декабря 2010 г.

В 2012 г. при Президента РФ был создан Совет по межнациональным отношениям, которому было поручено подготовить Стратегию государственной национальной политики на период до 2025 года.

В тексте Стратегии, подписанной Президентом в декабре 2012 г., впервые было зафиксировано понятие российской нации в доктринальном пространстве.

Добавления в Стратегию государственной национальной политики готовились рабочей группой Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ и Научным советом при Президиуме РАН в 2018 году, что дало преимущество научному подходу. Были включены определения ряда понятий, в том числе, общероссийской гражданской идентичности. Оно толкуется как «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества». Как видим, определение дано исходя, прежде всего, из гражданского смысла этой идентичности (понятие «самосознание» использовано потому, что оно более привычно для повседневного общения и понятно всем, кто проходил обучение истории, литературе, обществознанию, политологии). Но вместе с тем, консенсус в Стратегии достигался тем, что было внесено дополнение (п. 11): «Общероссийская гражданская идентичность осно-

вана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию». А чтобы это не воспринималось как ассимиляционная стратегия, пояснялось, что в единый культурный (цивилизационный) код входит историческое и культурное наследие всех народов Российской Федерации, и вместе с общечеловеческими принципами лучшие достижения народов интегрированы в единую российскую культуру.

Этим в доктринальном документе достигался известный баланс в поле дискутируемых смысловых противоречий.

Концептуально мы исходим из того, что российская идентичность динамично формируется в политическом, историко-культурном и геополитическом контекстах. В её конструировании ведущая роль принадлежит сейчас государству, политическим акторам, лидерам, интеллектуальной элите. Но она не может быть построена только сверху, она должна иметь основу для восприятия её в массовом сознании. Именно так она укреплялась и в политической практике России. Такая идентичность не может быть основана, как говорил Президент РФ на Валдайском форуме осенью 2013 года, на идеологической монополии. Идеология национального развития – предмет широких дискуссий. И в реальной практике мы наблюдали амбивалентность идеологических оснований понимания российской идентичности.

Тем не менее, российская идентичность получила широкое распространение в массовом сознании людей. Последние опросы ВЦИОМ, Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, Института социологии ФНИСЦ РАН фиксировали российскую гражданскую идентичность у 74–91 % российских граждан.

Европейская идентичность и европейские идентичности в политическом дискурсе ЕС

Климова Галина Сергеевна,

ИОН РАНХиГС,
заместитель декана Школы политических исследований,
и.о. зав. кафедрой политологии и политического управления,
кандидат исторических наук,
Москва, Россия,
E-mail: klimova-gs@ranepa.ru

1. Любая дискуссия о проблемах европейской идентичности не может избежать вопросов «что такое Европа?» и «где границы Европы?». Зачастую, как и мыслители прежних эпох, современные исследователи, к какой бы области знаний они не принадлежали, в своем стремлении ответить на эти непростые вопросы исходят из мысли, что Европа – это не столько место, сколько идея, во многом идея политическая. Исторически переосмысление того, что есть Европа порождало не только движение границ с Азией и даже Африкой, но и эволюцию внутренних рубежей. Деление континента на цивилизованный

юг и варварский север можно проследить и в античных текстах, и в интеллектуальном пространстве эпохи Возрождения. В результате смещения культурных и финансовых центров в Новое время были изобретены Западная и Восточная Европы. В середине XIX в. набирает популярность идея *Mitteleurope*. И хотя сегодня на политическую и концептуальную устойчивость Европы претендуют несколько организаций, прежде всего Европейский Союз, невозможно однозначно ответить на вопросы о природе и границах Европы. Брексит, дискуссии о расширении ЕС, альтернативные интеграционные проекты, дебаты евроскептиков и еврооптимистов свидетельствуют о борьбе за содержание и само право обращения к европейской идентичности.

2. Понятие «европейская идентичность» во многом имеет политическое происхождение и, как отмечает Бо Страт, изначально обладало сильной идеологической нагрузкой (Stråth, B. (2002). *A European Identity: To the Historical Limits of a Concept. European Journal of Social Theory*, 5(4), 387–401). На уровне официальных документов оно было впервые употреблено в Копенгагенской декларации 1973 г., которая во многом стала результатом поисков выхода из интеграционного кризиса. Уже к середине 1970-х гг. во время бурных дебатов вокруг доклада Тиндемманса «европейская идентичность» стала частью официального языка Европейского Сообщества. На протяжении 1980-х и начала 1990-х гг. частота употребления понятия в документах только возрастала. К моменту создания Европейского Союза «европейская идентичность» стала не только одним из ключевых компонентов политического и научного дискурсов интеграции (особую роль в этом сыграл Евробарометр), но и неотъемлемым компонентом всего интеграционного процесса.

3. Изначально европейская идентичность, безусловно, являлась элитарным политическим проектом. Но невозможно не согласиться с М. Кржижановским в том, что на дискурсивном уровне европейская идентичность неуклонно движется от идеологизированного и часто нормативного проекта к контекстуально более многообразно используемому понятию (явлению) (Krzyzanowski, M. (2010). *The Discursive Construction of European Identities*. Frankfurt am Main). Сегодня европейская идентичность существует в очень сложной системе координат. Можно выделить как минимум три оси, в которых она функционирует. Первая ось расположена между крайними точками официального «брюссельского» прочтения содержания и задач европейской идентичности (top-down) и стихийным, условно «обывательским» (bottom-up) пониманием европейской идентичности. Последнее можно определить в категориях Л. Крам как «банальный европеизм» (Cram, L. (2001). *Imagining the Union: a Case of Banal Europeanism? Interlocking Dimensions of European Integration* (pp. 233–246). N.Y.: Palgrave). Вторая ось поляризует понимание и использование понятия между условной «внутренней» идентичностью, которая выполняет функцию самоидентификации, и «публичной» идентичностью, которая обладает перформативным свойством сообщения вовне. Третья ось указывает на существование культурно-исторической и гражданской европейских идентичностей. При этом в рамках каждой из осей содержание европейской идентичности усложняется определением другого и ее связями с национальными и локальными идентичностями.

4. Если не сводить политический дискурс Европейского Союза к институтам ЕС, то разнообразие субъектов дискурса делает его похожим на много-

цветный мраморный кекс. Очевидно, что особую роль в нем играют институциональные субъекты, такие как Еврокомиссия, Европарламент и т.п. Именно с ними в первую очередь связано появление элитарного проекта европейской идентичности. Европейские политики разных уровней также являются важными субъектами политического дискурса ЕС. Занимая весь спектр от ультра-евроскептиков до ультра-еврооптимистов, эти индивидуальные субъекты активно используют европейскую идентичность в наднациональной и национальной политической борьбе. Ученые-эксперты, чьи исследовательские стратегии европейской идентичности (социологическая, историко-культурная, политико-правовая и т.д.) так или иначе оказываются политическим высказыванием, вносят свою лепту в функционирование политического дискурса ЕС. Невозможно из списка субъектов исключить медиа, которые оказываются не только каналами передачи информации, но и создают всю повестку. Граждане ЕС, как на уровне организаций, так и на уровне индивидов, также являются активными субъектами дискурса и предлагают свои видения европейских идентичностей.

5. Результаты практически регулярно проводимых социологических исследований, связанных с европейской идентичностью, – опросы граждан ЕС, глубинные интервью с политическими деятелями, в том числе сторонниками евроинтеграции и представителями правопопулистских партий (например, опросы Евробарометра, Critical Heritages (CoHERE): performing and representing identities in Europe, Zappettini, F. (2019) *European Identities in Discourse. A Transnational Citizens' Perspective*. NY. Bloosbury и т.д.), – также позволяют говорить о существовании и взаимодействии многих европейских идентичностей. В их содержании есть как общие черты (например, некоторые исторические аспекты, Вторая мировая война или ценности – демократия, впрочем, понимаемая по-разному), так и существенные расхождения (прежде всего в интерпретации соотношения национального и европейского). Анализ результатов этих социологических исследований, наряду с контекстуализированным анализом текстов в рамках исторического дискурс подхода (Reisigl, M., & Wodak, R. (2017). *The Discourse-Historical Approach (DHA) in The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies*. Routledge), указывают на эволюцию европейской идентичности от более или менее одномерного элитарного проекта к множественному и разнонаправленному дискурсивному явлению.

6. Фактически между субъектами политического дискурса ЕС идет борьба за право на европейскую идентичность и ее содержание. Понятие «европейская идентичность» остается довольно неясным. Кто европеец, а кто нет? Какие ценности разделяют европейцы? Кто может быть включен в европейское общество, а кто должен быть исключен? В результате мы получаем множество европейских идентичностей, многие из которых претендуют на универсализм. События, связанные с экономическим и миграционным кризисами, сепаратизмом разных уровней и текущей пандемией, эту борьбу только обостряют. Каждый из субъектов находится в поисках своего языка европейской идентичности, имеющего шанс быть понятым и способного установить устойчивые отношения внутри политического дискурса ЕС.

«ANIMAL DIPLOMACY» КАК НАПРАВЛЕНИЕ ПОЛИМОДАЛЬНОЙ ДИПЛОМАТИИ*

Ковба Дарья Михайловна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
научный сотрудник,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-2048-0967,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.06.2020, принята к публикации 14.08.2020

Для цитирования: Ковба Д.М. «Animal diplomacy» как направление полимодальной дипломатии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3 (40). С. 122–139. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10308

Аннотация

Целью статьи является исследование «animal diplomacy» («дипломатии животных») как одного из направлений полимодальной дипломатии. Достижение данной цели предполагает решение ряда задач: 1) определение места «animal diplomacy» в дипломатической деятельности; 2) исследование ее различных форм в исторической перспективе; 3) оценка роли данного дипломатического направления во внешней политике государств.

Методы исследования. В работе используется системный метод (при исследовании «animal diplomacy» во взаимосвязи с другими направлениями дипломатии), исторический метод (изучение генезиса данного дипломатического направления), а также общетеоретические методы – анализ (для выделения способов участия животных в дипломатии, а также особенностей отдельных разновидностей «animal diplomacy»), синтез (для обобщения полученных данных). Кроме того, «animal

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-014-00033 «Концепция полимодальной гуманитарной дипломатии: реализация, инструменты и цивилизационные модели».

diplomacy» исследуется с позиции теории «мягкой силы» как средства достижения целей на основе добровольного участия, привлекательности и симпатии.

Результаты. Утверждается, что животные исторически были частью дипломатических взаимодействий и оказывали влияние на межгосударственные отношения. Отмечается, что «animal diplomacy» рассматривается в русле двух направлений: публичное преподнесение животных в качестве дара и их символическое продвижение на международной арене. Доказывается, что «animal diplomacy», приобретая различные гибридные формы, является важным направлением полимодальной дипломатии. «Animal diplomacy» нередко становится частью повестки дня различных направлений публичной дипломатии (культурной, цифровой, экологической, научной и др.) и не связывается с конкретными целями в области международных отношений. Исследуются разновидности «animal diplomacy» в исторической перспективе («дипломатия слонов», «дипломатия утконосов», «дипломатия жирафов» и др.). Утверждается, что наибольшую известность приобрела «дипломатия панд». Заключение договоров аренды панд символизирует готовность Китая строить «гуанси» – торговые отношения, характеризующиеся доверием, лояльностью и долголетием.

Научная новизна. Доказано, что «animal diplomacy» в современном варианте не имеет отношения к взяткам или дани – ее целью является привлечение внимания общественности, демонстрация доброй воли, повышение репутации и привлекательности государства, увеличение его «мягкой силы».

Ключевые слова:

«animal diplomacy», дипломатия животных, «дипломатия слонов», «дипломатия утконосов», «дипломатия панд», Китай, полимодальная дипломатия.

UDC 327.82

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10308

“ANIMAL DIPLOMACY” AS A DIRECTION OF MULTIMODAL DIPLOMACY

Kovba Daria Mikhailovna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Researcher, Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-2048-0967,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Article received on June 15, 2020, accepted on August 14, 2020

To cite this article: Kovba D.M. (2020). "Animal diplomacy" kak napravlenie polimodal'noj diplomatii ["Animal diplomacy" as a direction of multimodal diplomacy]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(40), 122-139. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10308

Abstract

The aim of the article is to study animal diplomacy as one of the areas of multimodal diplomacy. Achieving this goal involves solving a number of tasks: 1) determining the place of animal diplomacy in diplomatic activity; 2) the study of its various forms in a historical perspective; 3) assessment of the role of this diplomatic direction in the foreign policy of states.

Research Methods. The work uses the systematic method (in the study of animal diplomacy in conjunction with other areas of diplomacy), the historical method (studying the genesis of animal diplomacy), as well as general theoretical methods – analysis synthesis (to highlight ways of animal participation in diplomacy, as well as features of individual varieties of animal diplomacy), synthesis (to summarize the data). In addition, animal diplomacy is examined from the perspective of the theory of soft power as a means of achieving goals on the basis of voluntary participation, attractiveness and sympathy.

Results. It is alleged that animals have historically been a part of diplomatic interactions and have influenced interstate relations. It is noted that animal diplomacy is considered in two ways: the public presentation of animals as a gift and their symbolic promotion in the international arena. It is proved that animal diplomacy, acquiring various hybrid forms, is an important area of multimodal diplomacy. Animal diplomacy is often part of the agenda of various areas of public diplomacy (cultural, digital, environmental, scientific, etc.) and is not associated with specific goals in the field of international relations. Varieties of animal diplomacy are studied in a historical perspective (elephant diplomacy, platypus diplomacy, giraffe diplomacy, etc.). The most famous is the panda diplomacy. The conclusion of lease agreements of pandas symbolizes China's willingness to build "Guangxi" – trade relations characterized by trust, loyalty and longevity.

Scientific novelty. It is proved that animal diplomacy in the modern version is not related to bribes or tributes – its purpose is to attract public attention, demonstrate goodwill, increase the reputation and attractiveness of the state, increase its soft power.

Keywords:

animal diplomacy, elephant diplomacy, platypus diplomacy, panda diplomacy, China, multimodal diplomacy.

Введение

Актуальность научной проблемы

С начала XXI в., одновременно с глобализацией международной среды, увеличением мобильности акторов, появилось множество новых областей ди-

пломатической деятельности, связанных с такими насущными вопросами, как изменение климата, проблемы беженцев, доступ к пресной воде, обеспечение здоровья населения, развитие интеллектуального капитала, новые формы культурных взаимодействий (Régnier, 2011, p. 1211). Данные направления дополнили традиционную национальную дипломатию. Сегодня в дипломатические взаимодействия вовлечены не только правительственные структуры, но и неправительственные организации, коммерческие предприятия, частные лица, СМИ и др. Можно утверждать, что современная дипломатия представляет собой структурно сложный гибрид, имеющий *полимодалый* характер. Данный термин предполагает *совмещение в процессе взаимодействий одновременно нескольких направлений дипломатии*. Часто эти направления взаимосвязаны или перетекают одно в другое. Одним из таких направлений является «animal diplomacy» («дипломатия животных»), которая используется для укрепления взаимоотношений, демонстрации доброй воли. Кроме того, в настоящее время данный вид дипломатии причисляют к инструментам «мягкой силы»: считается, что он может увеличить привлекательность государства в глазах международной аудитории.

Степень исследованности проблемы

Теоретические аспекты «animal diplomacy» недостаточно раскрыты в англоязычной и отечественной научной литературе. Чаще всего подобные вопросы изучаются в общем контексте дипломатических взаимодействий. Как правило, символику животных и дары животных политическими образованиями изучают в рамках дисциплины «История культуры». Для данного исследования оказались полезны труды Х. Лейры и И.Б. Неймана (Leira & Neumann, 2016), А. Торреальба (2018) и других исследователей. Ряд работ посвящен анализу отдельных направлений «animal diplomacy» – таких как дипломатия утокосов (Cushing & Markwell 2009), дипломатия слонов (Menon, 2019). Дипломатия панд – пожалуй одна из самых известных и популярных для изучения разновидностей «animal diplomacy». Ученые исследуют ее историю и этапы (Buckingham et al., 2013), использование социальных сетей, таких как «Twitter», для продвижения изображений и видео панд (Huang & Wang, 2019, 2020), дипломатию панд как направление публичной дипломатии КНР и отдельные случаи дарения этих животных другим странам (Hartig, 2013), связь дипломатии панд и стратегии построения государственного имиджа (До, 2019), роль панд в увеличении «мягкой силы» КНР (Галимзянова, 2016). Данную тематику невозможно исследовать в отрыве от новых видов дипломатии (Табаринцева-Романова, 2019), таких как публичная, культурная (Русакова и др., 2019), а также концепции «мягкой силы» (Ковба, 2017).

Цель статьи – исследование «animal diplomacy» как одного из направлений полимодалой дипломатии. Достижение данной цели предполагает решение ряда задач: 1) определение места «animal diplomacy» в дипломатической деятельности; 2) исследование ее различных форм в исторической перспективе; 3) оценка роли данного дипломатического направления во внешней политике государств.

Методы исследования. В работе используется системный метод (при исследовании «animal diplomacy» во взаимосвязи с другими направлениями дипломатии), исторический метод (изучение генезиса данного дипломатического

направления), а также общетеоретические методы – анализ (для выделения способов участия животных в дипломатии, а также особенностей отдельных направлений «animal diplomacy»), синтез (для обобщения полученных данных). Кроме того, «animal diplomacy» исследуется с позиции теории «мягкой силы» как средства достижения целей на основе добровольного участия, привлекательности и симпатии.

Результаты исследования

«Дипломатия животных» и животные в дипломатии

Животные исторически были частью дипломатических взаимодействий и оказывали определенное влияние на межгосударственные отношения. Проанализировав различные формы участия животных в дипломатии, мы выделили следующие направления:

– *животные как часть культуры*; знание истории, традиций и обычаев определенных народов помогало дипломатам и высокопоставленным чиновникам не нарушать протокол, не становиться причиной международных скандалов; одни животные объявлялись священными, другие – «нечистыми»; например, существует табу подавать индийским дипломатам говядину;

– *животные-символы* – продвижение образов животных в общей стратегии построения имиджа и бренда территории; стереотипные животные в культурной дипломатии (например, мифический китайский дракон, русский медведь);

– *животные как дар* (животных преподносили в качестве подарка или отдавали в аренду; таким образом, осуществлялась «animal diplomacy»);

– *животные как объект охраны* – переговоры, касающиеся содержания и защиты животных; охрана исчезающих видов (примером являются дипломатические переговоры о выживании видов, результатом которых стало подписание в 1975 г. Конвенции об исчезающих видах (Convention on International ... n. d.)); предметом международного диалога становятся не только редкие животные: в последнее время поднимаются вопросы, касающиеся благосостояния одомашненных животных;

– *животные как ресурс*; примером является «рыбная дипломатия» Норвегии, «тресковые войны» между Великобританией и Исландией в 1958–1976 гг., норвежско-шведские и норвежско-российские взаимоотношения, осложненные проблемой пастбищ для оленей и пересечение этими животными государственных границ (Leira & Neumann, 2016, p. 356).

Таким образом, участие животных в дипломатических взаимодействиях может быть как частью решения общедипломатических вопросов (регулярные переговоры, либо разрешение острых ситуаций), так и частью *публичной дипломатии*. Помимо «animal diplomacy», публичная дипломатия включает в себя такие направления, как культурная, научная, цифровая, экономическая и другие виды дипломатий. Целью публичной дипломатии является повышение осведомленности иностранной аудитории о стране, улучшение понимания культуры, ценностей и политики этой страны. Она также способна продвигать

национальные интересы, расширять коммуникативные возможности, сглаживать остроту межгосударственных противоречий.

Как утверждают некоторые авторы, «*animal diplomacy*» в широком ее понимании – это использование живой местной фауны в дипломатических целях, наиболее важными из которых являются повышение репутации и авторитета (Hartig, 2013, p. 52). Уточним, что, как правило, «*animal diplomacy*» рассматривается в русле двух из перечисленных выше направлений: преподнесение животных в качестве дара и их символическое продвижение на международной арене. «*Animal diplomacy*» не всегда является «чистым» направлением дипломатии, иногда она становится частью повестки дня других форм дипломатии (цифровой, экологической, научной и др.). Учитывая способность экзотических, редких, очаровательных животных привлекать внимание широкой аудитории, вызывать положительный отклик, «*animal diplomacy*» может вносить вклад в увеличение «мягкой силы» страны.

Ф. Хартиг выделяет основные требования, соблюдение которых способствует успеху «*animal diplomacy*» (Hartig, 2013, p. 55):

- легкая визуальная идентификация животного;
- ограниченность естественного распространения животного (встречается в природе в только стране-доноре, и поэтому связывается с ней);
- представление животного общественности (его должны увидеть как можно больше людей, как это обычно происходит в зоопарках или природных парках);
- выбор способов и условий распространения животных.

Наиболее важным требованием, необходимым для «завоевания сердец и умов» аудитории (увеличения «мягкой силы» страны), является визуальная идентификация животного, которое должно быть привлекательным и экзотичным. Одним из факторов, касающихся визуальной идентичности, является т. н. модель «маленького ребенка», или «миловидности», придуманная австрийским зоологом К. Лоренцем в 1943 г. (слегка выпуклый лоб, большие глаза, округлые щеки, короткие конечности и другие общекультурные признаки, вызывающие чувство умиления и желание заботиться о потомстве) (Hartig, 2013, p. 55). У ряда животных (котят, щенков, панд и др.) есть некоторые из этих черт, что делает их особенно привлекательными. Легкая визуальная идентификация животного не только привлекает посетителей зоопарка, но и СМИ; недаром одно из журналистских правил гласит, что «дети и животные всегда работают», т. е. обладают «новостной ценностью».

Дары животных в исторической перспективе

Первый задокументированный пример использования животных можно найти в Амарнском архиве, представляющем собой дипломатическую переписку на глиняных табличках между правительством Древнего Египта, его представителями на местах и другими царствами. Нубия, регулярно находящаяся в конфликтных отношениях с Египтом, но формально подчиняющаяся ему во времена Тутанхамона, часто посылала жирафов в качестве дани в столицу (Leira & Neumann, 2016, p. 347).

Несколько веков спустя, в VII в. до н.э., лошади, овцы и крупный рогатый скот преподносились в качестве дани Ассирийской империи. Существуют свидетельства о выплате дани верблюдами в период до 800 гг. до н.э. Среди одомашненных животных в качестве дара или дани преподносились лошади по причинам их активного использования на войне, в качестве транспорта и в сельском хозяйстве.

Форма обмена подарками, при которой одна сторона дарит подарок как символ подчинения, является *данью*. Тем не менее, даже в ответ на нее нередко дарителю приходили подарки меньшей или одинаковой ценности, хотя формально дань символизировала отношения *подчинения*. В истории встречались также примеры преподнесения дани в *торговых целях*. В этом случае дань была дипломатическим маневром, направленным на открытие торговых отношений и позволяющим избежать налогов на торговлю. По мере роста рыночной экономики распространенность преподнесения в качестве дани одомашненных животных стала сходить на нет. В дипломатических ритуалах все чаще начали использоваться экзотические животные – не только как символ уважения, но и как подтверждение дружеских связей (Leira & Neumann, 2016, p. 347).

Помимо желания удивить и привлечь внимание, мотивация дарения животных зависит от *характера властных отношений* между дарителем и одаряемым. Она может выражать следующие состояния:

- утверждение своего превосходства (правители Багдада, центра арабского халифата, использовали дипломатические дары как демонстрацию культурного превосходства, предлагая экзотических зверей, боевых слонов, передовые технологии (водяные часы));
- символ подчинения (церемониальные дары, дань), подчеркивание иерархии власти (правители, начальство получают все лучшее и ценное);
- выражение симпатии, признание другой стороны полезной и ценной (Олив Дикасон в 1992 г. ввел термин «*gift diplomacy*» или «подарочная дипломатия», рассматриваемая как средство преодоления недоверия и страха при существующих культурных, языковых различиях между народами (Торреальба, 2018, с. 73));
- символ баланса в отношениях («ты мне – я тебе», выражение взаимной признательности);
- «неудобный» подарок неудобным (идиома «подарить белого слона» пошла из Юго-Восточной Азии, где белый слон считался священным животным, которого нельзя было использовать для работы, продать или убить; его содержание обходилось дорого и могло разорить обладателя ненужного подарка).

Во многих случаях ответный ход на дар животного был невозможен, и в этом заключалась идея подарка. Взаимность, таким образом, была косвенной и абстрактной: за экзотического зверя можно получить не другого экзотического зверя, а политическую услугу, статус, доброжелательное отношение и т. п.

Экзотические животные в разные исторические эпохи выступали своеобразным маркером превосходства, символом статуса духовных и светских правителей. Одним из самых известных подарков был слон по имени Абуль-Аббас, подаренный Карлу Великому халифом Багдадским в 802 году. В 1514 г. недавно избранный папа Лев X получил белого слона Ханно от португальского короля Мануэля I (Hartig, 2013, p. 53). Из-за своей редкости и необычности зверь ока-

зался удачным подарком. Источники утверждают, что слон, который очень нравился папе, помог установлению прекрасных политических отношений между Португалией и Святым Престолом (Leira & Neumann, 2016, p. 350).

Хотя животные должны были, в первую очередь, доставлять удовольствие и восхищать правителя, которому они были адресованы, иногда их демонстрировали широкой публике, на которую экзотические звери производили неизгладимое впечатление. Примером этой ранней формы «animal diplomacy» как направления публичной дипломатии являются два жирафа, отправленные из Египта в Европу в XV и XIX вв. Первое животное – «жираф Медичи» был подарен египетским султаном в 1485 г. Лоренцо Медичи. Многие флорентийцы оказались свидетелями приезда жирафа и его прогулок по улицам. Второй пример – жираф, которого король Франции Карл X получил в подарок от египетского правителя, паши Мухаммеда Али. Паша надеялся, что жираф порадует французов и поможет остановить поддержку Францией греков, с которыми он в то время боролся. Хотя этот план не сработал, животное оказало большое влияние на французскую публику. После его выставления в Саду растений, в течение нескольких месяцев столица находилась «в тисках интенсивного увлечения жирафами». В первые шесть месяцев на животное пришло посмотреть около 600 тыс. посетителей; жираф стал предметом песен, стихов, политических сатир, его изображали на галстуках, обоях, текстиле (Hartig, 2013, p. 54). Без сомнения, легкая визуальная идентификация животного, его длинная шея, пятнистое тело, любопытство и дружелюбие, экзотичность для жителей Франции и демонстрация широкой публике сделали его изображение хитом того времени.

Как утверждают исследователи, «animal diplomacy» во второй половине XIX в. стала не такой интенсивной, как в предыдущие периоды истории (Leira & Neumann, 2016, p. 352). Предположительно, это связано с непрерывным исследованием внутренней части континентов: экзотические животные перестали быть эксклюзивными подарками, их можно было относительно легко добыть. Практика сократилась, но не исчезла: дары, в том числе дары животных, продолжали считать жестом доброй воли и символом будущего сотрудничества.

В качестве широко известных подарков стоит упомянуть четырех крупных осетров, которых Н. Хрущев подарил Норвегии во время его визита в эту страну в 1964 г. Рыбу передали в Бергенский аквариум (Leira & Neumann, 2016, p. 352). Интересно, что одного из осетров назвали в честь дарителя – Никитой.

«Дипломатию щенков» («puppy diplomacy») сегодня связывают с именем В.В. Путина (Puppy Diplomacy ..., 2012). Президент России не раз рассказывал в интервью о своей любви к собакам; кроме того, щенки являются позитивным информационным поводом, вызывающим неизменный интерес и умиление у аудитории. В.В. Путин получил собаку породы акита-ину во время визита министра иностранных дел Японии К. Гэмбы. Взамен В.В. Путин пообещал прислать сибирского кота. В свое время В. Путин также получил каракачанскую овчарку Баффи от главы болгарского правительства Б. Борисова, щенка алабая от президента Туркмении Г. Бердымухамедова, щенка шарпланинской овчарки по кличке Паша от президента Сербии А. Вучича и других животных (Президент Сербии подарил ..., 2019).

Рассмотрим подробнее случаи обращения к «animal diplomacy» в XX и XXI вв.

«Дипломатия слонов» и «дипломатия утконосов» в XX в.

В качестве примеров использования животных как дипломатических инструментов в XX в. обратимся к случаю Индии («дипломатия слонов») и Австралии («дипломатия утконосов»). Данные страны были выбраны не случайно: обе они стали практиковать «animal diplomacy» после обретения независимости от Великобритании (Индия получила независимость в 1947 г., Австралия – в 1942 г.) и остро нуждались в обретении нового имиджа на международной арене.

Так, со времени провозглашения независимости Индии ее правительство последовательно создавало международную репутацию открытости и щедрости. Это проявлялось в актах дарения слонов, что случалось даже в ответ на письма детей. Широко известная любовь Дж. Неру к детям, а также международная реклама, сопровождающая эти дары, способствовали продвижению дипломатических интересов молодого и бедного национального государства, стремящегося сформировать позитивный имидж. В первые полтора десятилетия после провозглашения независимости Индия отправила множество слонов в зоопарки Японии, Китая, СССР, Германии, США, Турции, Канады, Ирана, Нидерландов. *Слоны являлись символами нации и эмиссарами ее доброй воли и дружбы.*

Известен пример дарения слона японскому зоопарку. Два семиклассника подали петицию в верхнюю палату японского парламента с целью найти замену умершему слону из зоопарка Уэно. Петиция превратилась в публичную кампанию, в результате которой в правительство Токио пришло более тысячи писем от японских детей, адресованных индийскому премьер-министру Дж. Неру с просьбой прислать им слона (An elephant named Indira, n. d.).

В то время у Индии и Японии не было дипломатических отношений, поскольку Япония все еще находилась под управлением союзных держав. В результате сотрудник корпорации «Mitsubishi» воспользовался контактом с индейцем Н. Х. Нийоги, который лично знал Неру. Детские письма были переданы Нийоги, который взял их с собой в Индию.

Дж. Неру увидел в этом возможность начать отношения с послевоенной Японией. Он приказал отправить в Японию пятнадцатилетнюю слониху из штата Майсур. Интересно, что он дал ей имя Индира в честь своей дочери. В послании к японским школьникам Дж. Неру сказал, что они должны относиться к животному «не как к подарку от меня, а как к подарку от детей Индии детям Японии. Слон – благородное животное, почитаемое в Индии... Слон мудрый, терпеливый, сильный, но добрый. Я надеюсь, что все мы также будем развивать эти качества» (An elephant named Indira, n. d.). В 1949 г. слониха была доставлена в Токио. В 1952 г. между странами были официально установлены дипломатические отношения. В 1983 г. животное умерло от старости, и это печальное событие освещалось в японской прессе. Губернатор Токио Ш. Судзуки, воздавая должное животному, сказал: «Она подарила мечту японским детям и сыграла свою роль в дружбе между Японией и Индией» (Unforgettable GIFT, 2016).

По похожему сценарию слон был отправлен в Канаду: зимой 1953 г. премьер-министр Индии получил письмо от пятилетнего мальчика с просьбой прислать слона в небольшой канадский город Гранби. (Melon, 2019, p. 9). Письмо привлекло внимание канадской прессы. О нем сообщалось по радио

и национальному телевидению. Просьба мальчика была дополнена ходатайством, которое подписало более восьми тысяч детей. Суть его письма также дошла до премьер-министра Канады. В 1955 г. двухлетний слоненок по имени Амби-Ка был перевезен из индийского Мадраса в Монреаль, а оттуда доставлен в зоопарк Гранби. Представители Индийского МИДа в Канаде писали, что это событие «...без сомнения, является символом дружеского отношения и проявлением доброй воли» (Melon, 2019, p. 10)

Таким образом, дарение слонов было частью стратегии Индии при выстраивании отношений дружбы и сотрудничества с другими странами. В период, когда Индия сильно полагалась на внешнюю помощь, подарки помогали сформировать имидж доброжелательной молодой нации, исполняющей детские желания со всего мира.

Еще одним примером «animal diplomacy» в постколониальном облике является «дипломатия утконосов», к которой обращалось австралийское правительство в 1943 и 1947 годах. Дары утконосов британским и американским союзникам служили выражением доброй воли.

Длительная обособленность Австралии от остального мира способствовала наличию на ее территории ряда эндемиков – редких живых существ, существующих на изолированных территориях. Самым странным из них жителям Запада казался утконос. Это животное укрепило веру в то, что «Австралия – страна противоречий, где даже природа перевернута» (Cushing & Markwell, 2009, p. 257). В отсутствии понимания потребности этих животных, утконосы, вывезенные в XIX в., редко жили в неволе дольше нескольких недель. В начале XX в. натуралист Г. Баррел выяснил, что утконосы плохо переносят посторонние шумы, смену обстановки, присутствие человека, питаются только живой пищей. Они казались малоприспособленным видом для использования их в дипломатических целях.

Однако когда британский премьер-министр Уинстон Черчилль проявил интерес к утконосу, сообщив об этом министру иностранных дел Австралии Х. В. Эватту в начале 1943 г., тот решил инициировать первый случай «дипломатии утконосов» (Cushing & Markwell, 2009, p. 258). Ситуацию можно расценивать как типичную в том смысле, что *большинство случаев публичной дипломатии происходят между странами с высоким уровнем политической и экономической взаимозависимости, а также тесными культурными связями*. В описываемый период Австралия также ожидала помощь от Великобритании в виде истребителей и продолжения сотрудничества в вопросах обороны.

Австралийского натуралиста и специалиста по утконосам Д. Флея попросили предоставить шесть утконосов, но, беспокоясь о благополучии животных и их кормлении, он согласился предоставить только одного. После долгих технических приготовлений и написания подробной инструкции по содержанию животного, самец утконоса Уинстон начал свое 45-дневное путешествие (Cushing & Markwell, 2009, p. 260). Была запланирована *гласность*, включая радиоинтервью с бортпроводником, – необходимое условие успешной «animal diplomacy». Предполагалось, что по прибытии утконос будет размещен в Лондонском зоологическом саду до дальнейших указаний Черчилля. После долгого путешествия, во время которого животное не проявляло признаков болезни, оно было найдено мертвым 4 ноября 1943 г., за неделю до прибытия. Предположительно, утконос скончался из-за стресса, вызванного шумом разрыва глубинной бомбы, а также

сокращением рациона и напряжением неволи. Черчилль позволил Королевскому колледжу хирургов набить тело (Cushing & Markwell, 2009, p. 262).

В середине XX в. Зоологическое общество Нью-Йорка отправило Д. Флэю просьбу предоставить им несколько утконосов. Законодательство 1933 г., защищающее отдельные местные виды животных, запрещало торговлю утконосами, поэтому утконосов решили считать подарком премьер-министра Б. Чифли президенту Гарри С. Трумэну в знак признания американской военной службы для Австралии (Cushing & Markwell, 2009, p. 263).

Хотя дар утконосов вряд ли мог напрямую повлиять на американскую политику на Тихом океане, присутствие этих австралийских животных в Нью-Йорке принесло Австралии большую известность у американской общественности. Утконосы благополучно добрались до Нью-Йорка в 1947 г. Репортеры и фотографы следили за каждым этапом их путешествия. Прибытие животных в Америку стало главной темой журналов *New York Times*, *Saturday Evening Post*, *New York Herald Tribune*, *New York Sun* и *Time and Life*. Позднее выходили статьи о состоянии их здоровья и привычках. В телеграмме австралийскому агентству Ассошиэйтед Пресс говорилось: «Утконосы получают больше рекламы, чем любая другая австралийская новость в течение нескольких месяцев...» (Cushing & Markwell, 2009, p. 265). Около 4000 человек в день посещали зоопарк Бронкса. Со временем утконосы стали героями комиксов, детских книг и других культурных продуктов. В 1958 г. еще три утконоса были доставлены в США. Их прибытие также было хорошо освещено в прессе, однако животные не прожили в неволе больше года. С 1960-х гг. запрет на вывоз утконосов и большинства других местных видов стал соблюдаться более строго: австралийское правительство надеялось на увеличение потока туристов, привлеченных австралийской дикой природой (Cushing & Markwell, 2009, p. 267). Таким образом, учитывая сложность содержания утконосов в неволе, их экспорт не привел к появлению устойчивой модели «animal diplomacy», подобной китайской дипломатии панд.

Закон об охране дикой природы 1982 г. разрешил экспорт местной фауны при условии, если он мог быть осуществлен с минимальным риском для животных. Это событие позволило начать экспорт коал в страну, с которой у Австралии были самые сложные отношения – в Японию. К 1989 г. в японских зоопарках было уже 45 коал (Cushing & Markwell, 2009, p. 267). Очаровательная коала оказалась более удачным вариантом, чем непривлекательный тасманский дьявол, чувствительный к неволе утконос или трудный в содержании вомбат. В дальнейшем эти животные не раз участвовали в публичной дипломатии. Например, в 2014 г. коал использовали для фотосессии участников саммита G20 в австралийском Брисбине (Коалья дипломатия ..., 2014).

Таким образом, постколониальные Индия и Австралия пытались стратегически использовать ресурсы местной фауны с целью утверждения национальной самобытности и расширения осведомленности об этих странах у жителей остального мира. История показала, что дары утконосов не повлияли на радикальное изменение политики Великобритании и США (Австралия получила меньшую военную поддержку от Великобритании, чем рассчитывала, а США не отказались от подозрений лейбористского правительства Австралии в поддержке коммунизма). Подчеркнем, что «animal diplomacy» как направление публичной дипломатии обычно не связана с конкретными целями международных отношений:

она является своеобразной «мягкой силой», увеличивающей привлекательность страны и формирующей благоприятную международную среду.

«Дипломатия панд» как направление публичной дипломатии КНР

Дары гигантских панд Китаем – пожалуй, наиболее яркий пример современной «animal diplomacy». Как утверждают китайские исследователи, «дипломатия панд» имеет глубокие исторические корни: в эпоху династии Тан (624–705 гг.) две панды были преподнесены японцам. Однако современная «дипломатия панд» началась в конце 1950-х годов как часть внешнеполитической стратегии председателя Мао Цзэдуна (Buckingham et al., 2013, p. 263). Можно выделить три этапа ее развития.

1) На первом этапе, в эпоху Мао Цзэдуна (в 1960-х и 1970-х годах), «дипломатия панд» имела форму подарков от Китая для создания стратегических дружеских отношений и признания КНР как растущего государства. Первые подарки были вручены в 1965 г. Н. Хрущеву и Ким Ир Сену. Впоследствии панды были подарены президенту США Р. Никсону и премьер-министру Великобритании Э. Хиту во время их исторических государственных визитов в Китай в 1972 и 1974 гг., соответственно. В этот период КНР подарил более двадцати панд.

2) Второй этап начался с приходом к власти Дэн Сяопина в 1978 г., когда подарки приняли форму подарочных займов – использовалась капиталистическая модель аренды. Цель «animal diplomacy» сместилась с геополитики на перспективные рынки: престижным зоопаркам в странах, считавшихся важными рынками сбыта китайских товаров, была предложена возможность аренды панд. Стоимость аренды панды составляла около 50000 долл. США в месяц. В 1991 г. для удовлетворения требований специалистов по охране природы и соответствия конвенции СИТЕС¹ китайские власти отказались от краткосрочной аренды панд в пользу долгосрочной.

3) На текущем третьем этапе аренда панд связана с государствами, снабжающими Китай ценными ресурсами и технологиями, и символизирует готовность Китая строить «гуанси» («связи, поддержка, социальный капитал»), – торговые отношения, характеризующиеся доверием, взаимностью, лояльностью и долголетием. Толчком для третьего этапа послужило землетрясение в Сычуани 2008 г., частично уничтожившее среду обитания животных (в переселении нуждалось 60 панд). Выходом стало продление истекавших договоров аренды и предложение панд новой группе стран, с которыми Китай вел торговые переговоры (Buckingham et al., 2013, p. 264).

В современных арендных сделках прослеживаются две закономерности: в них принимают участие, во-первых, соседние азиатские страны, с которыми Китай подписал Соглашение о свободной торговле, а во-вторых, – страны, снабжающие КНР природными ресурсами и передовыми технологиями. В этом смысле показателен случай Канады. Попытки этой страны получить панд долгое время были безуспешными. Пекин закономерно отказывал в займе панды во время охлаждения отношений между странами в 2006 г., сопровождавшимися

¹ Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения.

обвинениями Китая со стороны Оттавы в коммерческом шпионаже, критикой ситуации с правами человека, присвоением награды «Почетное гражданство Канады» Далай-Ламе. Со временем Канада изменила политический курс, признав примат торговых отношений (Hartig, 2013, p. 71). В результате подписание договора аренды панд прошло параллельно с большим портфелем долгосрочных контрактов на поставку в КНР оксида урана до 2025 г., нефтепродуктов и других продуктов. Аналогичным образом арендные договоры с другими странами сопровождалась крупными контрактами. Эти случаи демонстрируют *символическую ценность «дипломатии панд»*. Панды являются не просто частью более крупной сделки, – скорее, они представляют собой печать одобрения, стремление к долгосрочным взаимовыгодным отношениям.

В КНР «дипломатию панд» определяют как *особый вид «animal diplomacy» в рамках публичной дипломатии*. Если образовательные обмены, культурные программы, продвижение киноиндустрии и литературы, расширение международного вещания, проведение мероприятий международного уровня считаются традиционными инструментами публичной дипломатии, то «дипломатию панд» (вместе с инвестиционной деятельностью и целой армией китайских блогеров) относят к уникальным инструментам публичной дипломатии КНР (Пешкова, 2019, с. 72).

Исследователи утверждают, что «дипломатия панд» является «неотъемлемой частью «мягкой силы» Китая, т. к. панды могут легко покорить сердца людей в зарубежных странах... и завоевать благосклонность при оценке Китая» (Hartig, 2013, p. 50). Некоторые эксперты и вовсе считают «дипломатию панд» «лучшей формой публичной дипломатии Китая» (Lugar, 2001, p. 21). Успех «дипломатии панд» можно объяснить соблюдением четырех описанных выше принципов:

- *Легкая идентификация животных и их привлекательность*. Пандам присуща описанная К. Лоресом «миловидность»; в отличие от дракона, который ассоциируется в странах Запада с китайской угрозой, панду воспринимают как миролюбивое и добродушное животное.

- *Ограниченный ареал*. В естественной природе панда встречается только в горных районах Китая.

- *Способ и условия распространения*. Затраты на аренду и содержание панды значительны, поэтому, гипотетически, она может стать современным «белым слоном». Тем не менее, обычно желание крупных зоопарков мира получить панду так велико, что они согласны финансировать данный инструмент китайской дипломатии. С точки зрения вовлечения аудитории не важно, подарена ли панда или арендована, – она в любом случае вызывает интерес аудитории.

- *Вовлечение наиболее широкого круга общественности*. Если в описанных выше кейсах предусматривались следующие виды взаимодействия с публикой: посещение зоопарка, демонстрация животных прохожим, освещение их состояния по телевизору и радио, использование печатных СМИ, то в XXI в. инструментарий расширился за счет новых медиа, и Китай стал активно их использовать. Возможность публикации фотографий и видео панд в социальных сетях была как нельзя кстати в момент перехода от жесткого пропагандистского типа публичной дипломатии КНР к более мягкой литературной форме.

Контент-анализ постов в социальной сети Twitter, содержащих изображения панды, показал, что наиболее частой целью поста было «улучшение

китайско-иностранных отношений» ($n = 253$), следующая по частоте задача – «развлекать» ($n = 251$), затем – «продвигать китайскую культуру, достопримечательности или продукты» ($n = 125$) и «для обучения» ($n = 115$); при этом твиты, содержащие видео, получали больше «лайков», чем твиты со статичными изображениями (Huang & Wang, 2020, p. 8). Ученые установили, что использование изображений панд в социальных сетях является довольно политизированной практикой. Образы панд используются, в том числе, для скрытого продвижения политики КНР. Таким образом, панды являются важным ресурсом еще и цифровой дипломатии Пекина (Huang & Wang, 2020, p. 19).

Фактически «дипломатия панд» не является «чистым» направлением публичной дипломатии. Символическое продвижение панд происходит также посредством инструментария цифровой дипломатии (в том числе, твиттер-дипломатии), научных (исследование различных аспектов жизни панд) и культурных контактов, а также в общем русле обсуждения вопросов экологии на международном уровне. Данный кейс подтверждает тезис о невозможности четкого разграничения отдельных направлений дипломатии в XXI в. и необходимости более широкого взгляда на существующие дипломатические практики.

Заключение

Таким образом, «animal diplomacy» можно считать одним из направлений полимодальной дипломатии (включающей в себя традиционные и новые формы дипломатических взаимодействий). Сама по себе она также не всегда является «чистым» направлением дипломатии, становясь частью повестки дня других форм дипломатии. Благодаря способности вызывать заинтересованность аудитории, формировать благоприятное общественное мнение, она является инструментом «мягкой силы» государства. Рассмотренные исторические примеры показали, что «animal diplomacy», скорее, создает благоприятную среду для продвижения своих интересов и редко связана с конкретными целями в области международных отношений.

Ключевые факторы успеха «animal diplomacy» включают легкую визуальную идентификацию животного, уникальную географическую среду его обитания, а также способы, которые государство использует для его распространения и представления животного иностранной публике. Наиболее важным фактором из перечисленных является визуальная идентификация: чем уникальней и привлекательней животное, тем больше вероятность получения благоприятной обратной связи от публики. Второй по значимости фактор – вовлечение в «animal diplomacy» максимально широкой аудитории. В более ранние исторические периоды практиковалась демонстрация животных в общественных местах, в XX в. к этому способу прибавилось освещение состояния животного в газетах, по радио и телевидению. В XXI в., благодаря развитию цифровых технологий, появилась возможность непрерывного контакта с аудиторией в различных социальных сетях и развлекательных каналах в сети Интернет. Эти инструменты сегодня активно используются в КНР при реализации «дипломатии панд». Данный вид дипломатии можно считать одним из самых удачных и широко известных проектов, направленных на смягчение имиджа страны, укрепление дружеских и партнерских отношений. Можно заключить, что сегодня животные

уже не являются взяткой или данью – они призваны привлекать внимание, внести элементы позитива и креатива в дипломатию, повысить привлекательность страны, а значит, увеличивать ее «мягкую силу».

Список литературы

1. Галимзянова, А.К. (2016). Бамбуковый медведь как символ «мягкой силы». *Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир*, 4(10), 149–159.
2. До, У (2019). Китайская «дипломатия панд» и имидж государства. *Общество: политика, экономика, право*, 3(68), 25–28.
3. *Коалья дипломатия: мировые лидеры с приятной стороны* (2014, 17 ноября). Взято 25 мая 2020, с https://inosmi.ru/photo/20141117/224319847_224318860.html
4. Ковба, Д.М. (2017). «Мягкая сила» в китайской политической науке и практике. *XX Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования»* (с. 2002–2010). Екатеринбург: УрФУ.
5. Пешкова, Е.С. (2019). Стандартные и уникальные инструменты публичной дипломатии Китая. В Т.Н. Кучинская (Ред.), *Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации. Материалы XI Международной научно-практической конференции* (с. 67–74). Чита: ЗабГУ.
6. *Президент Сербии подарил Путину новую собаку. Какие еще животные у него есть?* (2019, 17 января). Взято 5 июня 2020, с <https://www.bbc.com/russian/features-41578729>
7. Русакова, О.Ф., Ковба, Д.М., Грибовод, Е.Г. (2019). Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» стран ШОС. В О.Ф. Русакова (Ред.). *Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: Сборник научных трудов по итогам Второй Всероссийской научно-практической молодежной конференции* (с. 95–112). Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи».
8. Табаринцева-Романова, К.М. (2019). «Новые» виды дипломатии XXI в.: культурная дипломатия в современном международном дискурсе. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 3(36), 26–37. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10302
9. Торреальба, А.А. (2018). Роль «живых подарков» в дипломатии. *Дипломатическая служба*, 2, 73–83.
10. *An elephant named Indira*. (n. d.). Retrieved May 21, 2020, from <https://www.thetropicalist.press/2017/05/an-elephant-named-indira/>
11. Buckingham, K.C., David, J.N.W., & Jepson, P. (2013). Environmental Reviews and Case Studies: Diplomats and Refugees: Panda Diplomacy, Soft «Cuddly» Power, and the New Trajectory in Panda Conservation. *Environmental Practice*, 15(3), 262–270. doi: 10.1017/s1466046613000185
12. *Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora*. (n. d.). Retrieved June 05, 2020, from <https://www.cites.org/eng/disc/text.php>
13. Cushing, N., & Markwell, K. (2009). Platypus diplomacy: animal

gifts in international relations. *Journal of Australian Studies*, 33(3), 255–271. doi: 10.1080/14443050903079664

14. Hartig, F. (2013). Panda Diplomacy: The Cutest Part of China's Public Diplomacy. *The Hague Journal of Diplomacy*, 8(1), 49–78. doi: 10.1163/1871191x-12341245

15. Huang, Z. A., & Wang, R. (2019). «The New «Cat» of the Internet: China's Panda Diplomacy on Twitter». *Big Ideas in Public Relations Research and Practice*, 4, 69–85. <https://doi.org/10.1108/S2398-391420190000004006>

16. Huang, Z. A., & Wang, R. (2020). «Panda engagement» in China's digital public diplomacy. *Asian Journal of Communication*, 30, 1–23. doi: 10.1080/01292986.2020.1725075

17. Leira, H., & Neumann, I. B. (2016). Beastly Diplomacy. *The Hague Journal of Diplomacy*, 12(4), 337–359. doi: 10.1163/1871191x-12341355

18. Lugar, R. G. (2011). *Another US Deficit: China and America – Public Diplomacy in the Age of the Internet*. Washington, DC: Committee on Foreign Relations, US Senate.

19. Menon, N. (2019, March 1). *Jumbo Exports. India's history of elephant diplomacy*. Retrieved May 25, 2020, from <https://caravanmagazine.in/lede/india-history-elephant-diplomacy>

20. *Puppy Diplomacy: Putin Gets Pets Wrapped With a Bow*. (2012, August 2). Retrieved June 01, 2020, from <https://www.themoscowtimes.com/2012/08/02/puppy-diplomacy-putin-gets-pets-wrapped-with-a-bow-a16752>

21. Régnier, P. (2011). The emerging concept of humanitarian diplomacy: identification of a community of practice and prospects for international recognition. *International Review of the Red Cross*, 93(884), 1211–1237. doi: 10.1017/s1816383112000574

22. *Unforgettable GIFT*. (2016, November 14). Retrieved May 21, 2020, from <https://www.thehindu.com/children/Unforgettable-GIFT/article16388768.ece>

References

1. *An elephant named Indira*. (n. d.). Retrieved May 21, 2020, from <https://www.thetropicalist.press/2017/05/an-elephant-named-indira/>

2. Buckingham, K. C., David, J. N. W., & Jepson, P. (2013). Environmental Reviews and Case Studies: Diplomats and Refugees: Panda Diplomacy, Soft «Cuddly» Power, and the New Trajectory in Panda Conservation. *Environmental Practice*, 15(3), 262–270. doi: 10.1017/s1466046613000185

3. *Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora*. (n. d.). Retrieved June 05, 2020, from <https://www.cites.org/eng/disc/text.php>

4. Cushing, N., & Markwell, K. (2009). Platypus diplomacy: animal gifts in international relations. *Journal of Australian Studies*, 33(3), 255–271. doi: 10.1080/14443050903079664

5. Do, U. (2019). Kitajskaya «diplomatiya pand» I imidzh gosudarstva [Chinese «pandas diplomacy» and state image]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 3(68), 25–28.

6. Galimzyanova, A.K. (2016). Bambukovyj medved' kak simbol «myagkoj sily» [Bamboo bear as a symbol of “soft power”]. *Vestnik diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir*, 4(10), 149–159.
7. Hartig, F. (2013). Panda Diplomacy: The Cutest Part of China’s Public Diplomacy. *The Hague Journal of Diplomacy*, 8(1), 49–78. doi: 10.1163/1871191x-12341245
8. Huang, Z.A., & Wang, R. (2019). The New “Cat” of the Internet: China’s Panda Diplomacy on Twitter. *Big Ideas in Public Relations Research and Practice*, 4, 69–85. <https://doi.org/10.1108/S2398-391420190000004006>
9. Huang, Z.A., & Wang, R. (2020). “Panda engagement” in China’s digital public diplomacy. *Asian Journal of Communication*, 30, 1–23. doi: 10.1080/01292986.2020.1725075
10. *Koal'ya diplomatiya: mirovye lidery s priyatnoj storony* [Koala diplomacy: world leaders on the good side]. (2014, November 17). Retrieved May 25, 2020, from https://inosmi.ru/photo/20141117/224319847_224318860.html
11. Kovba, D.M. (2017). “Myagkaya sila” v kitajskoj politicheskoy nauke i praktike [Soft Power in Chinese Political Science and Practice]. *XX Mezhdunarodnaya konferenciya pamyati professora L.N. Kogana “Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opy empiricheskogo issledovaniya”* (pp. 2002–2010). Ekaterinburg: UrFU.
12. Leira, H., & Neumann, I.B. (2016). Beastly Diplomacy. *The Hague Journal of Diplomacy*, 12(4), 337–359. doi: 10.1163/1871191x-12341355
13. Lugar, R.G. (2011). *Another US Deficit: China and America – Public Diplomacy in the Age of the Internet*. Washington, DC: Committee on Foreign Relations, US Senate.
14. Menon, N. (2019, March 1). *Jumbo Exports. India’s history of elephant diplomacy*. Retrieved May 25, 2020, from <https://caravanmagazine.in/lede/india-history-elephant-diplomacy>
15. Peshkova, E.S. (2019). Standartnye i unikal'nye instrumenty publichnoy diplomatii Kitaya [Standard and Unique Tools of China’s Public Diplomacy]. In T.N. Kuchinskaya (Ed.), *Aktual'nye problemy razvitiya KNR v processe eyo regionalizatsii i iglobalizatsii. Materialy XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii* (pp. 67–74). Chita: ZabGU.
16. *Prezident Serbii podaril Putinu novuyu sobaku. Kakie eshche zivotnye u nego est'?* [The President of Serbia gave Putin a new dog. What other animals does he have?]. (2019, January 17). Retrieved June 5, 2020, from <https://www.bbc.com/russian/features-41578729>
17. *Puppy Diplomacy: Putin Gets Pets Wrapped With a Bow*. (2012, August 2). Retrieved June 01, 2020, from <https://www.themoscowtimes.com/2012/08/02/puppy-diplomacy-putin-gets-pets-wrapped-with-a-bow-a16752>
18. Régnier, P. (2011). The emerging concept of humanitarian diplomacy: identification of a community of practice and prospects for international recognition. *International Review of the Red Cross*, 93(884), 1211–1237. doi: 10.1017/s1816383112000574
19. Rusakova, O.F., Kovba, D.M., & Gribov, E.G. (2019). Kul'turnaya diplomatiya kak instrument “myagkoj sily” stran SHOS [Cultural diplomacy as an instrument of soft power of the SCO countries]. In O.F. Rusakova (Ed.), *Mobility*

as a Soft Power Dimension: Theory, Practice, Discourse: Proceedings of the Second All-Russian Scientific and Practical Youth Conference (pp. 95–112). Ekaterinburg: Publishing House “Discourse-P”.

20. Tabarinceva-Romanova, K.M. (2019). “Novye” vidy diplomatii XXI v.: kul’turnaya diplomatiya v sovremennom mezhdunarodnom diskurse [“New” types of diplomacy of the 21st century: cultural diplomacy in modern international discourse]. *Scientific Journal “Discourse-P”*, 3(36), 26–37. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10302

21. Torreal’ba, A.A. (2018). Rol’ “zhivyyh podarkov” v diplomatii [The role of “living gifts” in diplomacy]. *Diplomaticheskaya sluzhba*, 2, 73–83.

22. *Unforgettable GIFT*. (2016, November 14). Retrieved May 21, 2020, from <https://www.thehindu.com/children/Unforgettable-GIFT/article16388768.ece>

НОВЫЕ МЕДИА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Попцов Дмитрий Александрович,

Аппарат Губернатора и Правительства Свердловской области,
Заместитель начальника Управления системного мониторинга,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: polden2020@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 06.05.2020, принята к публикации 14.08.2020

Для цитирования: Попцов Д.А. Новые медиа в контексте формирования общественного мнения // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3 (40). С. 140-152. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10309

Аннотация

Цели исследования: на основе данных социологических служб провести компаративный анализ традиционных и новых медиа; сопоставить степень их проникновения в жизнь людей; проанализировать возможности влияния новых медиа на общественное мнение; оценить эффективность такого влияния на примере конкретных общественно-политических событий.

На основе двух кейсов (Майские протесты в Екатеринбурге в связи со строительством храма св. Екатерины и Правительственный кризис в Австрии в мае 2019 года) проводится анализ специфики использования новых медиа для формирования информационной повестки и воздействия на общественное мнение. Анализируются выступления и заявления лидеров общественного мнения (Познер, Проханов, Патриарх Кирилл). С помощью статистических данных определяется эффективность использования различных каналов распространения информации с помощью новых медиа.

В статье дается определение новых медиа, выделяются их типы и признаки, приводятся социологические данные о проникновении новых медиа в общество. Имеющиеся сведения об особенностях распространения новых медиа и их использования массовой аудиторией позволяют на конкретных примерах продемонстри-

© Попцов Д.А., 2020

ровать, каким образом они меняют общественное мнение по отдельным вопросам в случае их целенаправленного и широкомасштабного подключения к освещению тех или иных событий.

Фиксируются различия протестных выступлений в Екатеринбурге против строительства храма св. Екатерины с использованием новых медиа (2019 год) и без их применения (2018 год). Подводятся итоги протестных выступлений в Екатеринбурге в контексте использования новых медиа.

Ключевые слова:

новые медиа, цифровые медиа, социальные медиа, общественное мнение, протест, информационная повестка.

UDC 323.2

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10309

NEW MEDIA IN THE CONTEXT OF PUBLIC OPINION FORMATION

Poptsov Dmitriy Aleksandrovich,

Administration of the Governor and Government of the Sverdlovsk region,
Deputy head of the System Monitoring Department of the Governor
and Government of the Sverdlovsk region,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: polden2020@yandex.ru

Article received on May 6, 2020, accepted on August 14, 2020

To cite this article: Poptsov D.A. (2020). Novye media v kontekste formirovaniya obshchestvennogo mneniya [New media in the context of public opinion formation]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(40), 140-152. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10309

Abstract

Research objectives: based on the data of sociological services to conduct a comparative analysis of traditional and new media; to compare the degree of their penetration into people's lives; to analyze the possibilities of new media influence on public opinion; to evaluate the effectiveness of such influence on the example of specific socio-political events.

Based on two cases (the May protests in Ekaterinburg in connection with the construction of St. Catherine's Church and the Government crisis in Austria in may 2019), the author analyzes the specifics of using new media to shape the information agenda and influence public opinion. The article analyzes the speeches and statements of public opinion leaders (Posner, Prokhanov, Patriarch Kirill). Statistical data is used to determine

the effectiveness of using various channels of information dissemination through new media.

The article defines new media, identifies their types and characteristics, provides sociological data on the penetration of new media into society. The available information about the features of the distribution of new media and their use by a mass audience allows us to demonstrate with concrete examples how they change public opinion on specific issues if they are purposefully and widely connected to the coverage of various events.

There are recorded the differences between protest actions in Ekaterinburg against the construction of St. Catherine's Church using new media (2019) and without their use (2018). The results of protest actions in Ekaterinburg in the context of the use of new media are summarized.

Keywords:

new media, digital media, social media, public opinion, protest, news agenda.

Широкое развитие информационных технологий в 90-х годах XX века, существенный рост скорости передачи данных, повсеместное распространение сети Интернет, взрывное развитие рынка мобильных и цифровых устройств, – все это стало необходимым условием для появления так называемых «новых медиа».

Цифровые медиа связаны преимущественно с технической стороной создания медиа-продукта, в рамках которого происходит отказ от прежних – аналоговых носителей информации вследствие глобальной компьютеризации.

Так, В.Ф. Олешко и О.В. Малик указывают, что данное понятие «включает в себя не только цифровые средства массовой информации, но и любые цифровые носители информации (тексты, изображения, видео, музыкальные произведения, компьютерные программы, элементы интерфейсов и др.), а также медиапродукты, которые требуют непосредственного физического участия аудитории (видеоигры, сетевые базы данных и др.)» (Олешко, Малик, 2017, с. 6). То есть цифровые медиа являются разновидностью новых медиа, но они связаны, прежде всего, с созданием и воспроизводством цифрового контента.

Сетевые средства массовой информации – вид цифровых медиа, под которым понимается «сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», зарегистрированный в качестве средства массовой информации в соответствии с Законом РФ «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 № 2124–1 (О средствах массовой информации ..., 1991).

Социальные медиа – вид цифровых медиа, отличительной особенностью которых является использование в качестве преимущественного канала транслирования медиа-контента социальных сетей, а также других сетевых коммуникационных площадок. Среди них присутствуют:

- блоги и микроблоги;
- социальные сети;
- интернет-форумы;
- фото-, видео- и аудиохостинг;
- совместная работа (гуглдокс, вики и др.);
- онлайн игры;

- социальные агрегаторы;
- электронная почта.

При этом по достижению определенного количества подписчиков, в соответствии с требованием законодательства РФ, отдельные социальные платформы обязаны регистрироваться в качестве средств массовой информации.

В самом общем виде, основным типом новых медиа являются цифровые медиа, разновидностями которых выступают сетевые СМИ и социальные медиа.

В целом цифровые СМИ «не могут быть приравнены к традиционным, поскольку представляют собой самостоятельные программные продукты, которые отличаются мультимедийностью, интерактивностью, возможностью обеспечить «обратную связь» как аудитории, так и их разработчикам» (Олешко, Малик, 2017, с. 6). Выделяют следующие отличительные признаки новых медиа: интерактивность, трансграничность, мультимедийность, наличие личного контакта, анонимность (Олешко, Малик, 2017, с. 8).

Всеобщая компьютеризация, использование мобильных устройств, доступность каналов передачи данных, высокоскоростной Интернет – вот те предпосылки, которые во многом предопределили изменение баланса аудитории традиционных и новых медиа. Так, согласно данным фонда «Общественное мнение» (ФОМ), почти 70 % граждан (69 %) пользуются сетью Интернет, 56 % смотрят новости в Интернете, 22 % не смотрят новости. Доля граждан, которые смотрят ТВ, составляет 85 % (СМИ: ТВ и интернет ..., 2019). По данным Левада-Центра, эта доля несколько ниже – 72 % (Волков, Гончаров, 2019, с. 2). Новости на «Первом канале» смотрят 47 % граждан, 43 % – на «России 1», 27 % – НТВ (СМИ: ТВ и интернет ..., 2019).

Таким образом, ТВ и Интернет являются сопоставимыми по охвату аудитории источниками новостей, при этом многие граждане совмещают просмотр ТВ-передач и изучение новостей в Глобальной сети.

Обращает внимание, что в Интернете новости чаще всего просматривают в поисковиках, доля которых в новостном контенте достигает 39 %, на втором месте – социальные сети с показателем 26 % (СМИ: ТВ и интернет ..., 2019). По данным Левада-Центра, аудитория социальных сетей несколько больше и составляет 34 % (Волков, Гончаров, 2017). Но в общем новости являются скорее фоном, нежели чем целью использования Глобальной сети отдельными пользователями.

Из поисковиков чаще всего читают новости в «Яндексе» (31 %), на втором месте – «Гугл» (17 %). Среди социальных сетей лидируют «ВКонтакте» (16 %), далее Instagram (11 %), «Одноклассники» (9 %), Facebook (9 %) (СМИ: ТВ и интернет ..., 2019). Среди самых популярных источников новостей в Глобальной сети – интернет-СМИ. Их доля составляет от 13 % до 32 % (СМИ: ТВ и интернет ..., 2019). Именно данный сегмент можно рассматривать в качестве специализированного источника новостей, однако, в отличие от традиционных газет или телевизионных передач, здесь нет ограничений по полосам, тиражу или хронометражу. Новости доступны 24 часа в сутки, а длина информационной ленты может измеряться годами (в случае наличия открытого электронного архива новостей на сайте).

Среди Интернет-изданий лидируют в плане числа обращений vesti.ru (14 %), lenta.ru (9 %), rian.ru (8 %), aif.ru (7 %), gazeta.ru (3 %), meduza.io (3 %),

rbc.ru (2 %) (СМИ: ТВ и интернет ..., 2019). Левада-Центр указывает, что наиболее популярными Интернет-источниками новостей являются «Яндекс.Новости» (39%), mail.ru (15%), lenta.ru (10%), sports.ru (4%), rbc.ru (4%), gazeta.ru (4%), meduza.io (2 %) (Волков, Гончаров, 2017).

Закрывают рейтинг популярности новостей в сети Интернет мессенджеры, доля которых составляет 8 % (СМИ: ТВ и интернет ..., 2019). Характерная черта этого новостного сегмента – оперативность и краткость подачи информации.

Приведенные данные социологических служб показывают:

- во-первых, реальную конкуренцию между традиционными и новыми медиа за внимание аудитории в части новостного контента;
- во-вторых, популярность интернет-СМИ как источника информации серьезно уступает поисковикам и социальным сетям;
- в-третьих, на текущем этапе новые медиа, помимо специализированных новостных средств массовой информации, могут предложить своей аудитории фоновый (но при этом оперативно обновляемый) новостной контент, что позволяет существенно расширить круг потребителей информации;
- в-четвертых, полиформатность новых медиа позволяет обеспечить транслирование соответствующего новостного контента для разных целевых групп, как заинтересованных в получении информации, так и использующих ресурсы Глобальной сети для других задач;
- в-пятых, мессенджеры как источник информации на текущем этапе своего развития существенно уступают другим новым медиа с точки зрения популярности и охвата аудитории.

Вместе с тем, имеющиеся сведения об особенностях распространения новых медиа и их использования массовой аудиторией позволяют на конкретных примерах (кейсах) продемонстрировать, как и каким образом они меняют общественное мнение по отдельным вопросам в случае их целенаправленного и широкомасштабного подключения к освещению тех или иных событий.

В нашей статье мы рассмотрим два кейса, связанных, на первый взгляд, с совершенно разными ситуациями, но, однако, демонстрирующих важную для нас закономерность – рост влияния новых медиа на итоги разрешения социально-политических конфликтов. Первый кейс относится к освещению медиаканалами протестных выступлений в г. Екатеринбурге относительно выбора места строительства нового православного храма. Второй кейс касается вопроса о влиянии медиа на процесс развёртывания политического кризиса в Австрии (весна-лето 2019 года).

Кейс 1.

Протестные выступления жителей г. Екатеринбурга в мае 2019 г. против строительства храма св. Екатерины в сквере возле Театра драмы

В мае 2019 года в Екатеринбурге прошла серия протестных акций против строительства храма святой Екатерины (небесной покровительницы города) в историческом центре города, а именно, возле сквера около Свердловского государственного академического театра драмы. Протесты продолжались несколько дней. Суммарно в них приняли участие около 10 тыс. человек. Основная причина

конфликта – недовольство горожан выбором местными властями площадки под строительство храма, предполагающей ликвидацию сквера (Хроника и Анатомия протеста в Екатеринбурге, 2019).

Следует отметить, что ранее, в течение 2018 года, состоялось несколько протестных акций против строительства так называемого храма-на-воде – альтернативном месте строительства храма святой Екатерины, для размещения которого предполагалось создать искусственный остров в акватории городского пруда (Бардин, 2016). Тогда данный проект, не будучи поддержанный населением города, был отклонён.

Заметим, что ядро протестующих в 2018 году по своему составу было почти таким же, как в 2019 году. Однако в 2018 г. массовых протестных выступлений всё же удавалось избегать. По нашему мнению, одной из причин существенного роста протестной активности граждан в мае 2019 года стало широкомасштабное медийное освещение конфликта, возникшего по поводу выбранного властями нового места для строительства храма – в городском сквере, рядом с Театром драмы.

Необходимо подчеркнуть, что в августе 2018 года, после отказа областных властей от строительства храма-на-воде, фонд «Социум» провел социологическое исследование, в ходе которого изучалось мнение горожан относительно строительства культового сооружения. Согласно полученным данным, среди тех, кто проживал вблизи места размещения будущего храма, положительно отнеслись к нему свыше 55 % респондентов, отрицательно – чуть больше 21 %. По городу в целом доля тех, кто в 2018-м году положительно отнесся к идее будущего храма, составила более 41 %, отрицательно – около 24 % (Ольшаников, 2019). Полученные результаты опроса показали, что горожане тогда в большинстве своем поддержали идею строительства храма-на-воде.

Совсем другую картину общественных настроений мы видим из данных социологического опроса, проведенного ВЦИОМ сразу же после завершения протестных акций мая 2019 года: лишь 10 % горожан поддержали выбор места будущей стройки, 74 % охарактеризовали предлагаемый властями выбор места под строительство храма как неудачный (Город и храм: опрос ВЦИОМ в Екатеринбурге, 2019). Опрос также выявил высокий уровень информированности жителей Екатеринбурга о возникшем конфликте по поводу места строительства храма: о нём знало 94 % опрошенных.

Можно констатировать, что доля выступающих против строительства храма в мае 2019 г. существенно увеличилась по сравнению с 2018 г. – почти в четыре раза (с 24 % до 74 %), а доля апологетов стройки, соответственно, снизилась практически в пять раз (с 55 % до 10 %) (Город и храм: опрос ВЦИОМ в Екатеринбурге, 2019).

Приведенные социологические данные свидетельствуют о двух важных трендах, связанных с трансформациями, произошедшими в массовом сознании горожан в отношении нового проекта строительства храма, а именно:

- во-первых, отмечается крайне высокая информированность горожан о сложившейся конфликтной ситуации;
- во-вторых, фиксируется серьезный перелом в общественных настроениях: резкое снижения (пятикратное) доли сторонников новой идеи о выборе места строительства храма и существенный рост (четырёхкратный) доли её противников.

На наш взгляд, высокий уровень информированности жителей г. Екатеринбурга о данной конфликтной ситуации, а также произошедшее существенное изменение в соотношении сторонников/противников стройки были обусловлены в значительной степени заметным ростом активного влияния на состояние массового сознания со стороны СМИ, и прежде всего – новых медиа. Так, согласно данным агентства М-13 (система онлайн-мониторинга СМИ, 40000 источников), более 58% от общего числа сообщений СМИ, опубликованных в России по поводу протестов против строительства церковных сооружений, состоявшихся в последние 5 лет, приходится на освещение конфликтов, складывающихся вокруг строительством храма святой Екатерины (Освещение в СМИ протестов против строительства православных храмов, 2015–2019 гг., 2019). При этом соотношение доли федеральных/местных СМИ в рамках освещения событий в Екатеринбурге составило, соответственно, 63% и 37%. То есть локальная протестная повестка столицы Среднего Урала стала фактическим событием федерального масштаба.

Действительно, в период протестной кампании ситуацию в Екатеринбурге в разное время прокомментировали: Президент РФ В.В. Путин (Путин – о противостоянии в Екатеринбурге ..., 2019); Председатель Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко (Валентина Матвиенко – о конфликте в Екатеринбурге ..., 2019); Патриарх Московский и всея Руси Кирилл (Патриарх Кирилл заявил ..., 2019); телеведущий В.В. Познер (Победа гражданского общества: Познер о ..., 2019); писатель и публицист А.А. Проханов (Александр Проханов: Дело Голунова А. ..., 2019).

Следует также отметить большое разнообразие медиаканалов, освещающих конфликтную ситуацию, сложившуюся в Екатеринбурге в мае 2019 г. Сюжеты, посвященные данной ситуации, вышли:

- на федеральных телеканалах («Первый канал», «Россия 1» и др.) и в федеральных СМИ (ТАСС, «Интерфакс», РБК, «Ведомости», «Коммерсантъ», «Комсомольская Правда», «Известия» и др.);
- в зарубежных СМИ («Радио Свобода», *Deutsche Welle*, *Associated Press*, *BBC*, *The New York Times*, *Fox News* и других);
- в социальных сетях и блогах (комментарии экспертов и политологов, среди которых Е.Н. Минченко, К.Н. Костин, В.Д. Соловей, М.Ю. Виноградов, Д.И. Орлов, А.Р. Галлямов и др.).

Согласно результатам мониторинга агентства М-13, особенностью темы протестов против строительства церквей и храмов является доминирование информационной повестки, генерируемой противниками строительства: «В большинстве случаев протесты развиваются по сценарию, когда власти принимают те или иные решения, а противники этих решений в лице оппозиционных, политических и экологических организаций выступают против начинающегося строительства и, тем самым, конвертируют недовольство в уличные протесты местного населения» (Освещение в СМИ протестов против строительства православных храмов, 2015–2019 гг., 2019).

По данным СМИ основной актив протестующих в Екатеринбурге в мае 2019 года составили молодые люди до 30 лет. В свою очередь, опрос, проведенный Левада-Центром, фиксирует, что среди молодежи:

- в возрасте 18–24 года доля использования Интернета составляет 96%;

- в возрасте 25–34 года доля использования Интернета составляет 94 %.
- При этом новости молодежь в возрасте 18–24 года узнает:
- из социальных сетей – 64 %;
  - из Интернет-изданий – 49 %;
  - по ТВ – 42 %.

Очевидно, что в возрастной группе 18–34 года, в которую входит большинство участников майских протестов в Екатеринбурге, среди основных источников получения информации доминируют Интернет и социальные сети.

Левада-Центр приводит следующие данные относительно использования молодым населением страны социальных сетей: «ВКонтакте» – 42 %; «Одноклассники» – 33 %; YouTube – 30 %; Instagram – 23 %; Facebook – 9 % (Волков, Гончаров, 2017).

Таким образом, основными каналами информирования протестующих и их сторонников в Екатеринбурге стали новые медиа, а точнее их подвид – социальные медиа. Кроме того, важную роль в организации участников майских протестов сыграли мессенджеры. Так, например, акция по спонтанному включению фонариков среди участников в один из дней протестной активности была подготовлена и реализована как раз за счет использования мессенджеров.

Согласно данным Левада-Центра, по сравнению с 2016 годом доля использования мессенджеров возросла с 31 % до 62 %. Среди популярных платформ по степени использования выделяются: WhatsApp – 49 %; Viber – 31 %; «ВКонтакте» – 17 %; Skype – 14 %; Telegram – 8 % (Волков, Гончаров, 2017).

По некоторым подсчетам события в Екатеринбурге освещались практически в режиме реального времени более чем 40 независимыми телеграм-каналами, а также не менее 20 YouTube-каналами (Технология «Спираль молчания» ..., 2019). Были созданы протестные группы в основных социальных сетях, включая «ВКонтакте», Instagram, Facebook. Следует также отметить активную деятельность журналистов, обеспечивших широкое освещение протестов в независимых медиа (Хроника и Анатомия протеста в Екатеринбурге, 2019).

Принимая во внимание, что на протяжении майских протестов в социальных медиа доминировала точка зрения противников строительства храма, а также то, что местная власть под давлением разнообразных медиа не могла не прислушаться к сложившемуся общественному мнению, площадку, первоначально выбранную под строительство храма святой Екатерины, в итоге, пришлось перенести в другое место.

Кейс 2.

Правительственный кризис в Австрии в мае-июне 2019 г.

17–18 мая 2019 года двумя немецкими Интернет-изданиями – журналом *Spiegel* и газетой *Suddeutsche Zeitung* – была продемонстрирована видеозапись, сделанная летом 2017 г. на вилле испанского острова Ибица, в период предвыборной кампании, проходившей тогда в Австрии (В Австрии разгорелся грандиозный политический скандал ..., 2019). На этой записи люди, среди которых присутствовала русскоговорящая женщина, обсуждали со Х.К. Шпрехе (председатель *Австрийской партии свободы*) возможность покупки для своей партии доли в австрийской газете *Kronen Zeitung*, что позволило бы с помощью

данного издания оказать информационную поддержку *Австрийской партии свободы* в ходе выборов в 2017 году. В итоге, как известно, в октябре 2017 г. *Австрийская партия свободы* вошла в правительственную коалицию с представителями *Австрийской народной партии*, а господин *Х.К. Штрахе* получил пост вице-канцлера.

Однако широкое обнародование видеозаписи о переговорах в Ибиче, тот огромный интерес, который проявили к ней СМИ, в особенности новые медиа, вызвали громкий скандал, который привел к тому, что в Австрии в мае 2019 года разразился политический кризис: *Х.К. Штрахе* официально подал в отставку с поста вице-канцлера и партийного лидера, а канцлер *С. Курц* объявил о досрочном сложении своих полномочий. После этого в стране были объявлены новые выборы.

Ниже приводится график динамики запросов в сети Интернет, касающихся деятельности *С. Курца* и *Х.К. Штрахе* в мае-июне 2019 года. Данный график хорошо показывает, как посредством новых медиа происходило информационное освещение политического кризиса по мере обострения и снижения напряженности сложившегося конфликта.

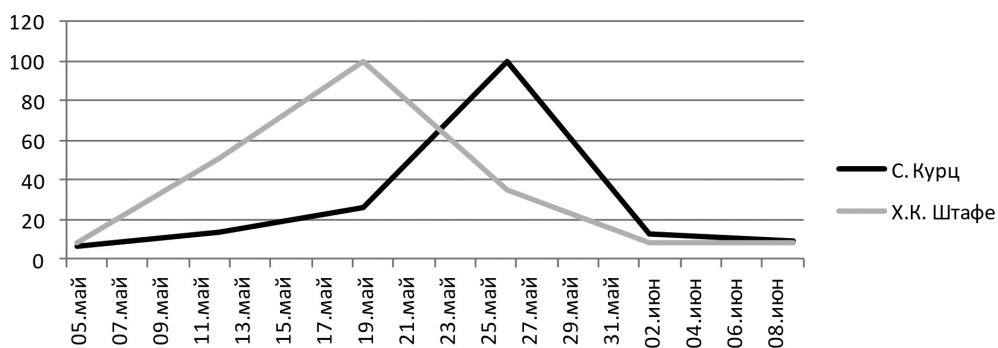

График 1 – Динамика запросов в сети Интернет в связи деятельностью *С. Курца* и *Х.К. Штрахе* в мае-июне 2019 года (Google Trends, 2019)

Так, согласно данным Google Trends, в период с 5 мая по 8 июня 2019 года количество запросов, связанных с деятельностью *С. Курца*, выросло с 7 до 100 баллов (максимальный балл), с последующим спадом к 8 июня до прежних значений. Похожая картина наблюдалась и в отношении *Х.К. Штрахе* – с 8 баллов поисковых запросов 5 мая 2019 года и до 100 баллов 26 мая 2019 года.

Далее, по мере преодоления политического кризиса, к 9 июня фиксируется снижение количества запросов до уровня, предшествующего скандальной ситуации с обнародованием видеозаписи.

Таким образом, размещение на верифицируемых интернет-сайтах крупнейших немецких деловых изданий видеозаписи тайной политической сделки смогло обеспечить мгновенную общественную засветку скандальной темы. В итоге новые медиа обеспечили не только оперативное размещение информации,

но и – посредством мессенджеров – сбор нелестных комментариев относительно ключевых участников событий.

По мнению ряда наблюдателей, обнародование видеозаписи в немецкоязычных СМИ было специально приурочено к дате выборов в Европарламент (выборы состоялись в конце мая 2019 года). Это имело своей целью подорвать позиции ультраправых и правых популистов, выразителями интересов которых являются «Австрийская партия свободы» и партия «Альтернатива для Германии». И эта цель была достигнута: по итогам голосования в Европарламент на территории Австрии партия Штрахе заняла лишь третье место (17,2% голосов), а партия ФРГ «Альтернатива для Германии» получила в Европарламенте четвертое место (11% голосов) (2019 European election results, 2019). Позже Штрахе назвал скандальное видео «целенаправленным политическим убийством» и потребовал расследования того, как запись оказалась в распоряжении СМИ. *Suddeutsche Zeitung* и *Der Spiegel* отказались раскрывать свои источники, ссылаясь на обязанность защищать их конфиденциальность» (Австрийский вице-канцлер ушел в отставку ..., 2019).

Рассмотренные нами кейсы показывают, какие большие возможности управления общественным мнением таят в себе новые медиа. Они используются как в интересах гражданских движений, так и в интересах определенных политических сил, участвующих в различных избирательных компаниях и в формировании состава правительств на разных государственных и местных уровнях. Их отличительными чертами являются: высокая степень мобильности, возможность оперативной корректировки информационного контента, комплексное применение таких цифровых технологий, как видеохостинг, стриминг (потокковое мультимедиа), «прямой эфир» и др. Однако не стоит забывать, что данные технологии обладают очень высоким потенциалом манипулятивного воздействия на общественное мнение, что обязательно следует учитывать при их аналитическом исследовании.

Список литературы

1. *Австрийский вице-канцлер ушел в отставку из-за переговоров с «племянницей российского олигарха». Он просил у нее денег и обещал огромное влияние в Австрии.* (2019). Взято 18 февраля 2020, с <https://meduza.io/feature/2019/05/18/avstriyskiy-vitse-kantsler-ushel-v-otstavku-iz-za-peregovorov-s-plemyannitsey-rossiyskogo-oligarha-on-prosil-u-nee-deneg-a-obeschal-ogromnoe-vliyanie-v-avstrii>
2. *Александр Проханов: Дело Голунова – результат огромной политической интриги.* (2019, 12 июня). Взято 15 февраля 2020, с <https://izborsk-club.ru/17092>
3. Бардин, Д. (2016, 29 марта). *В Екатеринбурге возведут собор посреди городского пруда.* Взято 16 февраля 2020, с <https://ura.news/news/1052244929>
4. *В Австрии разгорелся грандиозный политический скандал с участием вице-канцлера и «россиянки» – Штрахегейт? Австрогейт?* (2019, 18 мая). Взято 18 февраля 2020, с <http://austria-today.ru/?p=20791>
5. *Валентина Матвиенко – о конфликте в Екатеринбурге: «Если бы*

с самого начала был диалог с людьми, обострения ситуации удалось бы избежать». (2019, 4 июня). Взято 3 февраля 2020, с <http://www.justmedia.ru/news/society/valentina-matviyenko-yesli-by-s-samogo-nachala-by-l-dialog-s-lyudmi-obostreniya-situatsii-udalos-by-izbezhat>

6. Волков, Д., Гончаров, С. (2017). Российский медиаландшафт: основные тенденции использования СМИ. *Вестник общественного мнения*, 1–2(124). Взято с <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-medialandshaft-osnovnyue-tendentsii-ispolzovaniya-smi>

7. *Город и храм: опрос ВЦИОМ в Екатеринбурге*. (2019, 22 мая). Взято 16 февраля 2020, с <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9702>

8. *О средствах массовой информации: Закон РФ от 27 декабря 1991 (№ 2124–1) (ред. от 01.03.2020) ст. 2 (Россия)*. Взято 21 февраля 2020, с <https://fzrf.su/zakon/o-sredstvah-massovoj-informacii-smi-2124-1/>

9. Олешко, В. Ф., Малик, О. В. (2017). Влияние цифровых средств массовой информации на формирование глобальной системы социальных коммуникаций. *Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*. Т. 23, 4(168), 5–12.

10. Олышаников, А. (2018, 06 декабря). *Жителей столицы Урала наконец-то спросили о храме Екатерины*. Взято 15 февраля 2020, с <https://ura.news/articles/1036277044>

11. *Освещение в СМИ протестов против строительства православных храмов, 2015–2019 гг.* (2019, 23 мая). Взято с <https://www.m13.ru/images/materials/5/miting.png>

12. *Патриарх Кирилл заявил о политическом характере протеста против храма в Екатеринбурге*. (2019, 14 июня). Взято 25 февраля 2020, с <https://www.kommersant.ru/doc/4002728>

13. *Победа гражданского общества: Познер о протестах в Екатеринбурге и освобождении журналиста Голунова*. (2019, 11 июня). Взято 27 февраля 2020, с <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fngz.ru%2Fposts%2Fpobeda-grazhdanskogo-obschestva-pozner-o-protestah-v-ekaterinburge-i-osvobozhdenii-zhurnalista-golunova>

14. *Путин – о противостоянии в Екатеринбурге: Есть простой способ – провести опрос, и меньшинство должно подчиниться большинству*. (2019, 16 мая). Взято 15 февраля 2020, с <https://www.ural.kp.ru/daily/26977/4036112/>

15. *СМИ: ТВ и интернет. Об отношении к телепрограммам, качестве новостного телевидения и новостям в Интернете*. (2019, 18 сентября). Взято с <https://fom.ru/SMI-i-internet/14258>

16. *Технология «Спираль молчания» на примере изменения общественного мнения в Екатеринбурге*. (2019, 29 мая). Взято с <https://sea.com.ru/ru/cases/tehnologiya-spiral-molchaniya-na-primere-izmeneniya-obshhestvennogo-mneniya-v-ekaterinburge/>

17. *Хроника и Анатомия протеста в Екатеринбурге*. (2019, 02 сентября). Взято 15 февраля 2020, с <https://matveychev-oleg.livejournal.com/9160600.html>

18. *2019 European election results*. (2019, 2 июля). Взято с <https://resultats-elections.eu/>

19. *Google Trends*. (2019, 1 января). Взято с <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2019-01-01%202019-12-31&geo=RU&q=%2Fm%2F0zn27yk>

References

1. *Aleksandr Prohanov: Delo Golunova – rezul'tat ogromnoj politicheskoy intrigi* [Alexander Prokhanov: the Golunov Case is the result of a huge political intrigue]. (2019, June 12). Retrieved February 15, 2020, from <https://izborsk-club.ru/17092>
2. *Avstrijskij vice-kancler ushel v otstavku iz-za peregovorov s “plemyannicej rossijskogo oligarha”*. *On prosil u nee deneg i obeshchal ogromnoe vliyanie v Avstrii* [The Austrian Vice-Chancellor resigned over negotiations with the “niece of a Russian oligarch”. He asked her for money and promised her great influence in Austria]. (2019). Retrieved February 18, 2020, from <https://meduza.io/feature/2019/05/18/avstrijskiy-vitse-kantsler-ushel-v-otstavku-iz-za-peregovorov-s-plemyannitsej-rossijskogo-oligarha-on-prosil-u-nee-deneg-a-obeschal-ogromnoe-vliyanie-v-avstrii>
3. *Google Trends*. (2019, January 01). Retrieved from <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2019-01-01%202019-12-31&geo=RU&q=%2Fm%2F0zn27yk>
4. *Gorod I hram: opros VCIOM v Ekaterinburge* [City and temple: VTSIOM survey in Yekaterinburg]. (2019, 22 мая). Retrieved February 16, 2020, from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9702>
5. *Hronika i Anatomiya protesta v Ekaterinburge* [Chronicle and Anatomy of a protest in Yekaterinburg]. (2019, September 2). Retrieved February 15, 2020, from <https://matveychev-oleg.livejournal.com/9160600.html>
6. *O sredstvakh massovoi nformacii: Zakon RF ot 27 dekabrya 1991 (№ 2124-1) (red. ot 01.03.2020)* [On mass media: Law of the Russian Federation dated December 27, 1991 (No. 2124-1) (ed. from 01.03.2020)] s. 2 (Russ.). Retrieved February 21, 2020, from <https://fzrf.su/zakon/o-sredstvakh-massovoj-informacii-smi-2124-1/>
7. Ol'shanikov, A. (2018, December 6). *Zhitelej stolicy Urala nakonec-to sprosili o hrame Ekateriny* [Residents of the capital of the Urals were finally asked about the temple of Catherine]. Retrieved February 15, 2020, from <https://ura.news/articles/1036277044>
8. Oleshko, V.F., & Malik, O.V. (2017). *Vliyanie cifrovyyh sredstv massovoj informacii na formirovanie global'noj sistemy social'nyh kommunikacij* [The influence of digital media on the formation of a global system of social communications]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. T. 23, 4(168), 5–12.
9. *Osveshchenie v SMI protestov protiv stroitel'stva pravoslavnyh hramov, 2015–2019 gg.* [Media coverage of protests against the construction of Orthodox churches, 2015–2019]. (2019, May 23). Retrieved from <https://www.m13.ru/images/materials/5/miting.png>
10. *Patriarh Kirill zayavil o politicheskom haraktere protesta protiv hrama v Ekaterinburge* [Patriarch Kirill declared the political nature of the protest against the Church in Yekaterinburg]. (2019, June 14). Retrieved February 25, 2020, from <https://www.kommersant.ru/doc/4002728>
11. *Pobeda grazhdanskogo obshchestva: Pozner o protestah v Ekaterinburge i osvobozhdenii zhurnalista Golunova* [Victory of civil society: Posner on the protests in Yekaterinburg and the release of journalist Golunov]. (2019, June 11). Retrieved

February 27, 2020, from <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fngzt.ru%2Fposts%2Fpobeda-grazhdanskogo-obschestva-pozner-o-protestah-v-ekaterinburge-i-osvobozhdenii-zhurnalista-golunova>

12. *Putin – o protivostoyanii v Ekaterinburge: Est' prostoj sposob – provesti opros, i men' shinstvo dolzhno podchinit'sya bol'shinstvu* [Putin – about the confrontation in Yekaterinburg: there is a simple way – to conduct a poll, and the minority must submit to the majority]. (2019, May 16). Retrieved February 15, 2020, from <https://www.ural.kp.ru/daily/26977/4036112/>

13. *SMI: TV i internet. Ob otnoshenii k teleprogrammam, kachestve novostnogo televideniya i novostyam v Internete* [Mass media: TV and Internet. About the attitude to TV programs, the quality of news television and news on the Internet]. (2019, September 18). Retrieved from <https://fom.ru/SMI-i-internet/14258>

14. *Tekhnologiya "Spiral'molchaniya" na primere izmeneniya obshchestvennogo mneniya v Ekaterinburge* [Social engineering Agency. "Spiral of silence" technology on the example of changing public opinion in Yekaterinburg]. (2019, May 29). Retrieved from <https://sea.com.ru/ru/cases/tehnologiya-spiral-molchaniya-na-primere-izmeneniya-obshchestvennogo-mneniya-v-ekaterinburge/>

15. *V Avstrii razgorelsya grandioznyj politicheskij skandal s uchastiem vice-kanclera i «rossiyanki» – Shtrahegejt? Avstrogejt?* [In Austria, a huge political scandal broke out with the participation of the Vice-Chancellor and the "Russian woman" – Strachegate? Athrogate?]. (2019, May 18). Retrieved February 18, 2020, from <http://austria-today.ru/?p=20791>

16. *V Ekaterinburge vozvedut sobor po sredi gorodskogo pruda* [Yekaterinburg will build a Cathedral in the middle of the city pond]. (2019). Retrieved February 16, 2020, from <https://ura.news/news/1052244929>

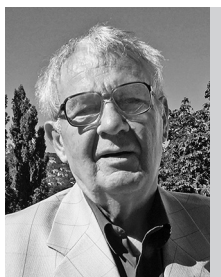
17. *Valentina Matvienko – o konflikte v Ekaterinburge: "Esli by s samogo nachala byl dialog s lyud'mi, obostreniya situacii udalos' by izbezhat"* [Valentina Matvienko – about the conflict in Yekaterinburg: "If there had been a dialogue with people from the very beginning, the situation would have been avoided"]. (2019, June 4). Retrieved February 3, 2020, from <http://www.justmedia.ru/news/society/valentina-matviyenko-yesli-by-s-samogo-nachala-by-l-dialog-s-lyudmi-obostreniya-situatsii-udalos-by-izbezhat>

18. Volkov, D., Goncharov, S. (2017). Rossijskij medialandshaft: osnovnye tendencii ispol'zovaniya SMI [Russian media landscape: main trends in the use of mass media]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, 1–2(124).

19. *2019 European election results*. (2019, July 2). Retrieved from <https://resultats-elections.eu/>

НЕКОТОРЫЕ ГЛАВЫ ИЗ ТЕОРИИ О НЕОЖИДАННОЙ МИРОВОЙ ИСТОРИИ. ЧАСТЬ II

Кисс Эндре,

Университет имени Лоранда Этвёша – ELTE (Будапешт, Венгрия),
Университет еврейских исследований (Будапешт, Венгрия),
Институт философии (Будапешт, Венгрия),
профессор, доктор философии, Почетный профессор,
Будапешт, Венгрия,
E-mail: andkiss@hu.inter.net

Статья поступила в редакцию 21.04.2020, принята к публикации 06.06.2020

Для цитирования: Кисс Э. Некоторые главы из теории о неожиданной мировой истории. Часть II // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3 (40). С. 153–170. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10310

Аннотация

Триумфальный путь развития социального государства породил легитимный характер новой социальной и ментальной реальности. Дальнейший упадок социального государства также породил новую реальность, при которой стало происходить накопление разнообразных легитимностей, связанных с расцветом неолиберализма. Третий Путь – это своеобразный ответ социал-демократии на новую политическую ситуацию в мире, сложившуюся после 1989 года, ответ, который предполагал создание некоего долгосрочного партнерства сторонников социального государства с неолиберальным режимом, устанавливающим новый гегемонистский экономический и политический миропорядок.

Либерализм рассматривается в современных дискуссиях как выражение определенной системы ценностей. В настоящее время наибольшее внимание уделяется новому монетаристскому или экономическому либерализму. Социализм 70-х и 80-х годов был тем объектом, против которого объединились классический политический либерализм прав человека и новый монетаристский либерализм. Сторонники социального государства не смогли распознать эту новую ситуацию.

© Kiss, E., 2020

Далее мы выдвигаем гипотезу о существовании трех «обществ» в современном глобальном мире. «Первое общество» – это общество до 1989 года, для которого главной ценностью выступало развитие социального государства. «Второе общество» мы определяем как отрицание «первого», то есть как общество господства монетаристского неолиберализма. Основы для появления «третьего общества» мы видим в новом политическом классе или элите. «Третье общество» возникает как возрождение некоторых черт «первого общества». «Второе общество», возникшее после 1989 года, в настоящее время испытывает первые глобальные потрясения, связанные с возникновением нового мирового порядка.

Ключевые слова:

глобализация, государство всеобщего благосостояния, третий путь, монетаризм, неолиберализм, государственный департамент, различие, саморазрушительное измерение глобализации, три общества глобального времени.

UDC 323+325.3

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10310

SOME CHAPTERS FROM A THEORY ABOUT AN UNEXPECTED WORLD HISTORY. PART II

Kiss Endre,

University ELTE – Budapest (Hungary),
University OR-ZSE – Budapest (Hungary),
Institute of Philosophy,
Professor Dr. D.Sc., Professor Emeritus,
Budapest, Hungary,
E-mail: andkiss@hu.inter.net

Article received on April 21, 2020, accepted on June 6, 2020

To cite this article: Kiss, E. (2020). Some chapters from a theory about an unexpected world history. Part II. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(40), 153-170. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10310

Abstract

The triumphant way of the social state in the direction of the providing of a legitimacy constituted a new social and mental reality. This is for us much relevant because the decline of the social state also produced a new reality. Like during the construction of the social state, an accumulation of the miscellaneous legitimizations goes on, it was therefore necessary to bring on the scene the same entire pallet of the delegitimization. The Third Way

is the answer of the social democracy to the new situation. An answer that offers a long-term partnership, if we want, a political marriage to the neoliberalism of an economical and political world order, which is already considered as hegemonic.

The liberalism appears in every point and as a personification of every value in the current discussions. The greatest problem in the present to set the liberalism identical to the monetarist economical system. Precisely the really existing socialism of the 70-s and 80-s averred as the subject against which a classical political liberalism of the human rights and a new economical liberalism could unit. The real socialism has not “misunderstood” this new situation. It has simply not recognized it.

We draw further up a hypothesis about three “societies” of actual global world. The first society would be the society of the good will itself, for which the value-oriented life of this year (1989) can no more become an open problem. We define the second society as the one, which is fundamentally not constituted by the above described good will. We see the third society in that political class or elite, which power has been built on the year 1989.

The “third” society is the object of the self-identification of the “first”, the “first” is the product of the year 1989. The “second” society lived after 1989 rather long in the shade, its emancipation began after the first elementary shakes of the new world order.

Keywords:

globalization, welfare state, Third Way, Monetarism, Neoliberalism, state dept, the difference, self-destructive dimension of the globalization, three societies of global time.

Real Globalization

The more the global processes get their global character, the more they acquire “clearly” functional characteristics in their operations. The more obviously global the world economy structure becomes, the more clearly the functional theoretical definitions prevail. From a theoretical aspect, functional and non-functional elements are heterogenic; but from a practical aspect, they fit to one another in an organic and homogeneous manner.

The globalization is therefore not a new, yet unknown center of power, nor a world-government, but in principle it is a qualitatively new system of the relations for all actors. One of its specific traits is an opportunity of access to the global processes and networks in a rather “democratic” way. It would make sense to describe a fundamental phenomenon of the globalization with the criteria of access and accessibility. But this is also the field where we may find two weakest points of the globalization. The globalization demolishes a whole range of particular differences and limits by ensuring it in principle the total accessibility. Therefore, this is a “democratic” way: the participation in the global processes could even outline a new concept of “equality”. The globalization, built on elements of discrimination in its dynamic progress, would not only be a contradiction in the theoretical sense but also in the practical one.

The historical balance of the globalization should prevail in this connection. This balance will depend on final proportions between democracy, accessibility

and discriminative moments, or self-destructive social processes. The globalization establishes new relations in a qualitative and manifold sense; a new character of relations is made up right by the fact that mediums and strata, which used to separate individuals from the global affairs, dropped out and now individuals can directly access the multi-faceted communication of global networks. Another side of this medal is the question of really new resources of globalization, which could be able to ensure the increasing demands for accessibility. The triumphant breakthrough of globalization increases the number of resources by itself but to a much smaller extent than the possible “amount of resources” required for the world of more and more perfect accessibility. The fail of access requirements namely critically deforms the well-built system of global networks.

In respect to social capital, we have to mention a tendency of a “downward spiral”, which is induced by the globalization and which means that the types of social capital, invested into individuals, are reduced both in quality and quantity. We are not trying to ignore the numerous impressive civilizing accomplishments, “success stories” of the globalization. But just actually manifested structural characteristics of the globalization are the cause of the fact, that the upward spiral of great accomplishments and the downward spiral of the social capital do not cross each other. The knowledge component, that operates in the modern production, is part of a broader concept of the knowledge capital, while the social capital, which is invested in successive generations, does not reproduce itself on the level of the human civilization. This also means, that the future will become the field of a new battle of civilization and barbarism, even if none of the definitions of these terms remind of the concepts of civilization or barbarism, that ever occurred in history.

By 1989, the logic of neoliberal identity and difference exchanged the basic notions of the identity and difference. This means, that neither the solidarity of the socialism, nor the brotherly love of Christianity can diminish the brutal power of the difference. The neoliberal identity consists in nothing else but the unconditioned respect and guarantee of freedom and rights of an individual (whose rights might become merely formal at a certain extent of the social differences). In such cases, the difference is not a value or ideology, but it might even become an essential element of the social existence. The logic of difference is only seemingly a victory. It provides equal chances and ranks for the sides involved in it, but actually it is a contra-productive end. It is so, because this logic justifies the Other and Otherness without setting a differentiated identity from both poles of the Otherness on the basis of common value priorities.

The self-destructive society is a new and extensive reality of these days and it calls for the reformulation of the fundamental notions of the social life. In this framework, it would be in principle necessary to analyze actual relationship of the globalization and politics as specific social activities. This would follow from the fact that the present politics is not the same as a few decades ago. The politics, the political subsystem and the political classes slowly seem to find their proper place in the network of the relations of the globalization.

The present model of the world is considered as a mature form of the globalization, that has a decisive specific trait: the phenomenon of the state debt, which fundamentally defines an economic and political framework of the globalization and which is fundamental in the development of the deeply monetarist profile of the present globalization. This is the general model, which the extremely extensive

process of accession to the EU is taking place in. These multiple functions cause that even the lack of a theory has its own victims, even though it hardly ever gets into the center of the debate.

One of the great issues of the future is made up therefore by the problems of the state. The starting point is the relationship between globalization and the nation-state. The political public consciousness is aware of the new tensions and problems of competence, that arise here. From the viewpoint of the state, the regulation of the political and economical processes is also an important element. Therefore, their results are of great importance. The great dimension of the future (and the range of questions to be solved) springs from the fact, that the state is not a neutral actor, that can be only defined by functional characteristics, but the modern state after 1945 undertook civilizing and overall social tasks, in extreme extent totally unknown before, tasks that can only be drawn out of the bounds of the state, shattered by the processes of globalization by destroying huge “areas” in the social network. In this process, the states are the losers.

The real stake of this phenomenon is that the criticism (and even suspicion) of rationalism mostly rises because the emancipation does not take place; in other words, the absence of emancipation might critically endanger the process of rationalization itself. The same way does absolutely refer to the liberalism in the political sphere.

Would we look at the globalization exclusively from the political or exclusively from the economical point of view, we would not have anything specific in front of us. The globalization appears from the (exclusive) vision of the political as a democratic-theoretical problem, in which not only nothing specific or particular is to be found, but the same as an apotheosis of the democratic establishment, an apology in the sense of the wrongly understood Francis Fukuyama (Fukuyama, 1992). The self-destructive globalization appears from this (exclusive) point of view as the full and exemplary normality. Further to these results, the question remains, why it earns to take the globalization into account, if it goes on revealing the boring image not only of the full, but also of the exemplary normality.

Its conception of the state is once again not fundamental. Whilst it diminishes its social functions, it establishes a bureaucracy in the sensible monetary-economical fields, which practically never existed in the “normal” democracies. The bureaucracy vanishes in the social field, the bureaucracy flourishes in the fiscal field. With this demolishing of the social sphere, we must always keep in mind the fine difference, that the demolishing due to the indebtedness is not formally carried out by the monetary complex itself. The essential of this act consists however in the fact that the monetary complex is willing to break numerous taboos or to encourage their elimination. It’s important to understand the real causal problematic in the coexistence of “self-destructive” globalization and “constructive” modern nation-state. We were and are living in a concrete form of modern state which controled almost the whole social reproduction and specially the reproduction of the social capital. We must understand, that this does not depend on a special historical form of modern state. The modern etatism is a much broader phenomenon than the totalitarianism or the welfare state. The whole process of the history consists in a consistent line, in which the modern etatism, step by step, acquires the control over the social reproduction (education, public health, etc.).

The globalization is not genuinely directed against the modern etatism, but it changes radically the circumstances, in which the modern state functions. For

the modern etatism it is like a natural catastrophe. and because the whole process of the social reproduction was already mediated by the modern etatism, the globalization became the natural catastrophe also for the modern societies. The states are therefore the losers in this process. They took over the responsibility of the whole social reproduction, but because of the global integration of great functional systems and markets, they were no more capable of the fulfilling there responsibilities. This is the historical moment of the indebtedness of the state. Neither the traditional forecast, nor the traditional consensus-making, nor the traditional bureaucratism (administration), nor other traditional institutes are apt or able to legitimately develop the competence. There is the national (state) debt without the globalization, there might also be the globalization without any national (state) debt.

The action field of the economy (above all, the one of the multinational groups) has hugely increased in the globalization and put on its feet the specifically monetary concretization of the global deep structures of an economy. This took off, still more intensely, the carpet of the tangible evidence of the increasing national indebtedness. Under such circumstances, values are changing. Neither the state nor the society will be able to carry out and manage the reproduction at the level of the historic period of time even in the model case (and still less in the reality of the international relations, the international competition, the universal communication and the unequal contest). The various members of the society will always have more reduced possibilities to lead, with their own forces, their own destiny or the situation of the society to a better condition. The value-producing work does no longer determine in principle the social existence.

The already accumulated civilisation and humanistic values are in such a situation not only not increased, that the assurance of their survival usually already becomes a provocative problem. The crisis is therefore, so trivially it may sound, essentially a crisis of the private economy, which goes together with a lot of losses and disadvantages. These losses increase, however, the responsibilities of the state already indebted before the crisis. A crisis of the (world) economy is practically identical with a potent crisis of the (nation-) state.

This context manifests itself very saliently in the post-socialist world. Since these states (now strictly speaking of them as states) have had to solve two tasks fundamentally opposed to each other. On the one hand, it was their historical task to develop a solid democratically working system. On the other hand, they also had to try to reduce the multiple differences between this sphere and the Western Europe, when they had not to get also through gradually. The national indebtedness overwhelming this process from the beginning made the resolution of these both tasks, opposed to each other, almost impossible. If we again include the consequences of the worldwide economical crisis, we then may require the metaphor according to which, the once already increased crisis of the state was once again increased, namely through the post-socialist factor.

If the worldwide economical crisis puts the indebted state in every hemisphere in front of a multiplied proportion of challenges, this proportion, in the case of the post-socialist world, may increase again. This situation designs the contours of a new focus of the condition humaine of the globalized and self-destructive world, the one of the social survival. The crisis is therefore finally only an increase of a long-term process, which lasted during the time of the whole history of the hitherto global-

ized world, without having been fully identical with this history. It means also, that the enormous change in the context of and in relation with the neoliberalism also then should have to be reflected and perceived, if eventually the worldwide economical crisis does not break out. The crisis is then not the symptom of a structurally strongly charged global development, but – essentially – the continuation and the provisory end of this development, and as such, with all probability, still the introduction of a new independent phase of the global development.

After its world-historical victory, the neoliberalism stood as a regulator and moviens of the global development on the ideological-political world stage only. As an hegemony, it embodies the mutation of the earlier liberalism and the dialectic of the earlier modern age. Straight as an hegemony, it cannot however also go past the necessity and responsibility of emphasizing the new forms of emancipation. The new forms of the pseudo-emancipation are almost noticeable. They play then their role, which by no means must be underestimated, even in the current worldwide economical crisis. In this finance- and credit system crisis, the demand also became namely the focus of attention. This dimension can be identified in its core as a necessity of welfare and this need can be distinguished – hardly essentially – from the imitation of the original necessity of emancipation. We see therefore in the necessity of welfare an expression of a desire for emancipation.

Constructivity and Descriptivity in the New Globalization

Among the international relationships, the specifically imperial relations can be distinguished through the principle of the each other guided competition or rivalry of the diverse actor-states in the framework of a paramount global cooperation. The attribute “imperial” is neither a random nor a traditional description, that connects with each other phenomena of similar character timeless, without any further qualification (Schumpeter, 1919).

“Imperial” means, in our context, a specifically new relation and condition, that are somewhat described in Huntington’s Clash of Civilizations. It can also be understood, that the globalization can today be nearly characterized and addressed not only through this relation, although its increasing importance can no longer be put into question mainly somewhat after 2000. The visible validity, let alone supremacy of the imperial discourse is also therefore an excellent perspective on the globalization, because the basic sensibilities of the globalization do not define at all its significance from the beginning, on the contrary, the relevance of the order of magnitude of the imperial discourse is itself equivalent with an attribute of the respective state of the globalization.

The imperial dimensions can of course also change through the rapid development, partly in their absolute conditions, partly in their relations to the other forms of the global discourse, i.e. to these perspectives, from which the globalization can be interpreted and understood also independently. Since the actorial dimensions, i.e. the action space of the diverse protagonists in the global processes are unchanged of high importance, this actorial freedom can also on its part increase, in a striking way, the order of magnitude of the imperial dimension amongst the other dimensions. in the context of the imperial dimension, a mixture of objective and subjective actions spaces is thus arising, which constant interweaving can be regarded as one of the leading conditions of the globalization.

The rapid changes in the imperial dimensions of the process of globalization are very characteristic of this event from the beginning. It goes so far, that in the first years after 1989, the imperial dimension has not been at all thematized publicly, the euphoria of the “end of the history” promised a world, where the traditional imperial relations have become, as for ever, obsolete (Fukuyama, 1992). The conscious profiling of the individual virtual or real global imperial actors is joining this starting situation.

Our thought process is concerned with this new phenomenon of the mutual competition of the global “empires”. On the one hand, it is about, we repeat it, a competition, that realizes as secondary phenomenon behind the phenomenon of a multi-strata global cooperation on the first line. But this phenomenon, also as a competition of all against all, is revealing quite complex and multiple. This rivalry does not call into question the validity of the reality and the relevance of the primary global cooperation. This competition of the second line adopts often the outline of asymmetrical forms.

This basic situation (global cooperation and in principle comprehensive rivalry and multiple competition of all against all in the second line) is inextricably linked, in our age, with the reality of the globalization (Kiss, 2000, 2010a, 2010b). Every possible similarity to former world-historical or international relationships is basically misleading. This competition of the second line is, in its true definitions, a quite new phenomenon. The pure existence of these rivalries in the second line already means a fundamental change in the experience and interpretation of war and peace, for this competition personifies a permanent debate, which can much more easily go over to a symbolic or limited war problematic, as it seemed still possible in the past.

First, we concentrate on the question, to whose expense this struggle of the second line is led. The burdens and costs of wars and crises are transferred in the rule to the “society”, it is also not different with the “risks” of the modern industrial societies, what is finally a consequence of the state and of the great economical and financial actors. This rivalry on the second line includes obviously the domain of the economy, however we include economical phenomena and facts only if it can be proved about such phenomenon or such fact, that it results from conscious strategical reflections. We can only develop and interpret this rivalry through facts, which origin is secured. It follows, that we will have to deal with a huge number of facts. Do we take again the universal global cooperation as starting fact (“first line”), it becomes then comprehensible, why this conflict can be conceived, on the “second line” also as a war of a new type. This rivalry is not characterized by combating armed forces. This rivalry is rather determined by the idea of weakening if possible the opponent (some opponents, all opponents), would it be about his concrete, but also symbolic or virtual weakening. If this expression has a current sense, in this new context and terrain having to be compared with no former context, these conflicts are oriented, in the second line, against the hinterland of the competitors. This means however, that the individual actors in competition do not attack the elites or the ruling class of the other actors, rather their “hinterland”, or the everyday life and the conditions of reproduction. Would it be effectively the case, then the purely theoretical question is first put, whether this phenomenon is distinguishing from the many similar phenomena of the world history. This phenomenon must be considered, through the fact of the globalization and the also relevant fact of the universal cooperation (the “first” line), necessarily as a genuinely new phenomenon.

It is quite difficult to discuss the real facticity of these conflicts. An economical success, the changes in the prices of raw materials, the movements of the stock exchange and of the markets can improve the positions of one actor at the expense of the other(s). These conflicts, we accept it now, do not disturb the global communication and the global cooperation (the “first line”), they are often not lived as conflicts, while they can cause concrete and violent damages. This asymmetrical war is thus also simultaneously a silent war, which victims or those damaged often do not know themselves, whom they fell victim to¹.

The assumption of this mutual rivalry of the “imperial” actors can extend to a somewhat modified vision also on arms production and commerce. This leads however also further into the experience, that the global circumstances and relationships are changing between the politics and the economics again in a new context. For, precisely the arms commerce must not be differently interpreted than a moment of this competition in the second line, even if it is carried out from “purely economical” moments. The supposed and hypothetical role of victim of the hinterland is realizing in this context again very sharply: if these guns are needed, then this role is clear (for, no population can be today kept away from these conflicts), if not, then (and we remain now only with this single consequence), the costs of the arms are taken from other sections of the budget. It is also similar with the concurrence of the representations! Events, such as the Olympics in China, winter Olympics in Russia or a football World Cup in Brazil, are certainly considered as rational steps (amongst others also) in the rivalry of global actors in the so-called second line of the international reality of the age of the globalization. It is however just as clear, that the costs of these mega-events of the global representations are ascribed to the account of the populations. These examples show also, that this competition of the second line is also revealing as a medium, which can appropriate to itself and instrumentalize also events, emerging totally independent on it.

The problem of the energy and energy supply shows however also a type of events, in which the decisive (intentionally guided) or random (spontaneous) actions could hardly more distinguish definitely from each other. In these domains, we can literally make no step, without having also any influence on other actors, what already alone, like autopoietically brings the state of the competition of the second member on the scene. This type is also that, which shows always publicly the everyday reality of this rivalry, which then – enhanced through the force of the digitalization and the approaches of a society of information – strengthens the impression of the mutual global rivalry at the expense of the global cooperation existing already in itself.

Peculiar sides of this mutual struggle are, if individual actors set for themselves certain coordinates, orders of magnitude and norms, that they consider them as pain threshold of the others in this universal and permanent conflict. So, we can for example read in the drone attacks, that another imperial actor wants to avoid to enlist in the Chinese airspace, because it assumes, that China would not tolerate it. Another

---

¹ An interesting confirmation of this assumption of the mutual rivalry in the second line can be so, if inside the cooperating global structure of these imperial actors other coalitions are emerging, which *feel themselves closer to each other than versus the others*, for this consideration seems to have already taken into account the fact, that this rivalry causes damages to the others (with the closer approach, these can certainly be moderated).

side of the same dimension consists in the support to the civil-, women's and other social movements (social media!) on the sovereign territory of other imperial actors, in which also blurred borders of influences are established. For us, this phenomenon has the above-average importance, that such steps and opinions can apply as indirect confirmation of our thesis.

A very particular place is coming in this very concretely conceived conflict of the global empires of the mass communication and of the mass culture. That these be since ever already international, and can be prevented in their nature only through the force, is a fundamental fact. That this rivalry of individual global protagonists happens in them thousands of times, is another important fundamental fact. The difficulty and simultaneously the theoretical interest of this domain consist in the extensive infinity of this domain, in its confusion, but also not less in the considerable asymmetry, that exists under this aspect among the individual global players, while the American mass culture influences much more clearly the other great empires as it is the case in reverse order, even if this effect can also not be considered as unlimited or unilateral. The mass culture does not only mediate the own and the other "world", but in several genres also "works up" and thematizes another world. On working up the essential problems of the other empire, several variations of interpretation can appear, every civilization is working on the fundamental problems of the other, like it was formerly the case in Charlie Chaplin's and Leslie Howard's films on the Third Reich or Andrzej Wajda's films on the Stalinism.

In sign of the universal rivalry of the individual civilizations, multiple and very strange phenomena can also outgrow from this problematic. This signals, in an interesting way, (as one of many phenomena) a reaction on an American film presently shot about Che Guevara, in which it was affirmed, "the others relate our history". There are however examples for that, which one global "empire" calls into question the right to exist of the other, like it happens often, in an astonishing way, between the USA and America (for instance : America = Mars, Europe = Venus). In this communication, some individual real dimensions of this mutual conflict of individual empires are however also thematical, like for example in the matter of relationship between Europe and North-Africa, or in the discussion about to what extent the EU interventions should support the individual member-states in other places of the world. In this analysis, a point is also visible, that would be even not noticed from another starting point. If it is really about the responsibilities of the "hinterland", it becomes then soon visible, that this concept means something quite different in Europe than in all other great global units. Europe's "base" consists of individual nation-states, that partly protect their sovereignty, partly have abandoned it. This known fact can become relevant in the new context of the competition of the global empires in the second line. If we already stay at the level of the damages, it is then already quite fundamental to expect, that they can be unevenly distributed only because of this fact. Here, we want to mention briefly the European politics of education and school, where the university shows surely itself as a terrain, on which the rivalry of the individual great player (behind the comprehensive global cooperation) is running intensely.

At this point, let us leave aside, whether the European politics of higher education is meaningful or not (for us: not). The chosen strategy in the conflict revealed however undoubtedly as a strategy, which disadvantages and losses are not distributed evenly among the individual states. This difference can also be generalized. In Europe,

it is therefore possible, that the negative consequences of the rivalry of the second line be unequally redistributed to individual member-states! If we think of the rivalry of the philosophies of life, religions and ideologies, we would so spontaneously think, that only quite few ideologies take part in this great competition. It is however not the case. In truth, there are many more ideologies in the global world, which are fighting each other and each of these ideologies has also inwards a rich differentiation, that fights also now inside the same major ideology or religion.

The convincing impression, that Huntington's Clash of Civilizations was a self-realizing prophecy, that influenced in its way the events, came mostly from the strange and somewhat instilling fear experience, that this "struggle" came together with that result, that every ideology or philosophy of life "fundamentalized" with consequences, i.e. in case of every individual ideology gave rise to the more fundamentalist or the most fundamentalist variation (Huntington, 1996). Thus, the fundamentalism entered a new phase of its history, with which also a new history, a new sociology and also a new sociology of the knowledge of the fundamentalism became necessary.

A development occurred, which in a peculiar way had also moved closer to each other the individual philosophies of life or ideologies. Simultaneously, some fundamentalist thought structures became so general, that larger groups and masses, in many countries and in many sociological circles, do no longer recognize exactly the fundamentalist color of their mode of thinking and just use the fundamentalism, like they applied formerly the constructive thought structures, they use even now the fundamentalist structures to solve factual problems. In the duality of such empires, the ideological and civilizational clash can show through with great ease, the difference between communism and post-communism is, for such reasons, also not made with sufficient care, while China is still classified, sometimes communist, sometimes neo-liberal in these double-level becoming confrontations (empires + ideologies). Also the eventual differences between America and Europe are looking already for "ideological" marks, where one part must always ideologically (i.e. democracy-theoretically) stand above the other, even if the criteria of this civilizational superiority are absolutely relative and no longer show the unambiguity of the year 1989.

The imperial conflicts of second line (behind the global cooperation, that constitutes the first line) adopt in any of their constitutions always clear ideological-philosophical forms. These ideologies and these philosophies of life are adopting very generally (as it has been once pointed out) a "fundamentalis" character, what has also to be explained from this competition. It is almost alarming, that this process represents the counter-movement toward the development after 1945, while formerly the individual ideologies/philosophies of life became always more differentiated and demanding. No doubt, this movement is also to explain with the rivalry of the individual global empires, in which leading ideologies anyway are often really very close to the fundamentalism, it is however to explain also with the ever decreasing role, that the really independent intellectuals play in the process of formation of these ideological concepts.

This growth carries in itself two dangers to consider seriously. The correspondence – relation of an "empire" with a "civilization" (philosophy of life/religion) represents such a striking (!) and amazing simplification of our hyper-complex world, which must be in itself identified, through the scale of this simplification, directly as the highest danger. This simplification is somewhat as we would really think, that

the Roman Empire consisted of Romans, who represented the civilization/philosophy of life/religion of the Roman Empire! This extreme simplification operated up to now and will, most probably in the future, also work as a self-fulfilling prophecy. The concrete orientation of this prophecy is already alone a negative and self-destructive one. If one "empire" interprets the plural, multi-strata, modern reality of the other as fundamentalism, it follows then necessarily, that the own society considers itself also as fundamentalism, possibly emphasizes and supports in itself the own, fundamentalist trains².

From these virtual processes, a concept of the enemy occurs already each time. Both fundamentalistically colored empires can experiment the others as "enemies", depending on the intensity of formation of the concept of the enemy of the own philosophy of life. No today politician is to blame for the fact that every other philosophy (of life) is an enemy, he is, so to speak, constrained to experiment, at a certain stage of the self-fulfilling prophecy, the other as an enemy.

Another consequence of this danger of the link of the rivalry of the empires with the rivalry of the ideologies consists in the easily understandable fact, that on this basis the mechanisms of the positive feedback must work. The perception of this now doubled rivalry leads necessarily to the acceleration and intensification of conflicts among the individual great actors. This rapidity can, under some circumstances, be a rapidity, to which we are not prepared and that possibly can also not be perceived in the normal everyday world.³ This danger exists quite concretely in the fact, that the launch of the civilizational struggle in the imperial rivalry represents a critical, if not just an irreversible change. The universal rivalry of the global "empires" is also part of the real politology, is rational to interpret and might be even also addressed as trivial event. It is therefore of socio-ontological nature, even if it does not maybe please us. The truly tragic consequences of the penetration of the civilizational struggles consists in the fact, that the ideologies grant the struggle of the great empires new qualities, they make of this struggle a new reality, a no longer controllable irrational world situation can arise from a politically and socio-ontologically "normal" situation.

The mutual rivalry in the second line of the globalization can engage new "double antagonisms" through this link with the struggle of the civilizations. Since the "fundamentalization" mutatis mutandis is going forward in the inner life of every great empire, a confrontation between "fundamentalism" and "correct democracy" arises from these double positions.

We must here point out the again very problematic side, that, while in the "West" the anti-communism is the opposing fundamentalism № 1 (Baudrillard, 1986), in the fundamentalist "East" (i.e. in the concrete empires, we count there), the anti-liberalism is the concept of enemy № 1. The juxtaposition of both these "fundamental" facts prepares considerable dangers for the further development. For, the role distri-

---

² That by the way such inner trains seeming fundamentalist at the age of the crisis and of the self-destructive society of indebted states occur as alone, goes even without saying.

³ It is about unsuccessful individuation processes, break of traditions, economic crisis, unemployment, disappointment because of political systems, that are only exacerbated by the modern social and non-social communication, so that in this acceleration they can even have archaic, modern and postmodern moments equal to their importance.

bution has the common train, that neither in the “West” (in the here concerned great actors), nor in the “East” (in the here concerned great actors), the fundamentalism is the concept of enemy № 1. This contributes to another acceleration of the dynamics, if not of the dialectic of the fundamentalism. In this relation of the “West” to the “East”, the West wanted mainly act, with the attraction force of the occidental values, on the population of the East, and also export the democratic institution. We cannot say, that the endeavours remained unsuccessful, even these efforts were however highly hindered by the arising of the clash of civilizations, because they have been just fully politicized and even the clearest values of the democracy and of the emancipation could appear as imperial interests.

This concrete confrontation shows again asymmetrical trains. Thus, a double threat arises from the mutual influences (as rivalry of the second line even from a “normal” fact). The first is directed against the other “civilization”, without forgetting however also the other one, in which the other threat concerns the own population, if it does not understand how to take over, at its level, also the logic of the civilization struggle. In a “fundamentalist” empire, we may not behave “democratically” and in a “democratic” empire, we may not behave “fundamentalistically”, understanding these attitudes, as we just understand them concretely. Any fundamentalism is an organic component of the doubled global rivalry of the “empires”, that must act in a globalization (if not exclusively of “imperial” color). While we have described, at a place, the globalization as dialectic of the modernity, we must categorize the advance of the fundamentalism in this doubled rivalry as dialectic of the fundamentalism.

It seems to us, that this observation could characterize also many other situations in the processes of the today globalization. An open confessional conflict or even a war would also come together with that incalculable damage, that we may think, that the world history would not exist and this (global) confessional war (which is ultimately anything but confessional or civilizational) differs in nothing from the war of the crusaders. That we previously focused on the confrontation of the “West” and of the “East”, does not at all mean, that we had forgotten, that there are quite a lot of “imperial” and “civilizational” conflicts. The effective reality is precisely constituted of a multiplicity of these conflicts. In this “dialectic of the fundamentalism” (which extent is, as said, temporary and hypothetical), we must sensitize, in this domain, in the direction of the “mutual affinities and attractions” (Wahlverwandtschaften) between empires and ideologies.

In the wake of these processes, the individual empires try to find their own (old or new) civilizational ideologies. The same movement can also start from the other end: the organizing civilizational ideologies (that can already occur at this stage also as independent institutions) also try to find their “own” empire, from which they expect, that they will play, in this concrete field, an “exclusive” role. Has the “dialectic of the fundamentalism” effectively somewhat advanced, it is then inevitable, that the democracies be disadvantaged in this competition. in the short term, it is namely questionable, that the attraction force of the democracies in a non-democratic society, or in a state of crisis, could resist with the demagogy or the aggressiveness of the well-organized fundamentalist pressure. It seems to us, that the assumption of Huntington’s option of a Clash of Civilizations was an historical error of the “West”, for the rapid identification with this conception has prevented a more constructive, more communicative and, finally, more human development in the “global” space

of the globalization, already the absence of another way must be considered today as a serious mistake (Ehrke, 2004.). The interpretation of the terrorism is without any doubt a consequence of this politics. This vision hides, on the one hand, the reality, at least in the sense, that this phenomenon is not justified by the doubling of the imperial rivalries in the second line. Drawn from this context, the terrorism can already be multiply interpreted, even if also numerous right moments can also be easily contained in these interpretations. So, the terrorism is on the one hand immeasurably increased. On the other hand, the transformation of the such understood terrorism reveals also in a self-fulfilling prophecy, so that at the end we can just as difficultly make the distinction between the ideological phantom and the reality, such as it has been formerly the case with the Clash of Civilizations. The integration of the Clash of the Civilizations in the (almost obvious) rivalry of the empires of the globalization can accelerate the conflicts in the globalization also thus unexpectedly and critically (Berger & Huntington, 2002).

Thus, a dialectic of the fundamentalism realized. It is apparently the consequence, but in the reality a not necessary consequence, if not just the contrary of the globalization itself. It may no longer be called into question, that thus a true danger appeared.

The Three World Societies

In the neoliberal globalization after 1989, the dichotomy “freedom-repression” is appearing in a new way. On the one side, the thinking is also in itself considerably liberated, while the criteria and dimensions of the real globalization are making almost impossible to construct a specific hermeneutics of the globalization. The everyday real test can be one of the major trains of character of the globalization of our years. If it represents an incarnated cognitive dissonance or an antinomy, or even a contradiction, which both poles are located on considerably different levels of abstraction, we leave that aside. While we want soon to describe the global society also as a “society of the good will”, it is already so much clear, that “the good will”, which is mentioned here and not yet realized, a reaction also of social “splitting” phenomena worth of interest.

After 1989, which date is, according to many considerations, also as the date of beginning of the globalization, it was given to the value-oriented and exigent citizen, to identify themselves with the democratic system and in it also, intensively and all-round, with their own democratic establishment. This honest and intensive identification with the own system was certainly the product of the message of the year 1989, a certain “end of the history”. From a perspective of the increasing temporal distance, this phenomenon of the full identification with the own system reminds of phenomena of the sixties. It is here not about the peak points of the movement of the new Left, rather about the much slower change of values, in which many wanted to live value-oriented, have overcome positions of the new Left of that time, without wanting to have named themselves under the name of Left.

The same attitude belongs also to the history of the invisible transition from the new Left to the neoliberalism (new Liberalism), in other terms, from 1968 up to 1989, on which the author of these lines has also written a lot of studies, without having really thought at that time how much the continuity of this transition will be amazing. Another important heuristic point in a possible reconstruction is that mysterious

modification, of how finally similar contents can be transformed, on the political pallet, from “left” toward “right”. It is a fact, that this process of 1989 of the self-identification with the own system in the soul of this new group of the citizens, wanting to live consciously value-orienting, was going on as it was the case after 1968. The movement of the great world-historical pendulum undoubtedly began already in the midst of the seventies (i.e. still far before 1989). This shows also the sense of the vacuum let by the new Left.

Such a profound, if not intransigent, self-identification with the own society and the own political representatives is a “social fact” in Durkheim’s sense, which must have a range of consequences. One of these consequences is, that it can be an instrument suggesting to the power or to the establishment of such a society to use this situation deeply egoistic. Such an establishment can easy manipulate this profound self-identification, this obvious confidence, to build on this attitude a solid pillar in the political universe. The possibility of the manipulation is at an early stage spontaneous here. It is in principle also from the beginning so, that this intensity of the identification can hand over spontaneously the people concerned at any time to the manipulations of the establishments. This new master-servant relationship emerges therefore immediately after the crystallization of the original basic situation. The best social order is here, the social fact becomes reality. 1989 brought with its credible message a revolution of the good will and the faithful, graceful society. The radical novelty of this manipulation is, that this time it is not aimed at the deprived, the wretched, the poor or social classes, that should be appeased or diverted in the articulation of their real rights and disadvantages. This time manipulating some classes, which are partially satisfied, are identifying themselves with the establishment, are emotionally satisfied with the state of the world and the globalization.

An interpretation of a large historical arch shows the way from the ideally accepted total identification (with the new world) up to the manipulation (not yet quite totally realized). We consider the turning point of the historical credibility of the new establishment of the year 2004 (George W. Bush’s Iraq war) or of the year 2008 (world financial crisis). The positive value-oriented attitude of the year 1989 was no longer really considering its own time as problematic. The positive, quite apologetic train was belonging to its nature. The new culture of the all-round criticism has also not been supplemented by ever new rules of the correct behavior, by ever new rules of the correct speech. Precisely the society of the good thought spontaneously and independently that, in 1989, a qualitative leap in the world history occurred. If one follows this line, one is soon confronted with well-known phenomena of the last decades. The result is striking: in the criticism, already become of second nature, the share of “empiricism”, the sense for reality, has always declined, although that of the criticism grew just as straightforwardly. An attitude of permanent and growing criticism with a shrinking share of empiricism and a shrinking sense for reality is however only possible, if the proportion of manipulation also increases in the overall process.

After the East-European real socialism and the West-European conformism (one must also add to this already the “new” leftist conformism), we may not be surprised, that the stabilization of the criticism as social activity produced a profound enthusiasm, which also led to the self-identification with the own reality, although this establishment might also much recognize, that one can lean largely and perspectively upon this attitude. This is the more profound reason of the already once mentioned proximity,

if not encounter of the culture of the criticism and of the deconstruction issuing from the post-modernism. On this line, manipulation is deconstruction and deconstruction is manipulation. Starting from the birth of a striking attitude which, on the basis of the interpretation of the year 1989, we draw up a hypothesis about three “societies”, that emerged from these sources.

We indicate, that precisely the interpretation of the year 1989 produced these three global “societies”. We take for absolutely actual the existence of these three global societies. The first society would be the society of the good will itself, for which the value-oriented life of this year (1989) can no more become an open problem. We define the second society as the one, which is fundamentally not constituted by the above described good will. In the following, we will try to identify it in this abstract description as the society of the “majority”. We see the third society in that virtual apparatus, political class or elite, global conglomeration, which power has been built on the year 1989 and thus became the concretization of that establishment, with which the “first” society identified itself so totally. This “third” society might surely be defined on the basis of a detailed analysis also as “new class”, however we are not at all so far in the description, and we are also afraid, that this “new class” can be confused with the numerous other “new” classes of the last historical period in the sociological literature.

The three societies are making up a configuration, which is becoming decisive apparent behind the relevant real events. The “third” society is the object of the self-identification of the “first”, the “first” is the product of the year 1989. The “second” society lived after 1989 rather long in the shade, its emancipation began only after the first elementary shakes of the new world order (under “shakes”, we understand the process, in which the self-image and the hopes of the achievements of 1989 had to see themselves confronted to the reality). The “first” society, the one of the “good will” was representing on the long term (with the help of the “third” society, which is the manipulation itself!) as the whole society. It is therefore a great question of the history, of what was and, fundamentally, what does the historical fate of the “second” society become, which is on the way to demonstrate the “majority”, while the “third” society is doing everything to make an example out of the constantly changing groups of the “first” society.

The relations of the three societies are produced also in the milieu, which is defined by the reality of the indebted state. The “third” society suggests often to the “first” society, that the indebted state is not the decisive fact, rather that the demolition of the state is a progress, that is precisely going to meet the individualizing and liberal velleities of the “first” society. The “second” society is however the clear loser in the condition humaine of the indebted state.

For the establishment of the period after 1989, nothing might have been in abstract more profitable than the weakness of the national sphere, which poured out of the indebtedness (and out of no other conditions). The global establishment can appropriate itself everything in these circumstances! It can implement private power plants and private universities, it can buy media or media empires, and it is also largely free from any further state control (because of the globalization, of the media power, and exaggerated personal rights, that grant this class a practically unshakable legal protection).

In the co-ordinated interplay of the “first” and the “third” societies, the “second” society appears constantly and really as “enemy”. It has to be seen so, because for in-

stance the “third” society cannot at all imagine that this society will bear its deprivation, impoverishment and social humiliation without any resistance. For precisely the “third” society knows most exactly which profits of any kind it has already drawn from this change, and it remains nothing but the “first” class to believe in the interpretation models of the “third” society about the nature of the “second” society. So it remains then a simple task of the everyday manipulation.

The three “societies” are living also in the world of the new medias. The communication, the knowledge, the technology of information, the world of the virtuality enable an all-round and rapid exchange of messages. The three “societies” can be excellently classified on the axis of media poverty and media wealth. The “third” society owns the mediality in every sense of the word. It uses the medias to preserve the “first” society in its enthusiasm. The “second” society is not considered as target group, has itself no media, appears in the media mostly as “deserved victim” or as a “potential danger”. The manipulation is kept alive by the “third” class in the interests of a further mastering the “first” class.

The “three” societies are not necessarily developing in their parallelism in the sense, that they once appear in a representative state as three vast comprehensive parties. It seems to us that they are evolving in the direction of three great thought communities, for instance toward three “religions” in a not yet exactly identified sense of the word. Fully roughly outlined: the “first” society goes in the sense of a new and of a new type christianity (“Man is good”), the “second” society is wrapping around a new “religion”, while it wants to escape from the chaos of the new mass culture and of the old resentment. Today, we already know the “religion” of the “third” society: it is “Monte Carlo”, “Alfa Romeo”, “Cayman Island” and “Kalashnikov”. The status of distribution of the media ownership (and its ever-talented use) precisely underlines the importance of Assange and Snowden, this situation creates precisely the right context for their publications. The new sensibility for the empiricism shook the credibility of the “third” society. The “first” society can free itself from the enchantment of the “third” society. The “second” society can breathe deeply, but still has much to suffer until it succeeds in articulating itself positively.

Without difficulty one can see how the deepest debates of our years are concentrated around this virtual and abstract class formation. A possible positioning of the current Left might explain today also great chapters of the real politics. For, on the one hand, the established Left belongs after 2000 to the third class of the “manipulators” (i.e. the elite). On the other hand, the established Left builds without any doubt a strong and independent group of the “society of the good will” (first class). and thirdly, the “second class” remains of course (for instance the “majority”), that was traditionally considered as “left target group”. This tripartition of the real existing Left might explain, why its political articulation is so fragmented. If we were to consider the phenomenon Trump or the alternatives of the current moderated and / or extreme rights in front of the horizon of this new virtual structure, this confrontation would then yield also numerous insights.

References

1. Baudrillard, Jean. (1986). *Die göttliche Linke: Chronik der Jahre 1977 – 1984. Mit einem Anhang für unsere Republik der Gleichen.* (= *Debatte*, 18). München:

Matthes und Seitz.

2. Berger, P.L, & Hantington, S.P. (Eds.). (2002). *Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World*: Oxford; New York: Oxford University Press.

3. Ehrke, M. (2004). *Das neue Europa. Ökonomie, Politik und Gesellschaft im postkommunistischen Kapitalismus*. Retrieved January 17, 2020, from <http://www.library.fes.de/pdf-files/id/01456.pdf>

4. Fukuyama, F. (1992). *The End of the History and the Last Man*. Free Press

5. Hantington, S.P. (1996). *The Clash of Civilizations. Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.

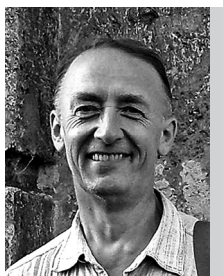
6. Kiss, Endre. (2000). Human rights and people in the course of the Globalization. In E. Voit, & J. Klopfer (Eds.), *Völkerrecht und Rechtsbewusstsein für eine globale Friedensordnung* (pp. 55-64). Dresden.

7. Kiss, Endre. (2010a). A Philosophy of Globalization. *Age of Globalization*, 2, 53-65.

8. Kiss, Endre. (2010b, November). The Dialectics of Modernity. A Theoretical Interpretation of Globalization. *Journal of Globalization Studies*, 1(2), 12-26.

9. Schumpeter, Joseph A. (1919). *The sociology of imperialisms*. Germany: Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik.

БЫТИЕ БОГА ВО ВСЕМ КАК ФОРМАЛЬНО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ЗАКОН, ОБОСНОВАННЫЙ ВЫЧИСЛЕНИЕМ ЦЕННОСТНЫХ ФУНКЦИЙ В ДВУЗНАЧНОЙ АЛГЕБРЕ МЕТАФИЗИКИ КАК ФОРМАЛЬНОЙ АКСИОЛОГИИ

Лобовиков Владимир Олегович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0001-8760-0452,
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.02.2020, принята к публикации 14.08.2020

Для цитирования: Лобовиков В.О. Бытие Бога во всем как формально-аксиологический закон, обоснованный вычислением ценностных функций в двузначной алгебре метафизики как формальной аксиологии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3 (40). С. 171–185. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10311

Аннотация

Объект исследования – проблема существования Бога во всем. Предмет исследования – *формально-аксиологический аспект* этой проблемы. *Цель исследования* – обоснование формально-аксиологического закона вездесущности Бога в двузначной алгебре метафизики как формальной аксиологии. *Метод исследования* – математическое моделирование предмета исследования. *Научная новизна* полученных результатов: в статье представлена вплоть до настоящего времени не рассмотренная дискретная математическая модель философско-теологической проблемы вездесущности Бога. На уровне искусственного языка двузначной алгебры формальной аксиологии предложен и детально разработан *принципиально новый* вариант эффективного решения обсуждаемой проблемы. Таким образом,

© Лобовиков В.О., 2020

качественно *новый метод* аналитической теологии, а именно преднамеренное конструирование и систематическое исследование дискретных математических моделей божественных атрибутов, применяется для освещения сложных аспектов философской теологии. Плодотворность (эвристическая и педагогическая ценность) использования упомянутого метода математической теологии демонстрируется на конкретном примере путем приложения его к прояснению и устранению возражений против бытия Бога во всем, которые (возражения) изобретались атеистически и скептически настроенными философами с античности до наших дней. *Впервые* в литературе по философской теологии существование Бога во всем обосновывается как формально-аксиологический закон аккуратным вычислением релевантных ценностных таблиц в двузначной алгебре формальной аксиологии. В отношении к чисто техническому аспекту математики как таковой, предложенное обоснование обсуждаемого формально-аксиологического закона элементарно, но с точки зрения содержательной философской теологии обоснование формально-аксиологического закона вездесущности Бога путем вычисления релевантных композиций ценностных функций в двузначной алгебре формальной аксиологии является психологически неожиданным и теоретически нетривиальным.

Ключевые слова:

двузначная-алгебра-метафизики-как-формальной-аксиологии, моральная, ценность, ценностная-переменная, ценностная-функция, бытие-s-v-w, вездесущность-Бога, формально-аксиологический-закон.

UDC 16+2+17+51-7+512

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10311

OMNIPRESENCE OF GOD PROVED AS A FORMAL-AXIOLOGICAL LAW BY COMPUTING EVALUATION- FUNCTIONS IN TWO-VALUED ALGEBRA OF METAPHYSICS AS FORMAL AXIOLOGY*

Lobovikov Vladimir Olegovich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Principal Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0001-8760-0452,
E-mail: vlobovikov@mail.ru

---

* This article is the first printed publication of the author's complete paper presented orally at the 2nd World Congress on Logic and Religion, Warsaw, June 18-22, 2017, Institute of Philosophy of the University of Warsaw

Article received on February 20, 2020, accepted on August 14, 2020

To cite this article: Lobovikov V.O. (2020). Omnipresence of God Proved as a formal-axiological law by computing evaluation-functions in two-valued algebra of metaphysics as formal axiology. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(40), 171–185. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10311

Abstract

The object of investigation – the problem of omnipresence of God. The subject-matter of investigation is a *formal-axiological aspect* of the problem. The *aim of investigation* – a proof of formal-axiological law of omnipresence of God in two-valued algebra of metaphysics as formal axiology. The *method of investigation* is mathematical modeling the subject-matter of investigation. The *scientific novelty of results*: the paper submits a *hitherto never considered* discrete mathematical model of the philosophical-theology problem of omnipresence of God. At the level of artificial language of two-valued algebra of formal axiology a *substantially novel* option of effective solving the problem is suggested and elaborated. Thus, a significantly *new method* of analytical theology, namely, intentional constructing and systematical investigating discrete mathematical models of divine attributes, is applied for illuminating complicated aspects of philosophical theology. In this paper the fruitfulness (heuristic and pedagogic value) of using the mathematical-theology method is exemplified by applying it for clarifying and eliminating the empirical objections against omnipresence-of-God which objections have been invented by the atheism-or-skepticism-minded philosophers since ancient times to nowadays. *For the first time* in the literature devoted to philosophical theology God's omnipresence is demonstrated as a formal-axiological-law by accurate computing relevant evaluation-tables in two-valued algebra of formal-axiology. In relation to the purely technical aspect of mathematics proper the submitted demonstration of the formal-axiological-law under consideration is very simple but from the content viewpoint of philosophical theology, proving God's-omnipresence-as-a-formal-axiological-law by computing relevant compositions of evaluation-functions in algebra under consideration is psychologically surprising and theoretically nontrivial.

Keywords:

two-valued-algebra-of-metaphysics-as-formal-axiology, moral, value, evaluation-variable, evaluation-function, being-of-s-in-w, omnipresence-of-God, formal-axiological-law.

Although in speaking of him we say that God is everywhere present, we must resist carnal ideas and withdraw our mind from our bodily senses, and not imagine that God is distributed through all things by a sort of extension of size, as earth or water or air or light are distributed.

Letter 187, Ch. 2 (Augustine, 1953)

***

...God is in every place, and this is to be everywhere. First, as He is in all things as giving them being, power, and operation, so he is in every place as giving it being and power to be in a place. Again, things placed are in place in so far as they fill a place: and God fills every place; not, indeed, as a body, for a body is said to fill place so far as it excludes the presence of another body; but by God being in a place, others are not thereby excluded from it... It is necessary to say that God is in all things by His presence.

“Summa Theologica”. Part I. Question 8. Article 3. (Aquinas, 1994)

***

Prop. 15. Whatever is, is in God, and nothing can either be or be conceived without God...

“Ethics” (Spinoza, 1994, p. 594)

Introduction

The philosophical-theology problem of God’s omnipresence (and of everything’s being in God) has been a hard puzzle since ancient times to early modern ones (Augustine, 1953, 1994), (Anselm, 1998), (Aquinas, 1975, 1994), (Descartes, 1985), (Spinoza, 1994), (Malebranche, 1997), (Leibniz, 1989, 1996), (Newton, 1962, 1994), et al. Today there are plenty of profound studies concerning this problem (Brom, 1984, 1993), (Everitt, 2010), (Futch, 2008), (Geisler, 2003), (Grabowski, 1954), (Hartshorne, 1941), (Hudson, 2009), (Inman, 2016), (Leftow, 1989), (Oakes, 2006), (Pruss, 2013), (Stump, 2008, 2011, 2013), (Wainwright, 2010), (Wierenga, 1988, 1989, 2010, 2015), et al. Therefore, publishing a new paper on this theme is justified if and only if it does submit a substantially new nontrivial investigation option missed by other researchers. In my opinion submitting the present article is just the case. Usually the authors operate with the perplexities appearing at the level of proper logic semantics of the natural language used in discussing the enigma of God’s omnipresence. But in contrast with Augustine times today among analytical philosophers it is well-recognized that there are no formal logic interrelations between corresponding facts and contingent values (relative evaluations). However even today in spite of the principle of logic autonomy of facts and contingent values many humans continue using *empirical* terms of everyday-life (or of *science*, for instance, of physics) while discussing statements of being (or non-being), possibility (or impossibility) of God’s omnipresence, although the *empirical* terms are not adequate to the case of precise pondering over divine questions *necessarily* possessing *formal-axiological* aspects in general and formal-ethical ones in particular.

In formal-logic relation, corresponding facts and relative (contingent) values are separated. This separation is established by D. Hume’s guillotine (2000) and G.E. Moore’s doctrine of the naturalistic fallacies in ethics (1903). But God’s being is *necessary*, hence, statement of His being is not a fact, because, by definition, fact is a *contingent* truth (Leibniz, 1903, 1952, 1989, 1996; Carnap, 1956) while statement of His being is a *necessary* truth. Moreover, God’s positive moral value is not relative (contingent): His goodness is absolute; God is not contingently but necessarily good. Consequently, Hume (1998, 2000) and Moore (1903) *empirical* doctrines

of human nature and morals are not relevant to theology as God's nature and moral value differs much from human one. Is statement of *necessary* being separated logically from corresponding statement of *necessary* goodness? – the question is non-trivial and worth investigating. It has not been studied hitherto (Hume, for instance, was busy with *empirical* considerations of *facts* and *contingent moral evaluations* exclusively). In logical positivism of XX century, such disciplines as metaphysics, axiology and theology were labeled senseless: special terms and specific sentences of these disciplines were treated as meaningless combinations of letters (Carnap, 1931). The world was considered as *totality of facts* and the language isomorphic to that world was considered as possessing only *descriptive-indicative* semantics (Wittgenstein, 1992). Existence and importance of a *formal-axiological* semantics of the natural language was not recognized by logical positivists on principle, and this not-recognizing continues even up to the present time. Unfortunately, a *structural-functional* aspect of the *formal-axiological* semantics of the natural language has missed its mathematical modeling. In particular, while discussing God's omnipresence *statements of positive value* of the omnipresence are presumed as something quite obvious for the believers but these statements do not undergo a systematical *formal-axiological* analysis using artificial language of discrete mathematics which could help to solve the knotty logic-linguistic problem of existence and of possibility of the divine attribute in question.

Therefore, the present article is targeted at submitting an option of filling in the indicated blank in the logic-linguistic literature and in the philosophical-theology one. To make the article perfectly understandable first of all it is indispensable to introduce, precisely to define, and to exemplify the minimal set of basic definitions necessary and sufficient for strict demonstrating that God's omnipresence is a *formal-axiological-law* of the two-valued *algebraic system of metaphysics understood as formal axiology*. Hence let us introduce the new conceptual apparatus (novel terms) systematically to be used below for constructing the proof.

1. A two-valued algebraic system of metaphysics as formal-axiology: such a set of basic definitions which is necessary and sufficient for demonstrating effectively that God's omnipresence is a formal-axiological law in that algebraic system

First of all, let us fix the meaning of the word "metaphysics". In this paper I elaborate further the opinion that, *in its essence, metaphysics is nothing but formal axiology* dealing with *abstract value forms* exclusively (Lobovikov, 2007). Therefore, the metaphysics dealing with the totality of abstract value-forms (and only value-forms) has nothing to do with the science dealing with the totality of facts and only facts. Hence according to the principle of logic-separation-of-facts-and-values, the metaphysics and the empirical science (in their essence) are logically independent: a logic contradiction between them is impossible; the notorious conflict between them is a logic-linguistic confusion. This somewhat not-traditional *formal-axiological view of metaphysics* has been submitted and elaborated systematically in a set of my books and papers, for instance, (Lobovikov, 2007, 2009, 2011, 2014, 2018, 2019). In this article I submit nontrivial developing further the analytical metaphysics as formal axiology equipped with discrete mathematics by applying it systematically to the religious studies of God's omnipresence. I believe that such psychologically surprising

mathematical modeling can help effectively to eliminate some of the difficulties and convincingly to answer some of the questions related to the theme.

The paper consists of two parts: (1) systematical presenting a set of already published basic definitions, conventions, etc. making up the foundation (language, method, apparatus) for an unknown discrete-mathematical (algebraic) demonstration of *formal-axiological law of God's omnipresence*, and (2) constructing and discussing the unknown demonstration.

The here-used two-valued algebraic system of metaphysics is the triple $\langle D, \Omega, R \rangle$ in which D stands for the set of all such and only such *either-existing-or-not-existing things* which are *either good or bad* ones in relation to an evaluator Σ . The symbol Σ stands for a person (individual or collective one – it does not matter), in relation to which all evaluations are generated. Obviously, Σ is a *variable*: changing values of the variable Σ can result in changing evaluations of concrete elements of D . However, if a value of the variable Σ is fixed, then evaluations of concrete elements of D are quite definite. Elements of D are called *formal-axiological-objects* of metaphysics. Elements of the set $\{g$ (good), b (bad) $\}$ are called *abstract formal-axiological values* of elements of D . Moral or legal *acts or persons* (individual or collective – it does not matter) are *concrete examples (particular cases)* of elements of D . In the above-mentioned triple the symbol Ω stands for the set of all *n-ary algebraic operations* defined on the set D . (These algebraic operations are called *formal-axiological* ones.) In the indicated triple the symbol R stands for the set of all *n-ary formal-axiological relations* defined on the set D . (For example, the below-defined “*formal-axiological equivalence*” and “*formal-axiological entailment*” belong to R .)

Algebraic operations (defined on the set D) are *abstract evaluation-functions*. *Abstract evaluation-variables* of these functions take their values from the set $\{g, b\}$. Here the symbols “ g ” and “ b ” stand for the abstract values “good” and “bad”, respectively. The functions take their values from the same set.

Speaking of evaluation-functions I mean the following mappings (in the proper mathematical meaning of the word “mapping”):

$\{g, b\} \rightarrow \{g, b\}$, if one speaks of the evaluation-functions determined by *one* evaluation-argument;

$\{g, b\} \times \{g, b\} \rightarrow \{g, b\}$, where “ $\times$ ” stands for the Cartesian product of sets, if one speaks of the evaluation-functions determined by *two* evaluation-arguments;

$\{g, b\}^N \rightarrow \{g, b\}$, if one speaks of the evaluation-functions determined by N evaluation-arguments, where N is a finite positive integer.

The symbols: “ x ” and “ y ” stand for *abstract-value-forms* of elements of D . (Moral-legal-value-forms of actions and persons are *specific examples* (particular cases) of *abstract-value-forms* of elements of D .) Elementary abstract-value-forms deprived of their contents represent independent evaluation-arguments. Compound abstract-value-forms deprived of their contents represent evaluation-functions determined by these arguments. Below let us consider some concrete examples of mathematically elementary evaluation-functions immediately related to the theme of this article. Let us start with the functions determined by *one* evaluation-argument. (Here the lower number-index 1 standing immediately after a capital letter informs that the indexed letter stands for a function determined by *one* argument.)

The *glossary* for the below-submitted evaluation-table 1: Let the symbol B_x stand for the evaluation-function “*being (existence), life of (what, whom) x*”. N_x stands for

the evaluation-function “*non-being (nonexistence), death of (what, whom) x*”. G_x stands for the evaluation-function “*God of (what, whom) x in monotheistic world religion*”. I_x stands for the evaluation-function “*god¹ of (what, whom) x in polytheistic local (pagan, heathen) religion*”. D_x means the evaluation-function “*daemon of x in polytheistic local (pagan, heathen) religion*”. A_x – “*Anti-God (God’s Enemy) of (what, whom) x in monotheistic world religion*”. Z_x means the evaluation-function “*thing (what, who) x*”. P_x means the evaluation-function “*place, space of (what, whom) x*”. T_x – “*time of (what, whom) x*”. U_x – “*x’s being unmovable, unchangeable*”, or “*immovability, immutability of (what, whom) x*”. M_x – “*matter, material (what, who) x*” or “*materialness of (what, whom) x*”. Initially, such table-definition of the functions G_x, I_x, D_x, A_x was published in (Lobovikov, 2015) and then used in (Lobovikov, 2017, 2018, 2019).

Table 1 – The functions determined by one argument

x	B_x	N_x	G_x	I_x	D_x	A_x	Z_x	P_x	T_x	U_x	M_x
g	g	b	g	g	b	b	g	g	g	g	b
b	b	g	g	b	g	b	b	b	b	b	g

The glossary for the below-submitted evaluation-table 2: F_x – “*finite, definite, limited (what, who) x*” or “*finiteness, definiteness, limitedness of (what, whom) x*”. J_x – “*infinite, indefinite, unlimited (what, who) x*” or “*infiniteness, indefiniteness of (what, whom) x*”. L_x – “*necessity of (what, whom) x*”. O_x – “*one-ness of (what, whom) x*”. S_x – “*simplicity of (what, whom) x*”. C_x – “*complexity, compound-ness of (what, whom) x*”. Y_x – “*x’s being empirically (sensually) not-cognizable*”, i.e. “*imperceptibility (impalpability, intangibility, invisibility) of (what, whom) x*”. W_x – “*x’s self-termination (self-annihilation), suicide*”. X_x – “*x’s self-preservation (self-conservation), self-defense*”, V_x – “*doubt in (what, whom) x*”. Q_x – “*belief (faith, trust) in (what, whom) x*”. The introduced functions are defined by the following table 2.

Table 2 – Continuing and finishing the previous table

x	F_x	J_x	L_x	O_x	S_x	C_x	Y_x	W_x	X_x	V_x	Q_x
g	b	g	g	g	g	b	g	b	g	b	g
b	g	b	b	b	b	g	b	b	g	g	b

¹ In the glossary for the table 1, in one sentence the word “God” starts with the capital letter “G” but in another sentence the word “god” starts with the small letter “g”. Here it is worth emphasizing that this is not a mistake by negligence: this is implemented on principle. The deliberately implemented difference indicates to the important difference of formal-axiological meanings of the word in *monotheistic world religions* and *polytheistic local (pagan, heathen) ones*. It is easy to see the significant difference between the two formal-axiological meanings of the word, i.e. between the two value-functions G_x and I_x , by attentive comparing their tabular definitions (see the table 1).

The *glossary* for the below-submitted evaluation-table 3: (Here the lower number-index 2 standing immediately after a capital letter informs that the indexed letter stands for a function determined by two variables.) Let the symbol K_{xy} stand for the evaluation-function “*x*’s being with *y*” or “*x*’s and *y*’s being together”, or “*joint being of x and y*. The symbol Z_{xy} stands for the evaluation-function “*y*’s being without *x*”. The symbol E_{xy} stands for the evaluation-function “*axiological equivalence (identity of values) of x and y*”. C_{xy} stands for the evaluation-function “*being, presence of y in x*”. T_{xy} – “*termination (annihilation) of x by y*”. These functions are defined by the following table 3. Also, one can find tabular definitions of these functions in (Lobovikov, 2007, 2009, 2011, 2018, 2019).

Table 3 – The functions determined by two arguments

#	x	y	K_{xy}	Z_{xy}	K_{N_1xy}	K_{N_2yx}	Z_{yx}	E_{xy}	C_{xy}	C_{yx}	T_{xy}
1	g	g	g	b	b	b	b	g	g	g	b
2	g	b	b	b	b	g	g	b	b	g	b
3	b	g	b	g	g	b	b	b	g	b	g
4	b	b	b	b	b	b	b	g	g	g	b

Definition 1 (of *formal-axiological-equivalence-relation*): in two-valued algebraic system of metaphysics as formal axiology, evaluation-functions (=abstract axiological forms) Ω and Ψ are *formally-axiologically equivalent* (hereafter this is represented by the symbol “ $\Psi = + = \Omega$ ”), if and only if they acquire identical values (from the set {*g* (*good*), *b* (*bad*)}) under any possible combination of values of their evaluation-variables.

Definition 2 (of *formal-axiological law*): in two-valued algebra of metaphysics as formal axiology, an evaluation-function (abstract axiological form) is called *formally-axiologically (or invariantly, or absolutely) good one* (or a *formal-axiological law* of algebra of metaphysics), if and only if it acquires the value *g* (*good*) under any possible combination of values of its variables.

Definition 3 (of *formal-axiological contradiction*): in two-valued algebra of formal axiology, an evaluation-function is called *formally-axiologically (or invariantly, or absolutely) bad one*, or a *formal-axiological contradiction*, if and only if it acquires the value *b* (*bad*) under any possible combination of values of its variables.

In respect to the above-given definition-1 it is worth mentioning and emphasizing that in the ambiguous natural language the relation “ $\Psi = + = \Phi$ ” is represented by the words-homonyms “is”, “means”, “implies”, “entails”, “equivalence” (They may stand for the *formal-axiological equivalence* relation “ $= + =$ ”). As in the ordinary natural language the words “is”, “means”, “implies”, “equivalence”, etc. also may stand for the logical operations “equivalence” and “implication”, there is a real possibility of confusions produced by absolute identifying and, hence, substituting for each other the substantially different notions “ $= + =$ ” and logical operation “equivalence” (or “ $= + =$ ” and logical operation “implication”). Such mixing and substituting are strictly forbidden in the above-defined algebra of metaphysics as formal axiology. Ignoring this ban indispensably leads to paradoxical results.

Taking into an account the above-given definitions, one can make an important discovery: the *invariant laws* (formal-axiological ones) of abstract evaluation-relativity theory do not depend upon possible changes of evaluator Σ . If Ψ is a formal-axiological law, then Ψ is good in relation to every evaluator Σ .

Moreover, in the abstract evaluation-relativity theory under application, *formal-axiological contradictions* also do not depend upon possible changes of the evaluator Σ . If Ψ is a formal-axiological contradiction, then Ψ is bad in relation to every evaluator Σ .

Finally, if there is the above-defined *formal-axiological equivalence* relation between evaluation-functions Ψ and Φ , then the functions Ψ and Φ are *formally-axiologically equivalent* ones in relation to every evaluator Σ .

Hence, in spite of the evident flexibility and obvious relativity of *empirical* evaluations, there are *absolute invariants* (immutable universal laws) of the evaluation relativity. Thus, the evaluation relativity is not an absolutely unsolvable problem as the relativity is not absolute but relative one.

Concerning the above-said there is one more theme worthy of mentioning. From the purely mathematical point of view in the two-valued algebra of metaphysics there are 4 (and only 4) mathematically different *unary formal-axiological operations* (two mutually opposite constant-functions and two mutually opposite not-constant-functions). However, in this paper I deal with more than 4 different unary formal-axiological operations. This is so because their difference is not purely mathematical one: it comes from the field of application of the mathematical apparatus, namely, from the contents of metaphysics as abstract-value-form theory. Hence the more-than-four-element-set of unary formal-axiological operations considered in this paper is divided into four subsets and in each of the four subsets any elements are formally-axiologically equivalent to each other. Thus, there is no inconsistency.

Now the preparatory work is finished: the set of basic definitions necessary and sufficient for constructing the above-promised proof (of God-omnipresence as the formal-axiological-law of the algebraic system) is already presented. Therefore, let us start proving by computing.

2. Demonstrating the Formal-Axiological-Law of God's Omnipresence by Computing Relevant Evaluation-Functions and Systematical Using the Above-Given Definitions

First of all, let us concentrate attention on the fact that (according to the above-given table 1) it is true that $G_1x=+=g$. Then keeping in mind (or attentively looking at) the above-given tables 1–3, let us begin accurate computing relevant compositions of evaluation-functions. By computing relevant tables, it is easy to obtain the following formal-axiological equations. The reader is invited to examine autonomously all the below-listed equations step by step for becoming convinced that they are true. (To the right after each equation immediately after the colon, a translation from the artificial language into the natural one is placed.)

- 1) $B_y=+=K_2yG_1x$: (y's being) is y's being with God (Spinoza, 1994, p. 594).
- 2) $B_y=+=C_2G_1xy$: (y's being) is y's being in God.
- 3) $K_2yG_1x=+=C_2G_1xy$: (y's being with God) and (y's being in God) are formally-axiologically equivalent.

4) $E_2K_2yG_1xC_2G_1xy=+=g$: the axiological equivalence of (y's being with God) and (y's being in God) is a formal-axiological law (of algebra of metaphysics).

5) $E_2B_1yK_2yG_1x=+=g$: the axiological equivalence of (y's being) and (y's being with God) is a formal-axiological law (of algebra of metaphysics).

6) $E_2B_1yC_2G_1xy=+=g$: the axiological equivalence of (y's being) and (y's being in God) is a formal-axiological law.

7) $K_2B_1yN_1K_2yG_1x=+=b$: ((y's being) but nonbeing with God) is a formal-axiological contradiction (in algebra of metaphysics).

8) $K_2B_1yN_1C_2G_1xy=+=b$: ((y's being) but nonbeing in God) is a formal-axiological contradiction.

9) $K_2C_2G_1xyN_1K_2yG_1x=+=b$: ((y's being in God) but not with God) is a formal-axiological contradiction.

10) $C_2xG_1y=+=g$: God's being in every x is a formal-axiological law (of algebra of metaphysics).

11) $C_2Z_1xG_1y=+=g$: God's being in (every) thing x is a formal-axiological law (of algebra of metaphysics).

12) $C_2P_1xG_1y=+=g$: God's being in place of every x (i. e. in any x 's place) is a formal-axiological law (of algebra of metaphysics).

13) $C_2T_1xG_1y=+=g$: God's being in time of every x (i. e. in any x 's time) is a formal-axiological law.

Hence in the above-formulated two-valued algebraic system of metaphysics (=formal axiology) there is a *formal-axiological-law* according to which *it is absolutely good that God is everywhere, at any time, in everything*.

Thus, effectively constructing the demonstration (by computing compositions of relevant evaluation-functions) is finished. Here you are. From the purely mathematical technical viewpoint the submitted demonstration (by calculation of tables) is surprisingly elementary, but I think that from the conceptual metaphysical viewpoint it is quite nontrivial, and also, I believe that it is very important for further development of contemporary analytical theology. In any way it is worth recognizing that accepting all the above-given materially nontrivial definitions *necessarily* results in accepting God's omnipresence as the *formal-axiological law of algebra of metaphysics*.

His omnipresence is not the only *law of algebra of formal axiology* important for mathematical theology as a logically consistent system of the laws. According to the following equation 14, also *existence of God is the formal-axiological law*.

14) $B_1G_1x=+=g$: God's existence – a law of algebra of metaphysics.

Moreover, according to the following equation 15, necessity of God's existence is also the law of this algebra.

15) $L_1B_1G_1x=+=g$.

Let us continue generating the list of equations interesting for theology.

16) $J_1G_1x=+=g$: God's infinity (indefiniteness) – a formal-axiological law as well.

The below equations 17 and 18 mathematically model the religious tenets of immovability and immaterialness of God, respectively.

17) $U_1G_1x=+=g$: God's immutability – a law in the algebraic model of metaphysics.

18) $N_1M_1G_1x=+=g$: God's immaterialness – a law of algebra of metaphysics.

The below equations 19 and 20 mathematically model the theological tenets of necessity and one-ness of God, respectively.

19) $L_1 G_1 x = + = g$: God's necessity – a metaphysical law in algebra under review.

20) $O_1 G_1 x = + = g$: God's one-ness – a law in the algebraic model of metaphysics.

The below equations 21 and 22 mathematically represent the theological statements of God's simplicity and of impossibility of His being an object of empirical knowledge (sensual perception), respectively.

21) $S_1 G_1 x = + = g$: God's simplicity – a law of algebra of metaphysics.

22) $Y_1 G_1 x = + = g$: impossibility of empirical cognizing God (impossibility of having a sensation of Him) – a law of algebra of metaphysics.

23) $Q_1 G_1 x = + = g$: belief (faith, trust) in God of x is – a law of algebra of metaphysics.

24) $X_1 x = + = g$: self-protection (self-conservation) of x is a law of algebra of metaphysics.

25) $Q_1 G_1 x = + = X_1 x$: belief (faith, trust) in God of x is equivalent to self-protection (self-conservation) of x .

In my opinion the above discourse systematically exploiting elementary notions and methods of discrete mathematics for explicating difficult or problematic aspects of theology is comprehensible for everybody who has not forgotten the basic mathematical concepts and skills obtained in ordinary high school. Possessing the desire and spare time such readers can (and are invited to) examine each of the above-listed equations themselves.

However, I recognize that it is quite natural to expect that statistically-normal human creatures (typical laymen) equipped with commonsense, formal logic, and empirical knowledge of facts can generate a lot of alleged objections against the above-generated seemingly paradoxical equations 1–25. Also in my opinion it is quite natural that, in fact, today very many of such objections are already invented, published, and discussed in the relevant theological-philosophical literature starting with Augustine (1953, 1994), Anselm (1998), Aquinas (1975, 1994), and finishing with contemporary publications by Brom (1984, 1993), Hartshorne (1941), Swinburne (1977), Wierenga (1988, 1989, 2010, 2015), et al.

Nevertheless, I think that very often the so-called refutations of God's omnipresence are not proper refutations but illusions of the ones naturally produced by the ambiguity and homonymy of the words "is", "means", "implies", "entails", "equivalence", "inconsistency", etc. in the natural language. I think so because very often the refutation options invented (artificially constructed on purpose) and submitted by the sophisticated critics contain a well-camouflaged and hence not-recognized violation of the principle of logic autonomy of values (evaluations) and facts. According to this principle it is strictly forbidden to make up a formal logic inference from *purely evaluative* statements to *purely factual* (contingent) ones and conversely. Generally speaking, it is not logical to go from *empirical* "what is (contingently)" to "what is good" and from "what is good" to *empirical* "what is (contingently)". In general, the gap is unbridgeable by means of formal logic-inference rules. Forbidden attempts to bridge up this gap by logic-inferences generate various paradoxes which could be dissolved by systematical using the logic-autonomy principle. In accordance with this principle the above equations 1–25 *only seem* paradoxical from the *empiri-*

cal viewpoint because they are not logic connections of *empirical* statements about facts (*contingent truths*) but *a-priori formal-axiological* statements about formal-axiological relations between evaluation-functions.

References

1. Anselm, St. (1998). *Anselm of Canterbury: The Major Works*. Oxford: Oxford University Press.
2. Aquinas, St. Thomas. (1975). *Summa contra Gentiles*. Notre Dame: University of Notre Dame Press.
3. Aquinas, St. Thomas. (1994). The Summa Theologica. V.I. In M.J. Adler (Ed.), *Great Books of the Western World. V. 17. Aquinas: I*. Chicago; Auckland; London; Madrid: Encyclopedia Britannica, Inc.
4. Augustine, St. (1953). *Saint Augustine Letters* (Vols. III–IV). *The Fathers of the Church*, New York: Fathers of the Church, Inc.
5. Augustine, St. (1994). The Confessions. The City of God, On Christian Doctrine. In M.J. Adler (Ed.), *Great Books of the Western World. V. 16: Augustine*. Chicago; Auckland; London; Madrid: Encyclopedia Britannica, Inc.
6. Brom, L.J. (1984). God's Omnipresent Agency. *Religious Studies*, 20(4), 637–655.
7. Brom, L.J. (1993). *Divine Presence in the World: A Critical Analysis of the Notion of Divine Omnipresence*. Kampen, Netherlands: Kok Pharos Publishing House.
8. Carnap, R. (1931). Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache [Overcoming Metaphysics by logical Analysis of Language]. *Erkenntnis*, 2, 219–241.
9. Carnap, R. (1956). *Meaning and Necessity: a study in semantics and modal logic*. Chicago and London: University of Chicago Press.
10. Descartes, R. (1985). *The Philosophical Writings of Descartes* (Vol. iii, trans. John Cottingham, Robert Stoothoff, Dugald Murdoch, and Anthony Kenny). Cambridge: Cambridge University Press.
11. Everitt, N. (2010). The Divine Attributes. *Philosophy Compass*, 5(1), 78–90.
12. Futch, M. (2008). *Leibniz's Metaphysics of Time and Space*. Dordrecht: Springer Science + Business Media B.V.
13. Geisler, N. (2003). *Systematic Theology: Vol. 2. God/Creation*. Minneapolis, MN: Bethany House Publishers.
14. Grabowski, S. (1954). *The All-Present God: A Study in St. Augustine*. St. Louis: B. Herder.
15. Hartshorne, C. (1941). *Man's Vision of God and the Logic of Theism*. New York: Harper & Brothers.
16. Hudson, H. (2009). Omnipresence. In T.P. Flint, & M.C. Rea (Eds.), *The Oxford Handbook of Philosophical Theology* (pp. 199–216). Oxford: Oxford University Press.
17. Hume, D. (1998). *An Enquiry Concerning the Principles of Morals*. Oxford: Oxford University Press.
18. Hume, D. (2000). *A Treatise of Human Nature*. Oxford: Clarendon Press.

19. Inman, R. (2016). *Omnipresence and the Location of the Immaterial*. Retrieved from http://www.marcsandersfoundation.org/wp-content/uploads/Omnipresence_and_the_Location_of_the_Immaterial.pdf

20. Leftow, B. (1989). Anselm on Omnipresence. *New Scholasticism*, 63, 326–357.

21. Leibniz, G.W.F. (1903). *Generales Inquisitiones de Analysi Notionum et Veritatum* [General Investigations concerning the Analysis of Concepts and Truths]. In L. Couturat (Ed.), *Opuscules et Fragments Inédits de Leibniz: extraits de la Bibliothèque royale de Hanovre* [Leibniz's Booklets and Unpublished Fragments: Excerpts from the Royal Library in Hanover] (pp. 356–399). Paris: Alcan.

22. Leibniz, G.W.F. (1952). *Theodicy: Essays on the Goodness of God, the Freedom of Man, and the Origin of Evil*. London: Routledge and Kegan Paul.

23. Leibniz, G.W.F. (1989). *Philosophical Papers and Letters*. Netherlands: Kluwer Academic Publishers.

24. Leibniz, G.W.F. (1996). *New essays on human understanding*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

25. Lobovikov, V. (2007). *Matematicheskaya etika, metafizika i estestvennoe pravo (Algebra metafiziki kak algebra formal'noi aksiologii)* [Mathematical Ethics, Metaphysics, and the Natural Law (Algebra of Metaphysics as Algebra of Formal Axiology)]. Ekaterinburg: Ural'skoe otdelenie Rossiiskoi akademii nauk [Ural Branch of the Russian Academy of Sciences] (in Russian).

26. Lobovikov, V. (2009). “*Nicshcheta filosofii*” i ee preodolenie “*cifrovoy metafizikoj*”: *Diskretnaya matematicheskaya model' nicsheanskoj filosofii soznaniya, religii, morali, prava i prestupleniya* [“Poverty of Nietzsche's philosophy” and overcoming it by “digital metaphysics”: A discrete mathematical simulation of Nietzsche's philosophy of consciousness, of religion, of morals and of crime]. Ekaterinburg: Ural'skoe otdelenie Rossiiskoi akademii nauk [Ural Branch of the Russian Academy of Sciences] (in Russian).

27. Lobovikov, V. (2011). Discrete Mathematical Representing G. W. Leibniz' Philosophy of Law, Morals and Theology by Means of Two-Valued Algebra of the Natural Law (Studying Moral-legal Evaluation-Functions Determined by Two Variables in Algebra of Formal Axiology). In H. Breger, J. Herbst, & S. Erdner (Eds.), *XI International Leibniz-Congress “Nature and Subject” under the Auspices of Federal President (Hannover, 26 September until 1 October 2011)*. V. 2. (pp. 611–615). Berlin: Akademie Verlag; Bahlsen GmbH & Co. KG.

28. Lobovikov, V. (2014). Algebra of Morality and Formal Ethics. In Y. Benziman, V. Lobovikov, R.I. Lublin, L. Huang, S. Bacon, N. Szutta, & K. Bronk (Eds.), *Looking Back to See the Future. Reflections on Sins and Virtues* (pp. 17–41). Oxford: Interdisciplinary Press.

29. Lobovikov, V. (2015). The Trinity Triangle and the Homonymy of the Word “Is” in Natural Language (A Logically Consistent Discrete Mathematical Representation of the Trinity by Means of Algebra of Morality and Formal Ethics). *Philosophy Study*, 5(7), 327–341. doi: 10.17265/2159-5313/2015.07.001

30. Lobovikov, V. (2017). Proving God's Omnipresence by Calculating Compositions of Evaluation-Functions in Two-Valued Algebra of Metaphysics as Formal Axiology. In *The Book of Abstracts of the 2nd World Congress on Logic and Religion, Warsaw, June 18–22, 2017* (p. 56). Warsaw: Institute of Philosophy

of the University of Warsaw.

31. Lobovikov, V. (2018). Vindicating Gödel's Uniting Logic, Metaphysics and Theology. In *Proceedings of the Round Table "Religion and Religious Studies in the Urals"* (pp. 33–36). Yekaterinburg: Delovaya Kniga.

32. Lobovikov, V. (2019). Analytical Theology: God's Omnipotence as a Formal-Axiological Law of the Two-Valued Algebra of Formal Ethics (Demonstrating the Law by "Computing" Relevant Evaluation-Functions). *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 1(47), 87–93. doi: 10.17223/1998863X/47/9

33. Malebranche, N. (1997). *Dialogues on Metaphysics and on Religion*. Cambridge: Cambridge University Press.

34. Moore, G. E. (1903). *Principia Ethica*. Cambridge: Cambridge University Press.

35. Newton, I. (1962). *Unpublished Scientific Papers of Isaac Newton*. Cambridge: Cambridge University Press.

36. Newton, I., (1994). Mathematical Principles of Natural Philosophy. In M. J. Adler (Ed.), *Great Books of the Western World. V. 32: Newton. Huygens* (pp. 1–372). Auckland; London; Madrid; Manila; Paris; Rome; Seoul; Sydney; Tokyo; Toronto: Encyclopedia Britannica, Inc.

37. Oakes, R. (2006). Divine Omnipresence and Maximal Immanence: Supernaturalism versus Pantheism. *American Philosophical Quarterly*, 43(2), 171–179.

38. Pruss, A. (2013). Omnipresence, Multilocation, the Real Presence and Time Travel. *Journal of Analytic Theology*, 1(1), 60–72.

39. Spinoza, B. (1994). Ethics. In M. J. Adler (Ed.), *Great Books of the Western World. V. 28: Bacon. Descartes. Spinoza* (pp. 583–697). Chicago; Auckland; London; Madrid: Encyclopedia Britannica, Inc.

40. Stump, E. (2008). Presence and Omnipresence. In P. Weithman (Ed.), *Liberal Faith: Essays in Honor of Philip Quinn* (pp. 59–82). Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press.

41. Stump, E. (2011). Eternity, Simplicity, and Presence. In G. T. Doolan (Ed.), *The Science of Being as Being: Metaphysical Investigations* (pp. 243–263). Washington, D.C.: Catholic University Press.

42. Stump, E. (2013). Omnipresence, Indwelling, and the Second-Personal. *European Journal for Philosophy of Religion*, 5(4), 63–87.

43. Swinburne, R. (1977). *The Coherence of Theism*, Oxford: Oxford University Press.

44. Wainwright, W. (2010). Omnipotence, Omniscience, and Omnipresence. In C. Taliaferro, & C. V. Meister (Eds.), *The Cambridge Companion to Christian Philosophical Theology* (pp. 46–65). Cambridge: Cambridge University Press.

45. Wierenga, E. (1988). Anselm on Omnipresence. *New Scholasticism*, 52, 30–41.

46. Wierenga, E. (1989). *The Nature of God: An Inquiry into Divine Attributes*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

47. Wierenga, E. (2010). Omnipresence. In C. Taliaferro, P. Draper, & P. L. Quinn (Eds.), *A Companion to the Philosophy of Religion* (pp. 258–262). Oxford: Blackwell Publishers.

48. Wierenga, E. (2019). Omnipresence. In Edward N. Zalta (Ed.), *The Stanford*

Encyclopedia of Philosophy (Summer 2019 Edition). Retrieved February 17, 2020, from <http://plato.stanford.edu/archives/sum2019/entries/omnipresence/>

49. Wittgenstein, L. (1992). *Tractatus logico-philosophicus*. London; New York: Routledge & K. Paul.

Для заметок

A series of horizontal dotted lines for taking notes.

DISCOURSE-P
ДИСКУРС★*Ми*

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте: rusakova_mail@mail.ru. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <http://madipi.ru>.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2010 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине страницы.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org/>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования, 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы a, b, c... после года. Пример:

(Нye, 2011a, 2011b).

12. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». Тире обозначается символом «–» (среднее тире); дефис «-».
13. К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
14. В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
15. Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417-2002.
16. Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер в тексте статьи. Нумерация иллюстраций – сквозная. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисовочными подписями должен быть также предоставлен

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

1. **УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
2. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
3. **Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть в списке.
4. **Фамилия, имя, отчество** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов Иван Иванович**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
место работы,
ученая степень (при наличии), должность,
город, страна,
идентификационный номер ORCID (если имеется),
адрес электронной почты.
5. **Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 240–280 слов. Желательно, чтобы в аннотации была отражена следующая информация: цель, методы исследования, результаты, научная новизна.
6. **Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов.

Англоязычная часть статьи:

7. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov I.I.**).
8. **Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
9. **Фамилия, имя, отчество** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov Ivan Ivanovich**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
место работы,
ученая степень (при наличии), должность,
город, страна,
идентификационный номер ORCID (если имеется),
адрес электронной почты.
10. **Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
11. **Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
12. Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение (Introduction) – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования (Results) – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательны подзаголовки.
Заключение (Conclusion) – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
Список литературы (на русском языке) – формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском. Должен содержать не менее 10 источников. Необходимо минимизировать цитирование учебных пособий, справочников, диссертаций, текстов, размещенных на сайтах. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты. При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org/>).
Варианты оформления:

Автор, А.А. (2018). *Название книги*. Издательство.

Автор, А.А. (2018). *Название статьи*. *Название журнала*, 22(3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx.

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Автор, А.А. (2018, 12 января). *Название документа* [Формат документа]. Взято с URL

Формат даты на русском языке: (год, день месяц). Формат даты на английском языке: (год, Месяц день). Если дату установить невозможно, в скобках указывается (без даты) или (n.d.) – для англоязычных источников.

Пример:

Author, A.A. (n.d.). *Title of document* [Format description]. Retrieved from URL

References (список литературы на английском языке) – формируется в алфавитном порядке. Англоязычные источники остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации. Варианты оформления:

Author, A.A. (2018). *Nazvanie knigi* [Title of the book]. Moscow: Gnosis.

Author, A.A. (2018). *Nazvanie stat'i* [Article title]. *Nazvanie zhurnala*, 22(3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx

Author, A.A. (2018, January 12). *Nazvanie dokumenta* [Document's name]. Retrieved from URL

Примеры оформления списка литературы

Тип источника	В списке литературы
Книга, монография	Автор, А.А. (2018). <i>Название книги</i> . Место: Издательство. Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис. Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Книга, монография (организация указана в качестве автора)	Название организации. (2003). <i>Название книги: подзаголовок</i> . Место: Издательство. Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.
Книга, монография (без указания авторов)	<i>Название книги</i> (6-ое изд.). (2005). Место: Издательство. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Книга, монография (с указанием редактора)	Редактор, А.А., Редактор, Б.Б., Редактор, В.В. (Ред.). (2012). <i>Название книги: подзаголовок</i> . Место: Издательство. Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи». Editor, J.J., Editor, A.A., & Editor, P.P. (Eds.). (2012). <i>Book title: And subtitle</i> . Abingdon: Routledge.
Статья	Автор, А.А. (2015). Название статьи. <i>Название журнала, том(номер)</i> , страницы. doi: xx.xxxxxxxx Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358 Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6(1), 106–138. doi: 10.1007/s11516-011-0124-4
Электронный ресурс (статья)	Караганов, С. (2017). О новом ядерном мире. Как укрепить сдерживание и сохранить мир. <i>Россия в глобальной политике</i> , 15(2), 8–19. Взято с https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Электронный ресурс (газета, журнал)	Автор, А. (2015, 12 января). Название статьи. <i>Название газеты, том(выпуск)</i> . Взято с URL Author, A. (2012, January 12). Title of article. <i>The Sunday Times</i> . Retrieved from http://www.sundaytimes.com
Электронный ресурс (веб-страница, есть автор)	Если страница имеет нетипичный формат (например, блог, очерк, видео, твит и т.п.), укажите его в квадратных скобках. Автор, А. (2018, 9 марта). <i>Название документа</i> [Формат документа]. Взято с URL Author, A. (2011, March 9). <i>Title of document</i> [Format description]. Retrieved from URL
Электронный ресурс (веб-страница, нет автора)	<i>Название веб-страницы</i> . (дата). Взято с URL <i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> . (2019, 12 июля). Взято с http://government.ru/news/37355/ <i>Oxford Electric Bell</i> . (n.d.). Retrieved from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell

Примеры оформления списка литературы на английском языке (References)

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004). <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
Статья (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук, 18(1)</i> , 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. ot-niya Ros. akad. nauk, 18(1)</i> , 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358
Электронный ресурс	Караганов, С. (2017). О новом ядерном мире. Как укрепить сдерживание и сохранить мир. <i>Россия в глобальной политике, 15(2)</i> , 8–19. Взято с https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644	Karaganov, S. (2017). O novom yadernom mire. Kak ukrepit' sderzhivanie i sohranit' mir [About New Nuclear World. How to Strengthen Deterrence and Keep the Peace]. <i>Rossiya v global'noj politike, 15(2)</i> , 8–19. Retrieved from https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644
	Пучков, П. (2017, 10 апреля). <i>Современные «революции» / Революция и современность</i> . Взято с http://gefter.ru/archive/21809#anchor1	Puchkov, P. (2017, April 10). <i>Sovremennyye «revolyutsii» / Revolyutsiya i Sovremennost'</i> [Modern «revolutions» / Revolution and Modernity]. Retrieved from http://gefter.ru/archive/21809#anchor1
	<i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> . (2019, 12 июля). Взято с http://government.ru/news/37355/	<i>Rabochaya poezdka Tat'yany Golikovej v Murmanskuyu oblast'</i> [Working visit of Tatiana Golikova to the Murmansk region]. (2019, July 12). Retrieved from http://government.ru/news/37355/

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in «Discourse-P» scientific journal.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. The article should be sent to the editorial office by e-mail: rusakova_mail@mail.ru. Please use the **template** when writing an article posted on the site <http://madipi.ru>.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2010 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA style is used (<https://apastyle.apa.org/>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a «quoted text» (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. When using quotation marks in the text, the typographic version «» is used. A dash is indicated by the symbol «-» (middle dash); hyphen «-».
13. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
14. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
15. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002.
16. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number in the text of the article. The numbering of illustrations should be continuous. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith J.**).
3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If financial support was provided to the author when writing an article, this should be mentioned in a footnote.
4. **Surname, name, patronymic** of the author – right alignment; bold font (example: **Smith Jonh**); the following are aligned to the right of the page:
*place of work,
academic degree (if any), post,
city, country,
ORCID (if any),
E-mail address.*
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 240–280 words. It is desirable that the following information be reflected in the annotation: purpose, research methods, results, scientific novelty.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words.

Russian part of the article:

7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Surname, name, patronymic** of the author – right alignment; bold font (example: **Смит Джон**); the following are aligned to the right of the page:
*place of work,
academic degree (if any), post,
city, country,
ORCID (if any),
E-mail address.*
10. **Abstract** (abstract in Russian) – width alignment.
11. **Keywords:** (keywords in Russian) – width alignment.

The main text of the article (in English):

12. The main text of the article should be divided into sections. It is desirable that the following information be reflected in the text of the article:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, the degree of research in science, the purpose of the article, the research technique and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were undertaken both by the author and other researchers. Subheadings are desirable in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
References – is formed in alphabetical order. First come the sources in Russian, then in English. Must contain at least 10 sources. It is necessary to minimize the citation of textbooks, reference books, dissertations, texts posted on websites. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date. The design uses the APA style: <https://apastyle.apa.org/>.
Design Options:

Author A.A. (2018). *Title of the book*. Publisher.

Posted by A.A. (2018, May). Article title. *Journal title*, 22(3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx

Author, A.A. (2018, January 12). *Title of document* [Format description]. Retrieved from URL

Date format (year, month day). If the date cannot be set, in brackets is indicated (without date) or (n.d.).

Example: Author, A.A. (n.d.). *Title of document* [Format description]. Retrieved from URL

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	<p>Author, A.A. (2018). <i>Book title</i>. Location: Publisher.</p> <p>Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i>. M.: Gnosis.</p> <p>Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i>. New York, NY: Routledge.</p>
Book, monograph (organization indicated in as an author)	<p>Name of the organization. (2003). <i>Book title: subtitle</i>. Location: Publisher.</p> <p>Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i>. Moscow: Freedom.</p>
Book, monograph (without authors)	<p><i>Book Title</i> (6th ed.). (2005). Location: Publisher.</p> <p><i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.</p>
Book, monograph (with the indication of the editor)	<p>Editor, A.A., Editor, B.B., & Editor, C.C. (Eds.). (2012). <i>Book title: subtitle</i>. Location: Publisher.</p> <p>Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: theory, resources, discourse</i>. Ekaterinburg: Publ. House «Discourse-P».</p>
Article	<p>Author, A.A. (2015). Article title. <i>Journal name, volume(issue number)</i>, page(s). doi: xx.xxxxxxxx</p> <p>Fishman, L.G. (2018). Undereducated community. <i>Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law Ural branches of the Russian Academy of Sciences</i>, 18(1), 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358</p> <p>Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i>, 6(1), 106–138. doi: 10.1007/s11516-011-0124-4</p>
Electronic resource (article)	<p>Karaganov, S. (2017). About the new nuclear world. How to strengthen containment and maintain peace. <i>Russia in global politics</i>, 15(2), 8–19. Retrieved from https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-1864</p>
Electronic resource (newspaper, magazine)	<p>Author, A. (2015, January 12). Article title. <i>Newspaper name, volume(issue number)</i>. Retrieved from URL</p> <p>Author, A. (2012, January 12). Title of article. <i>The Sunday Times</i>. Retrieved from http://www.sundaytimes.com</p>
Electronic resource (web page, author presents)	<p>If the page has an atypical format (for example, a blog, essay, video, tweet, etc.), indicate it in square brackets.</p> <p>Author, A. (2011, March 9). <i>Document name</i> [Format description]. Retrieved from URL</p>
Electronic resource (web page, no author)	<p><i>Webpage name</i>. (date). Retrieved from URL</p> <p><i>Oxford Electric Bell</i>. (n.d.). Retrieved from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell</p>